

U³⁰⁴₇₃

2007099106

У 304
73

И 4
28.

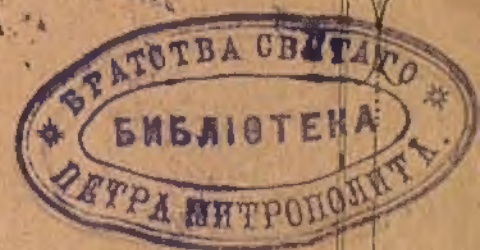
ДВѢНАДЦАТЬ ЛѢТЪ МОЛОДОСТИ.

ВОСПОМИНАНІЯ

изъ временъ царствованія Императора Николая I.

ГРИГОРІЯ ДМИТРІЕВИЧА

ЩЕРБАЧЕВА.

Цѣна 1 руб.

836

869.

МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.

1892.

ДВѢНАДЦАТЬ ЛѢТЪ МОЛОДОСТИ.

ВОСПОМИНАНІЯ

изъ временъ царствованія Императора Николая I.

Г. Д. ЩЕРБАЧЕВА.

У $\frac{304}{73}$ 90

ДВѢНАДЦАТЬ ЛѢТЪ МОЛОДОСТИ.

ВОСПОМИНАНІЯ

изъ временъ царствованія Императора Николая I.

ГРИГОРІЯ ДМИТРІЕВИЧА

ЩЕРБАЧЕВА.

МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.

1892.

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ МОЛОДОСТИ

ПОСЛЕДНИЕ

ВЕРНУЛИСЬ В РОДИНУ

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ МОЛОДОСТИ

ВЕРНУЛИСЬ В РОДИНУ

8696-45

МОСКВА

Второй выпуск в 1950 году. Издательство «Молодая гвардия»

ДВѢНАДЦАТЬ ЛѢТЪ МОЛОДОСТИ.

Воспоминанія Г. Д. Щербачева.

I.

Служба въ Гвардейской Конной Артилеріи.—Кадетскіе корпуса прежняго времени.—
Маскарадъ въ Новгородѣ.—Старая Русса.—Первая любовь.

Въ 1840 году я поступилъ на службу въ гвардейскую конную артилерію юнкеромъ. Въ 1843 году, по выдержаніи экзамена въ офицерскихъ классахъ Артилерійскаго Училища (нынѣ Артилерійская Академія), я былъ произведенъ въ офицеры. Мнѣ было тогда около 19 лѣтъ.

Я былъ въ восторгѣ и отъ эполетъ, и отъ шляпы съ бѣлымъ султаномъ, которую носилъ. Я смотрѣлъ на предстоявшую мнѣ жизнь, какъ на рядъ удовольствій и всякаго рода наслажденій; мнѣ казалось, что не было на свѣтѣ человѣка счастливѣе меня. По производствѣ въ офицеры, я прожилъ около двухъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ и, въ теченіе этого времени, съ утра и до глубокой ночи не бывалъ дома: утромъ проводилъ время съ товарищами, въ 3 часа дня отправлялся гулять на Невскій проспектъ, а вечеромъ бывалъ въ театрахъ, маскарадахъ и на вечерахъ. Не имѣя никакихъ музыкальных способностей, я, тѣмъ не менѣе, посѣщалъ и Итальянскую опе-

ру, тогда только что открывшүюся въ Петербургѣ, съ знаменитыми артистами Рубини, Тамбурини и Віардо-Гарсіей. Слыша восторженные о нихъ отзывы, я старался также ими восхищаться, хотя пѣніе ихъ не производило на меня никакого впечатлѣнія. Помню, что давали оперу „Севильскій Цирюльникъ“. Я пріѣхалъ въ театръ и взялъ мѣсто въ первомъ ряду, такъ какъ въ другихъ рядахъ мѣстъ не было. Проведя передъ тѣмъ двѣ безсонныя ночи, я не могъ устоять отъ сна меня клонившаго и, сознаюсь, былъ на столько профаномъ, что заснулъ въ то время, когда Віардо-Гарсія пѣла романсъ, приводившій въ восторгъ весь Петербургъ; романсъ этотъ былъ, какъ помнится, „Соловей“. По несчастію, когда я сплю, то имѣю привычку храпѣть; всхрапнувъ и тутъ, я тотчасъ же проснулся и увидалъ удивленные и насмѣшливыя взгляды, обращенныя на меня моими сосѣдями, изъ которыхъ одинъ былъ какой-то генераль. Я до того сконфузился, что готовъ былъ провалиться сквозь землю. Досидѣвъ до конца дѣйствія, я вышелъ во время антракта изъ театра и болѣе не возвращался.

Вскорѣ, частыя мои посѣщенія театровъ навлекли на меня бѣду. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, бывши въ Михайловскомъ театрѣ, замѣтилъ, что у одного офицера гвардейской конной артилеріи, сидѣвшаго въ первомъ ряду креселъ, были длинныя волосы, чего онъ не терпѣлъ, видя въ этомъ какой-то особый родъ вольнодумства. На другой же день онъ сказалъ объ этомъ начальнику гвардейской конной артилеріи полковнику Шварцу и велѣлъ доложить ему, кто былъ этотъ офицеръ. Полковникъ Шварцъ собралъ офицеровъ и хотя я былъ коротко остриженъ, но зная, что я часто бывалъ въ театрахъ, онъ рѣшилъ, что офицеръ съ длинными волосами былъ — я. Какъ я не разувѣрялъ его въ этомъ, доказывая свое *alibi*, но онъ доложилъ Его Высочеству, что съ длинными волосами былъ я, и не прошло и одной недѣли, какъ я былъ переведенъ въ батарею, которая находилась эту зиму въ Новгородской губерніи.

Въ гвардейской конной артилеріи было въ то время четыре батареи, которыя стояли: двѣ въ Петербургѣ, одна—въ Новгородской губерніи, въ 3-мъ округѣ пахатныхъ солдатъ, въ казармахъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, и одна въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга на мызѣ Пеллѣ, при селѣ Ивановскомъ. Батареинная батарея имѣла постоянную стоянку въ Петербургѣ, а три легкія батареи стояли по очереди въ Петербургѣ, на мызѣ Пеллѣ и въ Новгородской губерніи. Кромѣ того, въ составъ гвардейской конной артилеріи входили образцовая конная и сводная казачья батареи, которыя зимою находились постоянно: первая въ Царскомъ Селѣ, а вторая въ Новой Ладогѣ. Въ этомъ году, въ Новгородской губерніи стояла 1-я (нынѣ Его Величества) батарея, въ которую я былъ переведенъ и высланъ на службу.

Служба въ этой батарее оставила во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Командовалъ ею полковникъ Эдуардъ Ивановичъ Кнорингъ. Говоря плохо по-русски, онъ былъ въ душѣ вполнѣ Русскимъ человекомъ и имѣлъ много особенностей, свойственныхъ Русскому характеру. Безпечность, беззаботность, неаккуратность, отсутствіе низкопоклонства передъ начальствомъ и самое теплое участіе въ судьбѣ своихъ подчиненныхъ составляли главныя его черты, которыя снискали ему любовь всѣхъ офицеровъ, считавшихъ его честнымъ и благороднымъ человекомъ и лучшимъ изъ батарейныхъ командировъ.

Изъ офицеровъ, служившихъ въ 1-й батарее, я болѣе всѣхъ сошелся съ Левинымъ. Проживъ съ нимъ на одной квартирѣ всю зиму, я такъ его полюбилъ, что, до самой его смерти, насъ соединяла самая тѣсная дружба. Левинъ былъ старше меня 4-мя годами, но по пылкости чувствъ и впечатлительности характера его можно было считать моимъ ровесникомъ, хотя мнѣ было всего 19 лѣтъ. Разница между нимъ и мной проявлялась только въ нашихъ взглядахъ на службу. Онъ успѣлъ уже побывать на Кавказѣ въ дѣлахъ съ горцами, а потому, испытавъ

боевую жизнь, смотрѣлъ на службу болѣе серьезно, чѣмъ я. Онъ охотно исполнялъ свои служебныя обязанности и считался отличнымъ строевымъ офицеромъ; я же, какъ и всѣ молодые офицеры того времени, не только не любилъ службы, но и считалъ какимъ-то молодечествомъ легко относиться къ служебнымъ обязанностямъ.

Другой офицеръ (старшій въ батареѣ) былъ штабсъ-капитанъ Кельдерманъ, который служилъ прежде въ полевой конной артилеріи и только два или три года передъ тѣмъ былъ переведенъ въ гвардію. Кельдерманъ былъ старше меня 12-ю годами. Хотя онъ пользовался репутаціей хорошаго человѣка и прекраснаго офицера, но его всѣ звали Бурбономъ, такъ какъ онъ вышелъ въ офицеры изъ кадетскаго корпуса. Въ гвардейской конной артилеріи, въ то время, всѣ почти офицеры были изъ Артилерійскаго Училища, изъ Пажескаго корпуса и изъ юнкеровъ; изъ кадетскихъ же корпусовъ было два или три офицера, которые рѣзко отличались отъ всѣхъ другихъ своими манерами и своимъ воспитаніемъ; надъ ними смѣялись и на нихъ смотрѣли, какъ на выслужившихся вахмистровъ, называя ихъ Бурбонами. И дѣйствительно, офицеры эти, своимъ неумѣніемъ держать себя въ обществѣ и полнымъ незнаніемъ Французскаго языка (который былъ въ большомъ употребленіи не только въ высшемъ, но и въ среднемъ кругу общества) нерѣдко подавали поводъ къ самымъ злымъ надъ ними насмѣшкамъ.

Я помню двѣ выходки одного изъ такихъ офицеровъ. Батарея, въ которой онъ служилъ, пришла на траву послѣ лагеря, въ имѣніе одной помѣщицы, М. С. Мартыновой, принадлежавшей къ высшему Петербургскому обществу. Какъ гостепріимная хозяйка, она радушно принимала у себя всѣхъ офицеровъ батареи. Офицеръ О., имѣвшій о себѣ очень высокое мнѣніе, но принадлежавшій къ числу самыхъ отчаянныхъ Бурбоновъ, желая сказать ей пріятное и видя у ней на рукахъ маленькую собачку, выразился такъ: „Какой у васъ прекрас-

ный пестъ, Марья Степановна; нельзя имъ не восхищаться". Отъ этихъ словъ Марью Степановну покорило, а офицеры расхохотались. Затѣмъ, Марья Степановна, зная, что О. былъ боленъ, спросила объ его здоровьѣ. О. употребилъ все усилія, чтобы сдѣлать граціозный поклонъ въ благодарность за оказанное вниманіе и объяснилъ, что его болѣзнь—геморой, отъ котораго онъ страдаетъ только по временамъ, но что въ настоящую минуту онъ совершенно здоровъ. Послѣ такихъ выходовъ, Марья Степановна стала замѣтно избѣгать говорить съ нимъ.

Кельдерманъ былъ не похожъ на этого офицера; онъ умѣлъ держать себя въ товарищескомъ кругу такъ, что все его любили; въ дамскомъ обществѣ онъ бывалъ рѣдко, а если бывалъ, то благодаря своему такту и своей скромности внушалъ къ себѣ симпатію, хотя роль, которую онъ игралъ, была далеко не изъ первостепенныхъ. Не имѣя никакого состоянія, онъ отказывалъ себѣ во всехъ удовольствіяхъ, сопряженныхъ съ денежными расходами. Онъ не могъ даже позволить себѣ имѣть хорошій столъ. Офицеры, зная это и обѣдая съ нимъ за однимъ общимъ столомъ, соразмѣряли свои гастрономическія требованія не съ своимъ, а съ его карманомъ; они дѣлали это изъ деликатности и изъ товарищескаго чувства, которое въ то время было гораздо болѣе развито въ военныхъ частяхъ, нежели теперь.

Говоря о Кельдерманѣ, я позволю себѣ сдѣлать маленькій перерывъ въ моемъ разсказѣ, чтобы сказать нѣсколько словъ по поводу возникшей въ последнее время моды осыпать похвалами прежніе кадетскіе корпуса, въ которыхъ получили, какъ говорятъ, воспитаніе наши лучшіе генералы и традиціями которыхъ мы должны дорожить. Что многіе изъ нашихъ хорошихъ генераловъ вышли изъ кадетскихъ корпусовъ, фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію, точно также несомнѣнно и то, что все знаменитые іерархи нашей церкви вышли изъ семинарій; по

отсюда, однакожь, нельзя вывести заключеніе, что семинаріи прежняго времени были образцовыми заведеніями. Что относится до традицій, то какія онѣ, я не знаю; но знаю, что одно лицо, знавшее злоупотребленія, дѣлаемыя въ кадетскихъ корпусахъ, и принимавшее во время оно дѣятельное участіе въ переименованіи ихъ въ военные гимназій, сказало въ официальной рѣчи, что оно желало бы, чтобы, вмѣстѣ съ именемъ корпусовъ, исчезли бы и традиціи ихъ во вновь формируемыхъ заведеніяхъ. Каковы были корпуса прежняго времени, я позволю себѣ уяснить нѣкоторыми примѣрами, взятыми мною изъ рассказовъ моихъ товарищей и лицъ, окончившихъ курсъ въ этихъ заведеніяхъ.

Все молодые дворяне 40-хъ годовъ стремились служить въ военной службѣ, какъ потому, что служба эта доставляла нѣкоторый почетъ въ обществѣ, такъ и потому, что служебную карьеру можно было составить себѣ почти исключительно служба въ войскахъ. Все высшія государственныя должности, министровъ, сенаторовъ, губернаторовъ давались военнымъ, которые были болѣе на виду у Государя, чѣмъ чиновники гражданского вѣдомства. Кромѣ того, военно-дисциплинарная закваска, по понятіямъ того времени, считалась необходимымъ качествомъ cadaго высокопоставленнаго лица; но не все носившіе военный мундиръ пользовались одинаковымъ вниманіемъ властей. Карьеру можно было себѣ составить преимущественно въ строевой службѣ; служба же нестроевая и служба въ военно-учебныхъ заведеніяхъ считалась ниже строевой, что можно было видѣть изъ того, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ, бывъ одновременно генераль-фельдцейхмейстеромъ, начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и командиромъ гвардейскаго корпуса, могъ имѣть 12 адъютантовъ, и все бывшіе при немъ адъютанты были имъ взяты изъ строя; изъ военно-учебныхъ же заведеній и изъ нестроевыхъ артиллерійскихъ частей онъ не имѣлъ ни одного адъютанта. Предпочтеніе, оказываемое строевой службѣ передъ службою въ военно-учебныхъ за-

веденіяхъ, имѣло, конечно, немалое вліяніе на качество служебнаго персонала въ кадетскихъ корпусахъ. Всѣ наиболѣе способные офицеры стремились служить въ полкахъ; въ кадетскіе же корпуса поступали или мало способные, или болѣзненные, или обремененные большимъ семействомъ, которое не могли содержать, служа въ полкахъ. При такихъ импровизованныхъ воспитателяхъ юношества, воспитательное значеніе корпусовъ было ниже всякой критики. Все воспитаніе было основано на розгахъ. Кадетъ воспитывали въ корпусахъ также, какъ отставной фельдфебель воспитываетъ своихъ сыновей; въ чемъ бы и какъ бы ни провинился мальчикъ, ему давали розги, не разбирая ни степени его вины, ни побужденія къ ней. Случалось подчасъ, что сѣкли и ничѣмъ неповинныхъ кадетъ. Кельдерманъ мнѣ рассказывалъ, что, въ бытность его въ одномъ изъ корпусовъ, директоръ, обходя зданіе корпуса, почувствовалъ въ одномъ помѣщеніи запахъ водки и табака. По сдѣланному осмотру найдено было нѣсколько пустыхъ штофовъ отъ водки и ксаетъ съ табакомъ. Директоръ былъ очень строгъ; дежурнаго офицера онъ тотчасъ посадилъ подъ арестъ, а командиру роты, въ помѣщеніи которой найдены были пустые штофы и ксаетъ съ табакомъ, онъ приказалъ указать виновныхъ; когда же виновные не нашлись, онъ принялъ слѣдующую, придуманную имъ мѣру: построилъ роту въ залѣ, велѣлъ принести побольше розогъ и, вызвавъ одного изъ лучшихъ кадетъ, наиболѣе любимого товарищами, велѣлъ его сѣчь, объявивъ при этомъ, что онъ до тѣхъ поръ будетъ сѣчь, покуда виновные не сознаются. Кончилось тѣмъ, что виновные не сознались, а несчастнаго кадета, почти безъ чувствъ, унесли въ лазаретъ. Этотъ случай обличаетъ, съ одной стороны, отсутствіе въ директорѣ сердца и педагогической подготовки, а съ другой стороны, онъ доказываетъ очерствѣлость чувствъ кадетъ и худо понимаемое ими товарищеское чувство.

О другомъ случаѣ, не менѣе странномъ въ педагогическомъ отношеніи, бывшемъ въ Орловскомъ кадетскомъ корпусѣ, мнѣ

разсказывать самъ директоръ, съ которымъ я былъ знакомъ, когда онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ моемъ сосѣдствѣ, въ деревнѣ. Докладываютъ мнѣ, говоритъ онъ, что, за обѣдомъ, кадеты начали шумѣть вслѣдствіе того, что имъ подали не соевѣмъ свѣжую рыбу. Я тотчасъ же пошелъ въ столовую, велѣлъ наказатъ (какъ, онъ не сказалъ) зачинщиковъ и распорядился, чтобы экономъ всю недѣлю кормилъ ихъ тухлою рыбой.

Много подобныхъ случаевъ я могъ бы привести изъ воспитательской практики кадетскихъ корпусовъ, но разскажу только одинъ, свидѣтельствующій какъ низокъ былъ образовательный цензъ дежурныхъ офицеровъ кадетскихъ корпусовъ. Мнѣ разсказывалъ его преподаватель математики Орловской военной гимназій Гельманъ. Когда въ курсѣ кадетскихъ корпусовъ введено было преподаваніе Тригонометріи, кадетамъ очень понравилась названія тригонометрическихъ линій: синусъ, тангенсъ и др.; одинъ изъ кадетъ, выходя изъ класса, обратился къ дежурному офицеру и объяснилъ ему, что отецъ его обѣщалъ прислать ему боченокъ соленыхъ синусовъ и сотню копченыхъ тангенсовъ. Экая невидаль, сказалъ офицеръ съ улыбкой: вы можете достать этой дряни, сколько хотите, у Ситникова *).

Своеобразный характеръ директора Орловскаго кадетскаго корпуса, который управлялъ корпусомъ около 20 лѣтъ, можно видѣть и въ слѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Получая по Субботамъ отмѣтки о балахъ, поставленныхъ воспитанникамъ въ теченіе недѣли, онъ отмѣчалъ тѣхъ кадетъ, которые получили штрафные балы и, придя въ корпусъ, подзывалъ къ себѣ каждаго изъ нихъ, дѣлалъ ему замѣчаніе и ударялъ его въ лобъ пальцемъ, на который былъ надѣтъ массивный перстень; послѣ этого удара на лбу кадета появлялось обыкновенно енное пятно, которое служило знакомъ его неусѣховъ по классамъ.

---

*) Фамилія содержателя магазина колониальныхъ товаровъ, въ Орлѣ.

Этотъ же директоръ, обходя, одинъ разъ, корпусъ, сдѣлалъ какое-то замѣчаніе одному изъ служащихъ; этотъ послѣдній оправдывался неимѣніемъ инструкціи и просилъ ее дать на будущее время. Въ порывѣ неудовольствія на служащаго за его неумѣстную просьбу, директоръ объяснилъ все дѣло въ приказѣ по корпусу и прибавилъ, что тѣ изъ его подчиненныхъ, которые позволяютъ себѣ обращаться къ нему съ просьбами объ инструкціи, *будутъ анаемы прокляты*. При этомъ справедливость требуетъ сказать, что директоръ этотъ былъ добрый и честный человѣкъ и, конечно, при лучшей педагогической подготовкѣ, онъ могъ бы быть весьма полезенъ для заведенія, которымъ управлялъ.

Нѣкоторые думаютъ, что въ корпусахъ была особенно хороша военная дисциплина. Еслибы дисциплина должна была заключаться только въ томъ, чтобы умѣть правильно становиться во фронтъ передъ офицерами и стоять на вытяжку передъ начальствомъ, то этого рода дисциплина была безупречно хороша въ корпусахъ; но если взять во вниманіе всеневную жизнь корпусовъ и выкинуть въ отношенія кадетъ къ офицерамъ, то нельзя не удивляться тѣмъ безобразіямъ, которыя творились въ корпусахъ: дежурныхъ офицеровъ забрасывали картофелинами, преподавателямъ обрѣзывали фалды, писали имъ разные пакости, которые прикалывали къ ихъ платю, обливали чернилами и т. п. Въ одномъ изъ Петербургскихъ корпусовъ забросали картофелемъ и даже, какъ многіе говорили, поколотили батальоннаго командира Савримовича; про другое военно-учебное заведеніе, директоръ котораго очень любилъ читать Канфига, напечатали въ полицейской газетѣ, что изъ квартиры директора сбѣжала собака, кличка которой Канфигъ; при этомъ описали примѣты ея, схожія съ генераломъ, и обѣщали дать приличное вознагражденіе доставившему ее. Большая часть этихъ безобразій оставалась неизвѣстна высшему начальству, такъ какъ было въ интересѣ и директоровъ, и офицеровъ скрывать ихъ, чтобы не подвергаться замѣчаніямъ.

Вообще, во внутренней своей жизни, корпуса представляли два враждебные лагеря, которые вели ожесточенную борьбу: съ одной стороны кадеты, а съ другой ихъ начальники. Кадеты составляли сплоченную массу, имѣвшую въ средѣ своей руководителей, которые давали своимъ товарищамъ желаемое ими направленіе и заставляли ихъ безотговорочно дѣйствовать по ихъ указаніямъ. Такъ напримѣръ, существовалъ обычай бить новичковъ и, несмотря на ужасныя страданія, переносимыя новичками, они не смѣли жаловаться офицерамъ. Если бывали рѣдкіе случаи, когда новичекъ обращался къ защитѣ начальства, то жизнь его дѣлалась рядомъ петязаній, и онъ очень раскаявался въ своемъ поступкѣ. Сплоченность массы и отсутствіе уваженія къ офицерамъ дѣлали внутреннюю жизнь кадетъ непроницаемою для ихъ наставниковъ. Офицеры вовсе не знали своихъ воспитанниковъ, а потому не могли сообразовать съ ихъ характерами своихъ воспитательныхъ мѣръ. Лучшею изъ нихъ и почти единственною считались розги; но мѣра эта не только не могла улучшить нравственность воспитанниковъ, но, убивая въ нихъ самолюбіе и очерствляя ихъ сердца, не возбуждала даже особеннаго страха, такъ какъ самыя отчаянные кадеты скоро съ ней свыкались. Кроме того, эта мѣра до такой степени озлобляла кадетъ противъ начальства, что нѣтъ такой непріятности, которую они не желали бы сдѣлать своему начальнику, не заслужившему ихъ любви и стороннику этой мѣры. Такъ у одного директора они потушили газъ, проведенный въ его квартиру, и сдѣлали это во время званнаго обѣда, когда у него было много гостей; другому бросали камни въ окна и т. п.

Въ заключеніе я могу представить небольшую иллюстрацію нравственнаго положенія, въ которомъ находились корпуса, передъ преобразованіемъ ихъ въ военные гимназій. Генераль Бушневъ былъ назначенъ директоромъ Орловскаго кадетскаго корпуса въ 1863 году: на него было возложено порученіе преобра-

зовать его въ военную гимназію. Въ день его пріѣзда въ Орелъ, какъ онъ мнѣ самъ рассказывалъ, къ нему явился адъютантъ корпуса и доложилъ, что, наканунѣ, нѣсколько кадетъ совершили кражу со взломомъ въ городѣ; о случаѣ этомъ онъ тотчасъ же донесъ начальнику военно-учебныхъ заведеній. Затѣмъ онъ мнѣ говорилъ, что, въ первые дни по пріемѣ имъ корпуса, проводя большую часть времени въ стѣнахъ заведенія, онъ находилъ полный порядокъ во всемъ; чистота была образцовая; ротные командиры ему докладывали, что кадеты ведутъ себя отлично, проступковъ не было. Но прошло нѣкоторое время, и онъ убѣдился, что корпусъ страдаетъ такими нравственными язвами, которыя ведутъ его къ полному разложенію, о чемъ онъ тогда и донесъ генераль-адъютанту Исакову. Генераль Бушенъ былъ человѣкъ недюжинный; обладая свѣтлымъ умомъ и особенными педагогическими способностями, онъ въ высшей степени добросовѣстно исполнялъ свои обязанности. Въ словахъ его нельзя сомнѣваться. По преобразованіи корпуса въ военную гимназію, Бушенъ былъ назначенъ директоромъ Пажескаго Корпуса. Я, какъ его преемникъ, могу засвидѣтельствовать, что оставшіеся отъ корпуса старые кадеты были до такой степени нравственно испорчены, что я вынужденъ былъ выдѣлить ихъ въ особые классныя отдѣленія, чтобы обезпечить отъ ихъ пагубнаго вліянія вновь поступающихъ воспитанниковъ. Наконецъ, лучшимъ доказательствомъ грустнаго положенія, въ которомъ находились кадетскіе корпуса, можетъ служить слѣдующее обстоятельство: до генераль-адъютанта Исакова, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній генераль Корсаковъ объѣхалъ все корпуса и подробно ихъ осмотрѣлъ. Послѣдствіемъ этого осмотра было преданіе военному суду за злоупотребленія весьма многихъ лицъ и одного директора. Если всякое злоупотребленіе начальника дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на служащихъ, то въ воспитательномъ заведеніи, гдѣ примѣръ наставниковъ составляетъ не только главное, но почти единственное средство нравственнаго воспитанія, оно губитъ нравственно юношей, закрывая ихъ сердца къ воспріятію бла-

городныхъ чувствъ. Военному искусству можно научить человека во всякомъ возрастѣ; но уничтожить въ немъ сѣмена безправственности, посеяныя въ самомъ раннемъ возрастѣ, не только трудно, но бываетъ подчасъ невозможно.

Сдѣлавъ это отступленіе въ моемъ разсказѣ, я буду его продолжать, имѣя въ виду впослѣдствіи снова обратиться къ реформѣ кадетскихъ корпусовъ.

Жизнь моя въ батареѣ показалась мнѣ сначала весьма скучной; но ознакомившись короче съ моими товарищами, я былъ вполне доволенъ ихъ обществомъ. Всѣ мы, какъ намъ казалось, проводили время довольно пріятно; поутру дивизионные командиры Кельдерманъ и Левинъ ходили на ученія, а взводные офицеры, къ числу которыхъ я принадлежалъ, спали до 10-ти часовъ утра. Затѣмъ мы все приходили въ квартиру Кельдермана, гдѣ была довольно большая зала, въ которой мы обѣдали. Въ то время на балахъ появился новый танецъ—полька съ фигурами; этотъ танецъ намъ очень нравился, и мы все танцевали его, и до обѣда, и послѣ обѣда, съ особеннымъ увлеченіемъ, причемъ, вмѣсто музыки, пацѣвалъ его одинъ изъ насъ. Вечеромъ приходилъ къ намъ батареѣнный командиръ Кнорингъ, или мы ходили къ нему, и при веселомъ характерѣ, которымъ отличались все офицеры, разговоры наши были самые оживленные. Предметомъ ихъ были, болѣею частью, мелкія сплетни, касавшіяся полковыхъ дамъ драгунскаго полка, въ казармахъ котораго мы жили.

Драгунскимъ полкомъ командовать въ то время г.-м. Стальфонъ-Голиттейнъ, женатый на m-lle Гербель. Г-жа Сталь была не столько хороша собой, сколько мила и добра; отъ нея все было въ восторгѣ. При полномъ отсутствіи кокетства, она ко

всѣмъ относилась съ одинаковою любезностью, а потому ее любили все; но влюбленныхъ въ нее не было. Затѣмъ, старшимъ штабъ-офицеромъ въ полку былъ полковникъ Энгельгардтъ, у котораго жена была молода и хороша собой. Полковой адъютантъ Траубенбергъ былъ тоже женатъ; жена его была не менѣе миловидна, какъ г-жа Сталь и имѣла съ этою послѣдней много общаго, какъ по умѣнію себя держать, такъ и по любезности въ обращеніи.

Мы все, кромѣ Кельдермана, были знакомы съ этими дамами и изрѣдка ихъ посѣщали; но ни съ однимъ изъ этихъ семействъ наше знакомство не было такъ интимно, какъ съ семействомъ молодаго офицера Бове, который жилъ въ одномъ домѣ съ нами. Мнѣ было, какъ я сказалъ, 19 лѣтъ. Проведя юношескіе года за книгами, я рѣдко бывалъ въ дамскомъ обществѣ, влѣдствіе чего застѣпчивость моя доходила до того, что я конфузился и краснѣлъ при каждомъ словѣ, которое произносилъ. М-ме Бове своимъ привѣтливымъ обращеніемъ умѣла значительно уменьшить во мнѣ этотъ недостатокъ, влѣдствіе чего, неохотно посѣщая другихъ драгунскихъ дамъ, у нея я бывалъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Драгунскія казармы, въ которыхъ стояла наша батарея, были отъ Новгорода въ 15 верстахъ. Наши офицеры въ Новгородъ не ѣздили, а потому и не были знакомы съ Новгородскимъ обществомъ; но тѣмъ не менѣе по разсказамъ драгунскихъ дамъ, мы знали многое изъ того, что дѣлалось въ Новгородѣ. Въ Январѣ мѣсяцѣ 1844 года, въ Новгородекомъ Дворянскомъ Собраніи былъ назначенъ маскарадъ. Я, Левинъ и одинъ изъ моихъ товарищей Хлюстинъ рѣшились поѣхать въ этотъ маскарадъ. Я и Хлюстинъ были въ мундирахъ, а Левинъ надѣлъ маску и костюмъ капуцина. Маскарадъ былъ очень многолюденъ. Едва мы вошли въ залу, какъ меня и Хлюстина окружили маски, выражая удовольствіе, что видятъ, наконецъ,

конно-артилерійскій мундиръ въ Новгородѣ: при этомъ одна маска замѣтила мнѣ, что ей было особенно любопытно видѣть конно-артилеристовъ, такъ какъ она слышала, что драгунскія дамы всѣ влюблены въ нашихъ офицеровъ; когда же я ее спросилъ, не желаетъ ли она вступить въ конкуренцію съ драгунскими дамами, она смѣясь, отвѣтила, что не стоитъ труда, такъ какъ ея вкусъ гораздо требовательнѣе драгунскаго. Въ это время подошелъ Левинъ и сказалъ ей что-то на ухо; она быстро бросила мою руку и взяла его. Вскорѣ я увидѣлъ, что Левина окружили не только маски, но и дамы, бывшія въ бальныхъ туалетахъ. Случилось это такъ. Левинъ успѣлъ передъ маскарадомъ собрать всевозможныя свѣдѣнія о частной жизни Новгородскихъ дамъ и, будучи недюжиннаго ума, умѣлъ такъ скомбинировать всѣ собранныя имъ свѣдѣнія, что заинтересовалъ всѣхъ, предаказывая однимъ будущее, а другимъ описывая ихъ прошедшее. Въ концѣ маскарада, у всѣхъ была одна мысль, одно желаніе—узнать, кто былъ таинственный капуцинъ. Ходившая со мной маска, замѣтивъ, что я говорилъ съ Левинымъ, снова подошла ко мнѣ и просила неотступно, чтобы я сказалъ ей, кто онъ? Я отвѣчалъ, что я готовъ исполнить ея желаніе только въ томъ случаѣ, если она откроетъ свое лицо, и я найду ее хорошепкой. Она тотчасъ же приподняла маску и хотя я увидѣлъ передъ собой въ полной мѣрѣ красавицу, но сказалъ ей, что если ея вкусъ, какъ она говорила, требовательнѣе драгунскаго, то и мой вкусъ также очень требователенъ: а потому, не находя ее достаточно красивою, чтобы подкупить меня въ ея пользу, я не могу сказать ей имени капуцина. Впослѣдствіи я узналъ, что это была Итальянка Касини, дочь содержательницы моднаго магазина, извѣстная своей красотой (вскорѣ она вышла замужъ за какого-то Петербургскаго купца, и черезъ два года я снова встрѣтилъ ее въ одномъ изъ Петербургскихъ маскарадовъ). На другой день маскарада, въ Новгородѣ, не было другаго разговора какъ о таинственномъ капуцинѣ; узнали, что это былъ Левинъ, и въ Новгородскомъ обществѣ явилось желаніе съ нимъ познакомиться.—Изъ Новгородскихъ дамъ наи-

болѣе выдѣлялись г-жа Катенина, жена начальника штаба гренадерскаго корпуса, сестра ея м-лле Вадковская, дочь вице-губернатора Бунакова, и три дочери директора гимназій Лыкшица: Екатерина, Мира (такъ ее всѣ называли) и Марія. Наиболѣе красивая изъ трехъ сестеръ была Мира, вышедшая впоследствии замужъ за извѣстнаго нашего литератора Щебальскаго. Со всѣми этими дамами Левинъ вскорѣ познакомился, а затѣмъ познакомился и другіе наши офицеры. У Лыкшиныхъ были назначены вечера по Субботамъ, на которые мы всегда являлись и перѣдко пріѣзжали въ Новгородъ вечеромъ верхами съ узелкомъ подъ мышкой, въ которомъ былъ завернутъ мундиръ или новыі сюртукъ. Случалось, что пріѣзжали мы и по утру, и тогда все послѣобѣденное время проводили къ кондитерской Мишель, которая съ утра до вечера была наполнена офицерами разныхъ полковъ: тутъ были и драгуны, и уланы, и гусары, и артиллеристы пѣшіе и конные. Приманкой для всѣхъ была 17-ти лѣтняя дочь кондитера, м-ль Софія, которая, не только по красотѣ, но и по образованію и умѣнию себя держать, могла служить примѣромъ молодымъ дѣвушкамъ Новгородскаго общества. Болѣе всѣхъ за ней ухаживалъ драгунскій офицеръ С., который впоследствии на ней женился и умеръ въ недавнее время, занимая въ Москвѣ весьма важный служебный постъ. Одна изъ его дочерей, сколько мнѣ помнится, была фрейлиной Императрицы Маріи Александровны. — Въ кондитерской Мишель я познакомился съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ, который былъ произведенъ въ офицеры Гродненскаго гусарскаго полка почти одновременно со мной: ему было въ то время, какъ и мнѣ, 19 лѣтъ. Онъ былъ скромный молодой человекъ, весьма любимый товарищами; въ гусарскихъ кутежахъ онъ не участвовалъ и весьма рѣдко пріѣзжалъ въ Новгородъ. Съ нѣкоторыми артиллерійскими офицерами онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ: я помню, что у одного изъ моихъ товарищей князя Волконскаго онъ купилъ лошадь, которую звали Веллингтонъ. Умѣиємъ себя держать онъ пріобрѣлъ общія симпатіи не только среди своихъ однополчанъ, но и среди офи-

церовъ другихъ полковъ. Я его мало зналъ, но очень хорошо помню, что, не смотря на его скромность, во всѣхъ его словахъ и дѣйствіяхъ просвѣчивалъ недюжинный умъ и самостоятельный образъ мыслей. Былъ такой случай. Приѣхавъ въ Новгородъ на масленицѣ, я обѣдалъ съ нѣсколькими драгунскими офицерами въ почтовой гостиницѣ; нѣкоторые изъ офицеровъ остались недовольны обѣдомъ, и чтобы доказать какъ онъ былъ малопитателенъ, предложили пари по бутылкѣ шампанскаго, что, тотчасъ послѣ обѣда, они съѣдятъ по дюжинѣ блиновъ; въ числѣ предложившихъ пари былъ и я. Во время этихъ разговоровъ, въ комнату вошелъ Лорисъ-Меликовъ; узнавъ въ чемъ дѣло, онъ мнѣ сказалъ, смѣясь, что если бы онъ имѣлъ неосторожность держать такое пари, то призналъ бы себя побѣжденнымъ на первомъ же блинѣ, а не сталъ бы разстраивать свой желудокъ, чтобы выпить шампанскаго на чужой счетъ. Мнѣ помнится, что я послѣдовалъ его совѣту.

Познакомившись съ Новгородскимъ обществомъ, мы, то-есть я, Левинъ и Хлюстинъ, стали часто бывать въ Новгородѣ; нашихъ же драгунскихъ знакомыхъ мы почти совсѣмъ оставили. Левинъ проводилъ большую часть времени у Катениныхъ (ему очень нравилась м-ль Вадковская), Хлюстинъ бывалъ чаще другихъ у Лыкиныхъ, а я проводилъ немало времени въ кондитерской Мишель, любуясь хорошенькимъ личикомъ м-ль Софи.

Наконецъ, наступила весна. Страдая золотухой, я перенесъ себя отпускъ на лѣто въ Старую Русу, куда уѣхалъ въ маѣ мѣсяцѣ; а батарея пошла въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ.

Приѣхавъ въ Старую Русу, я нанялъ себѣ квартиру близъ лечебнаго заведенія. Въ одномъ домѣ со мной помѣстился соседъ по имѣнію моему въ Калужской губерніи, Александръ Ѳедоровичъ Шилингъ. Это былъ молодой человекъ лѣтъ 25-ти, воспитанный двумя тетюшками и никогда не выѣзжавшій изъ

своей деревни. Такое воспитаніе и уединенная деревенская жизнь сдѣлали его застѣнчивымъ и крайше нервнымъ: онъ боялся всего—и грозы, и простуды, и быстрой вѣзды въ экипажѣ; но болѣе всего онъ боялся женщинъ, на которыхъ, однакожъ, боязнь не мѣшала ему засматриваться. Я взялъ съ собою въ Старую Русу экипажъ и пару хорошихъ лошадей, на которыхъ катался по городу и по окрестностямъ. По пріѣздѣ въ Старую Русу я познакомился вскорѣ съ гвардейскими офицерами, которые прибыли съ командами нижнихъ чиновъ, присланныхъ для лѣченія Старорусскими минеральными водами; то были: Семеновскаго полка капитанъ Савицкій, Измайловскаго полка поручикъ Лачиновъ и гвардейскаго экипажа лейтенанты Цимутали и Шумовъ. Со всѣми этими офицерами я видался почти каждый день, и къ нашему обществу присоединился Шилингъ, который вскорѣ сдѣлался неузнаваемъ: его не коробило больше (какъ это было прежде) отъ разсказовъ эротическаго содержанія и отъ лишневывитаго бокала шампанскаго; онъ сдѣлался веселымъ собесѣдникомъ, добрымъ товарищемъ, но мнительность свою не могъ преодолѣть: при малѣйшемъ вѣтеркѣ онъ окутывалъ себѣ горло шарфомъ, надѣвалъ огромныя калоши и теплое пальто. Надъ нимъ, конечно, смѣялись, но тѣмъ не менѣе его любили. Я болѣе всѣхъ старался его перевоспитать на военный ладъ и помню два случая, когда Шилингъ по милости моей испыталъ немалый страхъ и чуть было не слегъ въ постель. Въ Старой Русѣ давались пріѣзжей труппой театральныя представленія; во время одного изъ этихъ представлений, на которомъ я былъ вмѣстѣ съ Шилингомъ, разразилась сильная гроза: выходя изъ театра, я предложилъ Шилингу, дрожавшему отъ страха, вѣхать домой въ моемъ экипажѣ, на что онъ тотчасъ же согласился, но когда мы сѣли въ пролетку, я велѣлъ кучеру вѣхать за-городъ, чтобъ прокатиться передъ сномъ. Шилингъ умолялъ выпустить его, но лошади помчались, и мы вернулись домой, промокнувъ совершенно отъ дождя, который все время насъ обливалъ: при каждомъ блескѣ молніи, Шилингъ крестился и просилъ скорѣе вернуться домой, увѣряя, что онъ

можетъ схватить сильную простуду. Но оказалось, что онъ не только не простудился, но остался живъ и здоровъ и до настоящего времени (ему слишкомъ 70 лѣтъ отъ роду). --

Другой случай былъ слѣдующій. Домъ, въ которомъ жили я и Шилингъ, былъ на берегу небольшой, но глубокой рѣчки; на другой ея сторонѣ противъ нашихъ оконъ жилъ главный врачъ водъ *Вельсъ*, къ которому мы съ Шилингомъ ходили иногда по вечерамъ; чтобы не дѣлать обхода на мостъ, что довольно далеко отъ нашего дома, я велѣлъ сбить изъ досокъ небольшой плотъ, на которомъ лакей мой, отпихиваясь шестомъ отъ берега, перевозилъ насъ на другой берегъ рѣчки. Получивъ въ одинъ прекрасный день приглашеніе отъ м-ме Вельсъ къ ней на пмянины, Шилингъ принарядился, надѣлъ на голову цилиндръ и взялъ съ собою пачку Нѣмецкихъ газетъ, которыя ему давалъ читать Вельсъ. Мы стали на плотъ; по лакей, какъ потомъ оказалось, былъ немного на веселѣ и, отталкивая плотъ отъ берега, остушился и упалъ въ воду. Плотъ конечно покачнулся; Шилингъ, не ожидая сотрясенія плота, не удержался и полетѣлъ въ воду за лакеемъ; я одинъ остался на плоту. Падая въ воду, Шилингъ выпустилъ изъ рукъ газеты, которыя вмѣстѣ съ его цилиндромъ поплыли по рѣчкѣ, а онъ успѣлъ ухватиться руками за плотъ и, находясь въ водѣ, кричалъ самымъ ужаснымъ голосомъ: „Ахъ помогите, тону!“ Дурная сторона моего характера заключается въ томъ, что при паденіи кого-либо я не могу удержаться отъ смѣха: сцена, представившаяся мнѣ, возбудила во мнѣ такой смѣхъ, что я нескоро могъ собрать достаточно силъ, чтобы подать руку Шилингу и вытащить его на плотъ. Послѣ этого приключенія мы вернулись домой. Шилингъ улегся въ постель, напившись чего-то горячаго, такъ какъ вечеръ былъ довольно холодный, и онъ очень озябъ; а я отправился снова къ Вельсу, который видѣлъ изъ своихъ оконъ все происшедшее и прислалъ Шилингу какое-то антинервное лѣкарство. Мнѣ было очень досадно на себя,

что я не скоро подалъ руку Шиллигу, котораго я очень любилъ: но слава Богу, случай этотъ, какъ и первый, не имѣлъ для него никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Въ Старой Русѣ былъ штабъ военныхъ поселеній Новгородской губерніи. Хотя военныя поселенія, въ томъ видѣ, какъ они существовали при Аракчеевѣ, были уничтожены, но военные поселенцы, у которыхъ отнято было оружіе и которыхъ называли пахатными солдатами, остались и продолжали заниматься земледѣліемъ въ своихъ селахъ, наравнѣ съ крестьянами. Начальникомъ всѣхъ пахатныхъ округовъ Новгородской губерніи былъ генералъ-лейтенантъ Фрикепъ, а помощникомъ его былъ генералъ-маіоръ Набоковъ, родной братъ командира гренадерскаго корпуса. Оба эти лица жили въ Старой Русѣ, и съ обоими я познакомился. Я познакомился также и съ семействами другихъ лицъ, жившихъ въ Старой Русѣ, какъ напримѣръ, съ семействомъ полковника Сутгофа, у котораго одна дочь была замужемъ за Отилье, а другая незамужняя, обѣ прелестныя особы. Но въ особенности я сошелся съ семействомъ чиновника Шотенъ, который пріѣхалъ въ Старую Русу съ институтками изъ разныхъ институтовъ, присланными для пользованія минеральными водами. Шотенъ былъ женатъ на Англичанкѣ: дочь его Бетси получила прекрасное образованіе и заполнила мое 19-ти лѣтнее сердце! Это была моя первая любовь. Видѣвшійся съ ней почти каждый день, то на водахъ, то на прогулкахъ и шкинкахъ, устраиваемыхъ мной и другими офицерами, я сталъ уже мечтать о женитьбѣ. Дѣйствительно. Бетси была дѣвушка, которая имѣла все, чтобы сдѣлать своего мужа счастливымъ: она была образована, какъ немногія дѣвицы того времени, и соединяла нѣжное сердце съ серьезнымъ взглядомъ на жизнь; въ ней не было и тѣни кокетства, и она была даже некрасива, но обладала какой-то особой миловидностью, которая привлекала къ себѣ все сердца. Кромѣ меня за ней ухаживалъ одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ, кото-

рый былъ очень красивъ собой и 10-ю годами старше меня. Не имѣя въ жизни опытности и будучи крайне застѣнчивъ, я признавалъ его превосходство надо мной, и ревность невольно заняла въ мое сердце; не умѣя владѣть собой, я не разъ придирался къ нему и желалъ вызвать серьезное съ нимъ объясненіе, но онъ это понималъ и уклонялся отъ моего вызывательнаго образа дѣйствій. Я помню, что, поспоривъ съ нимъ о чемъ-то, я предложилъ ему пари въ присутствіи Бетси и просилъ ее назначить въ чемъ должно заключаться пари: она, смѣясь, указала на графинъ, стоявшій на столѣ, и сказала: пусть проигравшій пари выпьетъ эту воду. Оказалось, что я выигралъ и, несмотря на то, что въ графинѣ было много воды, я заставилъ моего соперника, какъ онъ ни давился, выпить всю воду, бывшую въ графинѣ, предваривъ его, что если онъ честный человѣкъ, то долженъ въ точности исполнить условіе проиграннаго имъ пари. Видя мою неумѣстную подчасъ запальчивость, Бетси, какъ я замѣтилъ, останавливала на мнѣ, иногда, такой ласковый и выразительный взглядъ, который мнѣ ясно говорилъ, что она ставила меня выше моего соперника. Это были самыя счастливыя минуты моей жизни; я становился тотчасъ же кротокъ и уступчивъ, но на другой день ревность заставляла меня дѣлать новыя выходки, которыя Бетси снова останавливала своимъ взглядомъ. Такимъ образомъ дни шли за днями, и хотя между мной и Бетси не было сказано ни одного слова о любви, но мнѣ казалось, что она понимала меня.

Слѣдующій случай мнѣ ясно указалъ, что она была не совѣмъ ко мнѣ равнодушна. Въ то время, въ какомъ-то журналѣ былъ помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ морской офицеръ Цимутали переѣхалъ въ маленькой лодкѣ черезъ Финскій заливъ изъ Ревеля въ Гельсингфорсъ, не имѣя компаніи и взявъ только съ собой собаку, которая, какимъ-то образомъ, его спасла отъ смерти. По прочтеніи этого разсказа, Цимутали, бывшій въ Старой Русѣ, и его собака сдѣлались предметомъ общаго

вниманія. Замѣтивъ, что и Бетси смотрѣла на него какъ на героя, я и другой морякъ Шумовъ, прибывшій въ Старую Русу съ командою нижнихъ чиновъ придумали сдѣлать поѣздку на лодкѣ въ Новгородъ. Разстояніе отъ Старой Русы до Новгорода было почти то же самое, какъ отъ Ревеля до Гельсингфорса, опасность же переѣзда была даже болѣе, такъ какъ Ильменское озеро извѣстно своей бурливостью: на немъ ежегодно погибало немало судовъ, перевозившихъ разные грузы. Рѣшившись сдѣлать эту поѣздку, мы обратились къ Фрикену съ просьбой дать намъ его лодку, чтобы покататься по рѣкѣ; намѣреніе же наше отплавиться въ Новгородъ мы скрыли отъ него, зная навѣрно, что для этой цѣли онъ не дастъ намъ лодки. Лодка была безъ парусовъ. Шумовъ успѣлъ достать у какого-то рыбака два паруса, пригналъ ихъ кое-какъ къ лодкѣ, и, запасшись провизіей, состоявшей изъ хлѣба, колбасы и сыру, мы отплыли отъ берега, сопровождаемые пожеланіемъ успешнаго плаванія всѣхъ лицъ, пріѣхавшихъ насъ провожать. Сначала, при отличной погодѣ и небольшомъ попутномъ вѣтрѣ, плаваніе наше было очень пріятно; но къ вечеру, когда берегъ едва былъ видѣнъ, вѣтеръ усилился, пошелъ проливной дождь, и лодку нашу стало бросать по волнамъ какъ мячикъ: въ это время упала мачта, сломавъ гѣздо, въ которомъ она была утверждена, руль выскочилъ изъ пазовъ и раскололъ верхнюю доску, а въ довершеніе несчастья, нѣкоторыя волны, заливая лодку, наполнили ее до половины водой; положеніе наше было ужасно. Стоя по колѣна въ водѣ, мы фѣражками выливали воду изъ лодки; но, несмотря на всѣ наши усилія, вода быстро прибывала, и мы ждали съ минуту на минуту сдѣлаться жертвами озера. Потерявъ почти всякую надежду на спасеніе, я сознаюсь, что ни о чемъ и ни о комъ болѣе не думалъ какъ о Бетси; мнѣ жаль было жизни, меня мучила мысль, что я съ ней болѣе не увижусь. Шумовъ все время молчалъ. Наконецъ счастье намъ улыбнулось, вѣтеръ стихъ, и, удвоивъ наши усилія, мы успѣли вылить воду изъ лодки; но, не имѣя ни мачты, ни руля и не видя берега вслѣдствіе ночной темноты, мы вы-

нуждены были ждать утра. Продолжать нашъ путь въ Новгородъ въ лодкѣ, которая была вся поломана, не было никакой возможности, а потому мы рѣшились вернуться въ Вязать, куда и пошли на веслахъ, какъ только занялась утренняя заря, но измученные и обезсиленные безсонной ночью и сильными ощущеніями, нами испытанными, мы подвигались весьма медленно; наконецъ, силы намъ окончательно измѣнили: бросивъ весла, мы легли спать и—молодость взяла свое — мы заснули глубокимъ сномъ. Я не знаю сколько времени мы спали; насъ разбудилъ свистокъ парохода, который, какъ оказалось, былъ присланъ за нами. Капитанъ парохода намъ объявилъ, что генералъ Фрикенъ приказалъ ему отыскать насъ на озерѣ и немедленно доставить въ Старую Руссу. Во исполненіе приказанія Фрикена, мы пересѣли на пароходъ и къ вечеру того же дня подошли къ Старорусской пристани. Стоя на палубѣ, мы замѣтили, что по первому свистку парохода, служившему сигналомъ его приближенія къ пристани, пристань наполнилась народомъ: когда мы подошли, раздались аплодисменты и крики: „вотъ они бѣглецы!“ Сердце у меня сильно забилося: въ числѣ лицъ, насъ встрѣчающихъ, я замѣтилъ Бетси; она стояла сзади всѣхъ съ своею пріятельницею Сергѣевой. Протиснувшись черезъ толпу, выражавшую намъ свои привѣтствія различными восклицаніями, я не нашелъ уже Бетси на пристани, а увидалъ ее идущею по набережной съ носовымъ платкомъ въ рукѣ, которымъ, какъ мнѣ показалось, она вытирала слезы. Бросившись ее догонять, я былъ остановленъ Шиллингомъ, который, какъ добрый сосѣдъ, обратился ко мнѣ съ выраженіемъ своей непритворной радости по случаю нашего благополучнаго возвращенія. По его словамъ, весь городъ, узнавъ о предпріятіи нами путешествія, считалъ насъ погибшими. Многіе изъ нашихъ знакомыхъ просили Фрикена отпавить для поисковъ за нами пароходъ, что онъ и сдѣлалъ. Вернувшись домой, я быстро переоделся и черезъ полчаса стоялъ уже передъ дверьми Шотена. Трудно выразить словами чувства, которыя меня волновали при свиданіи съ Бетси; мнѣ показалось, что она какъ бы похудѣ-

ла въ три дня, которые я ея не видалъ. Въ то время, какъ отецъ и мать ея осыпали меня упреками за мое безразсудство, она молча смотрѣла на меня такимъ взглядомъ, который дѣлалъ меня счастливѣйшимъ изъ людей: я видѣлъ въ немъ не простое участіе въ моей судьбѣ, но то чувство, о которомъ, до сихъ поръ, я могъ только мечтать. Гостиная Шотенъ вскорѣ наполнилась гостями: улучивъ свободную минуту, я вышелъ съ Бетен на балконъ. Вечеръ былъ превосходный, луна свѣтила съ полнымъ блескомъ, вѣтерокъ едва шелестилъ листьями. Выслушавъ упреки вашихъ родителей, сказалъ я ей, буду ожидать вашего приговора надо мной. „Мы скоро уѣзжаемъ въ Петербургъ, сказала она, не обративъ вниманія на мои слова, и я очень рада, что могу высказать вамъ откровенно то, что у меня на сердцѣ и то, что меня мучаетъ. Я воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ; вы вѣроятно знаете, что въ институтки имѣютъ обыкновеніе кого нибудь обожать? въ младшихъ классахъ обожаютъ классныхъ дамъ или институтокъ старшихъ классовъ, а въ старшихъ классахъ обожаютъ учителей. Обожаніе это не есть какое либо чувство; оно является влѣдствіе отсутствія всякихъ развлеченій въ той скучной замкнутой жизни, которую ведутъ институтки; въ немъ выражается потребность молодыхъ сердецъ имѣть привязанности. Я, также какъ и другія институтки, обожала: въ младшемъ классѣ предметомъ моего обожанія была институтка старшаго класса С., а въ старшемъ классѣ я обожала одного учителя: но увы! институтка С. умерла отъ чахотки, а обожаемый учитель сошелъ съ ума и, какъ я недавно узнала, умеръ въ сумасшедшемъ домѣ. Эти два случая произвели на меня глубокое впечатлѣніе; во мнѣ явилось убѣжденіе, что моя привязанность къ людямъ пагубна для нихъ, влѣдствіе чего я стараюсь никого не любить; но вы, вашимъ вниманіемъ и любезностію ко всему нашему семейству, не могли не возбудить во мнѣ чувства расположенія... дружбы къ вамъ. Узнавъ, что вы предпріяли опасное путешествіе въ Новгородъ, я была увѣрена, что вы не вернетесь и пережила въ три дня вашего отсутствія изъ Старой Русы такія душев-

ныя волненія, которыхъ другіе не переживаютъ въ теченіе всей своей жизни. Слава Богу вы вернулись, но я и теперь покоя за васъ. Вы говорили, что вы лечитесь паровыми ваннами, которыя, я знаю, располагаютъ къ простудѣ; проводя цѣлую ночь на озерѣ подъ проливнымъ дождемъ и въ лодкѣ, наполненной водою, вы не могли не простудиться. Прошу васъ обратитъ вниманіе на ваше здоровье, если не для себя, то для меня; вѣрьте, что я вѣкъ не прощу себѣ, если съ вами случится что либо недоброе, что я была причиной вашего несчастья“. Я старался ее успокоить, говоря, что я совершенно здоровъ; но она прервала меня и сказала: „Еще просьба къ вамъ; старайтесь меня забыть, мы не рождены другъ для друга... предчувствіе мнѣ говоритъ“... При этихъ словахъ она зарыдала и быстро ушла отъ меня. Въ этотъ вечеръ она болѣе не выходила изъ своей комнаты; мать ея сказала, что у ней сильно разболѣлись зубы. На другой день рано утромъ я пріѣхалъ справиться о ея здоровьѣ и узналъ, что она слегла въ постель; болѣзнь ея продолжалась около недѣли, въ теченіе которой я испыталъ сильныя душевныя страданія, первыя въ моей жизни. По вечерамъ я ходилъ къ ея окнамъ и просиживалъ на скамейкѣ противъ нихъ до глубокой ночи; чувствовать, что я находился близъ нея, хотя и не видѣть ея, мнѣ доставляло немалое утѣшеніе. Наконецъ, она поправилась, и наступилъ день отъѣзда ея родителей въ Петербургъ. Я провожалъ ихъ на пароходъ до Новгорода. Болѣзнь, которую приписывали нервамъ, странно измѣнила Бетси; она поблѣднѣла и была такъ слаба, что едва ходила; мать ея находилась постоянно при ней, такъ что, сидя на пароходѣ, я, какъ ни старался, не могъ найти ни одной минуты, чтобы поговорить съ ней наединѣ. Наконецъ, пароходъ подошелъ къ пристани въ Новгородѣ, всѣ начали собирать свои вещи, чтобы перенести ихъ въ почтовые кареты, которыя стояли у пристани; мать Бетси отошла, чтобы сдѣлать какія-то распоряженія и въ ту минуту, когда я остался съ Бетси одинъ, она протянула мнѣ руку и сказала: „Объщайте мнѣ исполнить то, о чемъ я васъ

просила на балконъ; будьте счастливы; я чувствую, что мы съ вами болѣе не увидимся“. Я съ жаромъ поцѣловалъ ея руку и, взволнованный, первый разъ сказалъ ей, что я ее люблю и что мы скоро увидимся въ Петербургѣ. Лицо ея покрылось румянцемъ, она опустила глаза и почти шепотомъ проговорила: „ахъ, какъ я счастлива!“ Въ это время раздался около насъ голосъ ея матери, пригласившій ее идти садиться въ карету; я последовалъ за ней и помогъ ей сѣсть. Садясь она снова пожала мнѣ руку и, со слезами на глазахъ, сказала мнѣ съ особенною выразительностію: „*прощайте!*“ Ямщикъ ударилъ кнутомъ по лошадамъ, карета помчалась... Долго стоялъ я на одномъ мѣстѣ, слѣдя глазами за каретою, уносившею, какъ мнѣ казалось, счастье всей моей жизни: я чувствовалъ какую-то жгучую боль въ сердцѣ; слезы потекли изъ глазъ, и я вернулся на пароходъ, который долженъ былъ отправиться обратно въ Старую Русу на другой день рано утромъ.

По возвращеніи въ Старую Русу я заперся у себя на квартирѣ, мнѣ никого не хотѣлось видѣть, я съ трудомъ могъ говорить съ лицами, которыхъ общество было мнѣ прежде пріятно; только Сергѣева, подруга Бетси, умѣла меня нѣсколько развлечь, рассказывая мнѣ нѣкоторые эпизоды изъ жизни Бетси и о ея дружескихъ отношеніяхъ къ ней.

Прошла такимъ образомъ недѣля. Я сидѣлъ вечеромъ у окна съ книгою въ рукахъ, которую мнѣ далъ докторъ Вельсъ, но которую я не могъ читать, такъ какъ мои мысли были далеко... Вдругъ раздался звонокъ, и въ комнату вошла моя мать, только что пріѣхавшая на пароходѣ въ Старую Русу. Пріѣздъ ея меня поразилъ своею неожиданностью; она жила въ Москвѣ и о намѣреніи ея пріѣхать ко мнѣ она ничего не писала. Впрочемъ изъ первыхъ же словъ ея для меня стала понятна причина ея пріѣзда: до нея дошли слухи о моихъ романтическихъ

похожденіяхъ и, любя меня горячо, она хотѣла лично убѣдиться въ справедливости дошедшихъ до нея слуховъ. Немало мнѣ пришлось выслушать отъ нея упрековъ и за мое небрежное отношеніе къ леченію минеральными водами, и за поѣздку на лодкѣ; но о любви моей къ Бетси она ничего не говорила, подсмѣиваясь только надъ моимъ ловеласничествомъ, какъ она называла мои отношенія къ Бетси, и поздравляя меня съ успѣхомъ въ ухаживаніи за Старорусскими красавицами, изъ которыхъ съ одной она познакомилась, какъ она сказала, ѣхавши на пароходѣ. Это была жена одного квартальнаго, съ которой я вовсе не былъ знакомъ, но которая, торгуя своей красотой и думая, что я богатъ, очень желала со мной сойтись. Матери моей, не знавшей ея, она очень понравилась тѣмъ, что выхваляла меня и льстила ея самолюбію, увѣряя, что она приняла бы ее скорѣе за мою сестру, чѣмъ за мать.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда моей матери окончился срокъ моего отпуска, и я вмѣстѣ съ ней отправился въ батарею, которая и въ этомъ году должна была зимовать, почему-то, въ драгунскихъ казармахъ. По пріѣздѣ въ батарею, я горѣлъ желаніемъ скорѣе уѣхать въ Петербургъ, чтобы видѣть Бетси, но вынужденъ былъ ждать отъѣзда моей матери въ Москву, чтобы исполнить мое желаніе. Я твердо рѣшился просить руку Бетси и хотя имѣлъ надежду, что она мнѣ не откажетъ, но боялся говорить объ этомъ съ моей матерью, будучи увѣренъ въ сильной съ ея стороны оппозиціи: кромѣ того, мнѣ невольно вѣдоминались слова Бетси на балконѣ: „забудьте меня, сказала она, мы не рождены другъ для друга“. Для чего, думалъ я, она меня просила ее забыть, если она любитъ меня? Петербургскіе мое разъяснить эту загадку еще болѣе влекло меня въ Петербургъ. Наконецъ, моя мать уѣхала, и я, на другой же день послѣ ея отъѣзда, мчался на перекладной по Петербургскому шоссе. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я черезъ полчаса стоялъ уже у дверей квартиры Шотенъ. Когда горничная, ко-

тору ю я зналъ въ Старой Русѣ, отворила мнѣ дверь, у меня такъ забилося сердце, что я едва могъ спросить ее: дома ли господа? Увидѣвъ меня, она залилась слезами и объявила мнѣ, что барышня ея умерла и что господа не возвращались еще съ похоронъ ея, которые были въ этотъ день. Слова горничной меня такъ поразили, что я не устоялъ на ногахъ и упалъ скорѣе чѣмъ сѣлъ на стоявшій тутъ стулъ. Выпивъ стаканъ воды, принесенный мнѣ горничной, я вернулся къ себѣ въ гостиницу, гдѣ остановился, и на другой день отправился снова къ Шотенъ, чтобы узнать подробности о смерти Бетси. М-ме Шотенъ, прерывая свой рассказъ слезами, объяснила мнѣ, что Бетси простудилась еще въ Старой Русѣ и хотя, передъ отъѣздомъ, она нѣсколько поправилась, но пріѣхавъ въ Петербургъ, окончательно слегла въ постель, съ которой не вставала болѣе; болѣзнь ея была скоротечная чахотка. Видя мое отчаяніе, м-ме Шотенъ дала мнѣ на память дагеротипный портретъ Бетси, который цѣлъ у меня и въ настоящее время, то есть черезъ 45 лѣтъ послѣ ея смерти. Такъ окончился первый романъ въ моей жизни. Онъ имѣлъ огромное на меня вліяніе.

Тѣ сильныя ощущенія, которыя я испыталъ подѣ вліяніемъ любви къ Бетси, возбуждали дѣятельность моего воображенія и внесли экзальтацію въ мои чувства. Будучи слишкомъ молодъ и неопытенъ чтобы смотрѣть на жизнь съ серьезной точки зрѣнія и преслѣдовать какія-либо практическія цѣли, я сдѣлался искателемъ тѣхъ ощущеній, которыхъ прелесть уже испыталъ и которыми я былъ обязанъ Бетси; начитавшись къ тому же романовъ Жоржъ-Санда, я сталъ видѣть въ женщинѣ жертву несправедливости мужчинъ и поставилъ ее въ моихъ понятіяхъ на такой высокій пьедесталъ, съ котораго не были видны ея слабости и недостатки. Я сдѣлался, такимъ образомъ, поклонникомъ прекраснаго пола и думалъ найти въ немъ разрѣшеніе вопроса о счастьи нашей жизни. Во мнѣ явилось полное равнодушіе къ матеріальнымъ благамъ и къ требованіямъ нашихъ

низшихъ чувствъ; въ любви (въ обширномъ смыслѣ этого слова) я видѣлъ единственное высокое и облагораживающее человека чувство и къ нему направилъ все мои помыслы; все же другія чувства, какъ мнѣ казалось, должны унижать человека, а потому онѣ не имѣли для меня никакого соблазна. Такое направленіе имѣло конечно хорошую сторону, но послѣдствіемъ его явились увлеченія и разочарованія, не разъ испытанныя мною въ жизни.

II.

Лагерь подъ Краснымъ селомъ.—Практическая стрѣльба.—Экзамены Артилерійскихъ офицеровъ.—Оффиціальнѣй обманъ.—Товарищеское чувство.

По возвращеніи моемъ изъ Петербурга въ батарею, товарищи нашли меня неузнаваемымъ: изъ веселаго, живаго я сдѣлался молчаливымъ и апатичнымъ. Мнѣ случалось по нѣскольку часовъ просиживать въ товарищескомъ кругу и не сказать ни одного слова; дамское же общество я совершенно оставилъ. Только въ бесѣдахъ съ Левинымъ, который зналъ мою сердечную рану, я находилъ нѣкоторое утѣшеніе. Съ своей стороны и Левинъ разсказалъ мнѣ, что онъ былъ влюбленъ въ свою двоюродную сестру, которая платила ему взаимностью, но, не имѣя возможности выйти за него за-мужъ, вышла за другаго, по принужденію родителей. Восторженное описаніе Левинымъ его любви и тайныхъ свиданій съ любимой имъ женщиной возбуждало во мнѣ какое-то сладкое чувство, которое нѣсколько умѣряло мою грусть.

Наконецъ, прошла зима, и батарея наша стала готовиться къ выступленію въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ. По окончаніи лагеря мы должны были идти въ Петербургъ, а въ Новгородъ назначалась другая батарея. На молебнѣ, отелуженномъ передъ выступленіемъ батареи въ походъ, присутствовали всѣ драгунскія дамы: я долженъ былъ сдѣлать надъ собой немалое усиліе, чтобы подойти проститься съ каждой изъ нихъ. Нако-

печь, раздалась команда: *справа въ одно орудіе*, и мы тронулись съ мѣста нашей стоянки безъ всякаго о ней сожалѣнія. Офицеры были въ самомъ веселомъ расположеніи духа, пѣсенники шли впереди, распѣвая веселыя солдатскія пѣсни, погода была превосходная. Я невольно поддался общему настроенію и въ первый разъ послѣ смерти Бетси почувствовалъ, что у меня на сердцѣ стало легко. Походъ нашъ до Краснаго Села продолжался 9 дней, въ теченіе которыхъ разнообразіе впечатлѣній и чистый весенній воздухъ подѣйствовали такъ успокоительно на мои нервы, что жизнь, казавшаяся мнѣ тяжелымъ бременемъ, снова получила для меня прелесть. Но наилучшимъ лечебнымъ для моего сердца средствомъ было свиданіе мое съ товарищами, служившими въ другихъ батареяхъ, изъ которыхъ съ однимъ (княземъ Николаемъ Волконскимъ) я былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Новая жизнь которую я началъ въ лагерѣ, все болѣе и болѣе изглаживала изъ моей памяти образъ Бетси, ко мнѣ вернулась прежняя веселость характера и прежняя воспріимчивость чувствъ; если случалось, что я вспоминалъ иногда о Бетси, то эти воспоминанія не были уже грустны, а даже пріятны, какъ вообще воспоминанія о хорошемъ прошломъ.

Первая батарея, въ которой я служилъ, стояла въ Чухонской деревнѣ Телези, въ 6-ти верстахъ отъ Краснаго Села. Я помѣстился съ Левинимъ въ грязной избѣ, половину которой занимала Русская печь. Кельдерманъ, какъ старшій офицеръ въ батареѣ, занялъ болѣе просторную избу, а другіе офицеры размѣстились не лучше нашего. Во всѣхъ избахъ была ужасная грязь и какой-то особый запахъ, для уничтоженія котораго не было придумано въ то время дезинфекціонныхъ средствъ: обои, которыми въ прошлое лѣто оклеена была изба, висѣли клочьями по стѣнамъ; полъ былъ такъ гнилъ, что половицы ходили подъ ногами какъ клавиши; мебель наша состояла изъ нѣсколькихъ деревянныхъ табуретокъ и изъ простаго, сколоченнаго изъ досокъ, стола. Большую часть комнаты, за исклю-

ченіемъ печи, занимали наши двѣ складныя желѣзныя кровати, которыя мы привезли съ собой; потолокъ былъ такъ низокъ, что офицеры высокаго роста стирали пыль и сажу съ потолка своими головами.

Какъ ни дурна была обстановка, въ которой мнѣ пришлось жить, но я не тяготился ею; напротивъ, она мнѣ нравилась въслѣдствіе тѣхъ новыхъ ощущеній, которыя я испытывалъ отъ отсутствія комфорта: мнѣ казалось, что всѣ посягншіе военный мундиръ, должны подвергаться лишеніямъ, сопряженнымъ съ военной службой. Помню, что черезъ 10 лѣтъ послѣ этого въ 1854 году, стоя на бивакахъ на Альмѣ и на Бельбекѣ, я испытывалъ гораздо больше лишеній; но тамъ я еще менѣе тяготился ими, такъ какъ сознавалъ себя на боевой службѣ.

Гвардейская артилерія приходила обыкновенно въ лагерь въ половинѣ мая мѣсяца, а пѣхота и кавалерія вступали въ Красное Село въ половинѣ іюня. Мѣсяць времени, который мы проводили безъ другихъ родовъ войскъ, посвящался практической стрѣльбѣ. На военномъ полѣ были разставлены мишени, въ которыя, по очереди, стрѣляли всѣ батареи. Взводные офицеры вели журналы стрѣльбѣ, записывая въ нихъ, гдѣ упалъ каждый снарядъ; журналы эти представлялись изъ батарей въ бригаду, изъ бригады они шли въ дежурство начальника гвардейской артилеріи, а отъ этого послѣдняго въ штабъ генералъ-фельдцейхмейстера; штабъ же генералъ-фельдцейхмейстера препровождалъ ихъ для окончательнаго разсмотрѣнія въ артилерійское отдѣленіе Военно-ученаго Комитета, откуда они поступали въ архивъ. Хотя журналы эти разсматривались, какъ выше сказано, въ трехъ инстанціяхъ, но тѣмъ не менѣе писаніе ихъ составляло пустую формальность, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться впоследствии. Когда я служилъ въ Военно-ученомъ Комитетѣ, начальникъ артилерійскаго отдѣленія возложилъ на меня обязанность разсматривать всѣ доставляемые изъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера журналы, и я находилъ въ

нихъ не только невѣрности, но даже явныя нецѣлости; такъ наиримѣръ въ графѣ отклоненій снаряда нерѣдко показывалось нѣсколько сажень вправо или влево, а въ графѣ попалъ ли снарядъ въ мишень значилось, что онъ попалъ; кромѣ того, не могло не казаться страннымъ, что, по числу попавшихъ въ мишени снарядовъ, стрѣльба всегда подводилась, на основаніи оцѣнки, подъ *отличную*. Причиною невѣрности журналовъ было то, что офицеры нисколько не интересовались стрѣльбою и нерѣдко вовсе не писали журналовъ, а предоставляли составлять ихъ писарямъ на обумъ; артилерійское же начальство относилось къ нимъ безразлично и не брало на себя труда повѣрять ихъ, заботясь исключительно о формальной сторонѣ дѣла, то есть о своевременномъ представленіи ихъ въ высшую инстанцію.

По поводу этой формальности, поглощавшей немало писарскаго труда, позволю себѣ указать еще на другую существовавшую въ артилеріи нѣсколько десятковъ лѣтъ, а именно на экзамены, которые производились ежегодно офицерамъ, служившимъ въ строю. Съ цѣлью, вѣроятно, заставить офицеровъ заниматься учебными предметами и по производствѣ ихъ въ офицеры, состоялся приказъ по артилеріи, которымъ предписано было подвергать ежегодно экзамену всѣхъ прапорщиковъ и подпоручиковъ изъ того курса, который былъ пройденъ ими до производства въ офицеры; при этомъ, всѣхъ невыдержавшихъ экзамена приказано было обходить чиномъ. Экзаменъ производился офицерамъ служившимъ въ Петербургѣ и окончившимъ курсъ Артилерійскаго Училища въ этомъ послѣднемъ училищѣ, а всѣмъ другимъ офицерамъ въ артилерійскомъ отдѣленіи Военно-ученаго Комитета; офицеры же, служившіе въ Петербурга, подвергались экзамену по распоряженію бригадныхъ командировъ. Угроза обходить чиномъ офицеровъ не выдержавшихъ экзамена никого не пугала, но обратила экзаменъ въ пустую и даже смѣшную формальность. Экзаменъ производился слѣдующимъ образомъ. Офицеры собирались въ назна-

ченный день въ Артилерійскомъ Училищѣ или въ артилерійскомъ отдѣленіи Военно-ученаго Комитета и получали отъ экзаменаціонной комиссіи билеты, на которыхъ были написаны вопросы изъ разныхъ учебныхъ предметовъ. Получивъ билеты, они поручали своимъ знакомымъ юнкерамъ или учителямъ составить отвѣты, и отвѣты эти они представляли въ экзаменаціонную комиссію иногда по истеченіи двухъ и трехъ дней. Офицеровъ, служившихъ не въ Петербургѣ, бригадные командиры обыкновенно не экзаменовали и никому не поручали ихъ экзаменовать, а предоставляли имъ самимъ составить вопросы и написать на нихъ отвѣты. Какъ мало вниманія обращало артилерійское начальство на представляемые офицерами отвѣты, можно видѣть изъ того, что вопросы, которые офицеры дѣлали самимъ себѣ, были весьма оригинальнаго свойства. Такъ я себѣ написалъ вопросъ изъ арифметики: сколько золотниковъ въ пудѣ? а мой товарищъ князь Шаховской сдѣлалъ на своемъ экзаменномъ листѣ примѣръ большаго умноженія. Въ теченіе всего времени, когда существовали экзамены, былъ только одинъ офицеръ, кажется, подпоручикъ Григорьевъ, который, за невыдержаніе экзамена, обойденъ былъ чиномъ. Какъ могло это случиться, я не знаю; но, кажется, въ этомъ дѣлѣ экзаменъ служилъ только придиркою, а главную роль играли личные отношенія Григорьева къ его начальству.

Командиръ гвардейской конной артилеріи былъ флигель-адъютантъ полковникъ Шварцъ, хорошій строевой офицеръ, но сухой, желчный и недоступный для молодыхъ офицеровъ; его все боялись, и никто не любилъ. Зная хорошо своихъ офицеровъ, онъ позволялъ себѣ самыя грубыя выходки относительно тѣхъ, отъ которыхъ не ожидалъ получить отпора. Бывши еще юнкеромъ, я служилъ одно время въ батареейной батарее, которою онъ командовалъ; при мнѣ былъ такой случай. Одинъ изъ офицеровъ, только что произведенный изъ юнкеровъ, сдѣлалъ на ученіи какую-то ошибку. Шварцъ разсердился и чуть не съ лѣвой у рта закричалъ, что онъ посадить

его—туда, указавъ рукой на конюшню. Падобно сказать, что для юнкеровъ существовало въ то время наказаніе—арестъ на конюшню, то-есть провинившіеся юнкера должны были находиться безотлучно день и ночь на конюшнѣ; тамъ они обѣдали и спали. Случалось, что нѣкоторые изъ наказанныхъ вѣшали въ пустыя стойла ковры, приносили мебель, а по вечерамъ устраивали даже кутежи, на которые приглашали своихъ товарищей. Конечно, еслибы начальство застало въ расплохъ кутившихъ юнкеровъ, то за это сильно досталось бы дежурному по конюшнямъ фейерверкеру, а также и дежурному офицеру; но юнкера были большею частію люди богатые: платя очень щедро фейерверкерамъ, они ставили часовыхъ къ крыльцу бригаднаго и батарейнаго командировъ и поручали имъ тотчасъ же дать знать, если который нибудь изъ этихъ командировъ направится къ конюшнѣ; дежурныхъ же офицеровъ, которые смотрѣли сквозь пальцы на кутежи юнкеровъ, просили не приходить въ конюшню въ извѣстные часы, что тѣ охотно исполняли. Послѣ ученія, на которомъ Шварцъ, какъ я выше сказалъ, обѣщалъ посадить вновь произведеннаго офицера на конюшню, офицеры собрались въ кружокъ и выразили этому офицеру удивленіе, что онъ позволилъ Шварцу сказать ему такую дерзость. Офицеръ отвѣчалъ на это очень наивно, что Шварцъ только сказалъ, но не исполнилъ того, что сказалъ. Отвѣтъ этотъ вполнѣ характеризуетъ офицера, и конечно съ такими офицерами Шварцъ не церемонился. Онъ былъ грубъ и дерзокъ до невозможности; но съ офицерами, отъ которыхъ онъ могъ ожидать отпора, онъ былъ очень остороженъ. Въ его памяти сохранилось еще преданіе о скандалахъ, бывшихъ не за долго передъ тѣмъ въ Артилерійскомъ Училищѣ, гдѣ юнкеръ Елагинъ ударилъ директора Кованько, и въ гвардейской конной артилеріи, гдѣ предметникъ его генералъ Ганичевъ былъ оскорбленъ однимъ молодымъ офицеромъ Лихачевымъ. Боясь такихъ исторій, Шварцъ умѣлъ себя сдерживать и былъ даже уступчивъ съ офицерами горячаго темперамента, но въ тайнѣ вредилъ имъ своими атестаціями, которыя въ то время

впосились въ кондутные списки, составлявшіе для всѣхъ секретъ. Для лучшаго выясненія характера Шварца, я разскажу въ послѣдствіи исторію столкновенія, бывшаго между нимъ и батарейнымъ командиромъ Левинымъ въ 1849 году.

Практическая стрѣльба производилась каждой батареей отдѣльно отъ другихъ батарей, съ двухъ опредѣленныхъ дистанцій; дистанціи эти были: для батарейныхъ батарей, стрѣлявшихъ $\frac{1}{2}$ пудовыми единорогами и 12-ти фунтовыми пушками—500 и 400 сажень; а для легкихъ батарей, стрѣлявшихъ $\frac{1}{4}$ пудовыми единорогами и 6-ти фунтовыми пушками—400 и 300 сажень. По окончаніи практической стрѣльбы, назначался смотръ всей артилеріи сначала генералъ-фельдцейхмейстеромъ, а потомъ Государемъ Императоромъ. На этихъ смотрахъ батареи должны были стрѣлять съ неопредѣленныхъ дистанцій; но въ виду того, что каждая батарея ставила свою мишень для стрѣльбы заранее и что ей указано было мѣсто, гдѣ она должна открыть огонь, такъ-называемыя неопредѣленныя дистанціи были точно вымѣрены, и мѣсто, гдѣ батарея должна сняться съ передковъ, обозначено было колышками или какимъ-нибудь другимъ знакомъ. Конечно, это былъ обманъ, котораго Государь, можетъ быть, не зналъ; но что о немъ знали всѣ артилерійскіе начальники, въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Въ приказѣ, назначавшемъ день смотра, указывалось сколько зарядовъ батареи должны были имѣть съ собой и сколько онѣ должны были выстрѣлить съ дальнихъ и ближнихъ дистанцій. По окончаніи стрѣльбы Государь Императоръ объѣзжалъ мишени; ему докладывали, сколько снарядовъ попало въ каждую мишень и сколько выстрѣлено и, судя по проценту попавшихъ, Государь выражалъ свое спасибо батареямъ. Конечно, батарейные командиры употребляли всѣ усилія, чтобы число попавшихъ снарядовъ было какъ можно болѣе и для достиженія этой цѣли прибѣгали къ разнымъ обманамъ; такъ напримѣръ, брали съ собой болѣе зарядовъ, чѣмъ было приказано, стрѣляли рѣже съ дальней дистанціи чѣмъ съ ближней, насыпали песокъ въ гранаты

и т. п. Первый изъ этихъ обмановъ былъ разоблаченъ тѣмъ, что въ одной батарее число попавшихъ снарядовъ оказалось болѣе числа взятыхъ съ собою зарядовъ. Противъ этого обмана принята была мѣра, заключавшаяся въ томъ, что назначались штабъ-офицеры пѣхоты и кавалеріи, которые обязаны были, по прибытіи батарей на военное поле, передъ смотромъ провѣрить въ зарядныхъ ящикахъ число взятыхъ съ собою зарядовъ и затѣмъ, по окончаніи смотра, счесть число оставшихся зарядовъ. Какъ ни надежна казалась эта мѣра контроля, принятая противъ обмана, но казачья батарея, какъ говорили въ то время, умѣла обойти и этотъ контроль: пользуясь удобной формой своего обмундированія, она не клала лишне-взятые ею заряды въ зарядные ящики, а раздавала ихъ нижнимъ чинамъ, которые возили ихъ въ карманахъ своихъ широкихъ шароваръ. Вѣренъ ли этотъ фактъ съ истиной—я не знаю; но вѣрно то, что обманъ въ служебныхъ дѣлахъ былъ въ то время широко распространенъ. Подчасъ, даже нижніе чины принимали участіе въ обманѣ, чтобы поддержать своихъ начальниковъ, что можно видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства.

Многіе молодые офицеры не знали въ лицо нижнихъ чиновъ своего взвода, между тѣмъ на инспекторскомъ смотрѣ ихъ заставляли дѣлать перекличку, ставя передъ ними взводъ. Перекликая, офицеры называли фамиліи, какія имъ приходили въ голову; а солдаты, чтобы не подвергать своего офицера отвѣтственности, по очереди отвѣчали „я“, какую бы фамилію ни называлъ офицеръ, и это дѣлалось безъ всякаго предварительнаго согласенія или приказанія офицера, а какъ будто бы такъ и слѣдовало. Впрочемъ, надобно сказать, что не все офицеры пользовались готовностью нижнихъ чиновъ поддерживать ихъ въ обманѣ; мнѣ случилось два дня сидѣть подъ арестомъ за то, что я отказался на инспекторскомъ смотрѣ перекликать свой взводъ, объявивъ, что я знаю только нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ, но не всехъ. Сознаюсь, что и мнѣ приходилось подписывать бумаги, заключавшія въ себѣ явную ложь. Въ 1847 году

я былъ назначенъ адъютантомъ гв. конной артилеріи. Принимая бригадную канцелярію, я былъ крайне удивленъ, когда писарь, писавшій мѣсячные рапорты, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: сколько прикажете, ваше благородіе, изъ запасныхъ покойниковъ показать умершими въ этомъ мѣсяцѣ? Я потребовалъ отъ писаря объясненія его словъ и узналъ слѣдующее. Смертность въ войскахъ была одно время такъ велика, что высшія военныя власти обратили на нее серьезное вниманіе, вслѣдствіе чего состоялся приказъ, что если, въ теченіе одного мѣсяца, умершихъ въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ будетъ болѣе указапнаго въ приказѣ числа, то командирамъ частей долженъ быть сдѣланъ выговоръ. Въ виду того, что смертность не могла быть совершенно одинакова во все 12 мѣсяцевъ года, для избѣжанія выговора показывалось въ каждомъ мѣсяцѣ не болѣе максимальнаго по приказу числа умершихъ; въ тѣхъ же мѣсяцахъ когда умирало больше этого числа, лишнихъ покойниковъ оставляли въ запасѣ, какъ выражались писаря, то-есть, они не исключались изъ списковъ и продолжали получать все содержаніе и довольствіе какъ живые; показывались же они умершими только въ тѣ мѣсяцы, когда умирало менѣе того числа, которое значилось въ приказѣ. Этимъ способомъ устранялась причина выговора, и доставлялась нѣкоторая выгода батареямъ, получавшимъ содержаніе на умершихъ. Эти невѣрности въ мѣсячныхъ отчетахъ, которыя я обязанъ былъ подписывать, переходили не только изъ одного мѣсяца въ другой, но онѣ оставались иногда отъ одного года до другаго.

Официальный обманъ, который никѣмъ не считался за преступленіе, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ недовѣріе начальниковъ къ ихъ подчиненнымъ; на офицеровъ смотрѣли какъ на школьниковъ, которые способны были прибѣгать ко всякимъ лживымъ уловкамъ, чтобы избѣжать взысканій по службѣ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ считалъ за особое достоинство, если офицеръ, на сдѣланный ему вопросъ, скажетъ правду, его компрометирующую. Былъ такой случай. Подпоручикъ л.-гв. гре-

падерекаго полка, князь Д. Волконскій, позабывъ, что былъ царскій день (въ теченіе котораго все офицеры должны быть въ полной парадной формѣ), поѣхалъ обѣдать въ гостиницу въ сюртукѣ. Въ то самое время Великій Князь ѣхалъ по Литейной и замѣтилъ, что одѣтый не по формѣ *) князь Волконскій повернулъ съ Литейной на Пантелеймоновскую улицу. Не зная князя Волконскаго въ лицо и не узнавъ полка, такъ какъ онъ былъ въ зимней шинели съ бобровымъ воротникомъ, но будучи увѣренъ, что онъ желаетъ отъ него скрыться, Его Высочество собралъ всехъ полковыхъ командировъ и приказалъ имъ узнать, кто былъ офицеръ, котораго онъ встрѣтилъ одѣтымъ не по формѣ. Полковые командиры опросили, въ свою очередь, офицеровъ, и князь Волконскій тотчасъ же сказалъ, что это былъ онъ. Великій Князь былъ такъ доволенъ сознаниемъ князя Волконскаго, что не только не сдѣлалъ съ него никакого взысканія, но отдалъ даже въ приказахъ ему благодарность.

Служба въ лагерь до прихода пѣхоты и кавалеріи была легкая; практическая стрѣльба производилась батареями по очереди черезъ день, затѣмъ дѣлались домашнія ученія по распоряженію батарейныхъ командировъ, а остальное время, котораго было много, офицеры проводили большею частію въ товарищескомъ кругу, разъѣзжая изъ одной батареи въ другую. Устроивались иногда общіе обѣды всей конной артиллеріи, на которые собиравлись все офицеры, жившіе вообще очень дружно между собой. Сравнивая прошлое время съ настоящимъ, нельзя не сказать, что товарищеское чувство въ гв. конной артиллеріи въ 40-хъ и 50-хъ годахъ было гораздо болѣе развито, чѣмъ позже. Офицеры составляли въ то время сплоченную корпорацію, въ которой начальство не разъ находило сильную оппозицію его произвольнымъ дѣйствіямъ; стоило начальнику сдѣлать несправедливость относительно одного офицера, чтобы воз-

---

*) При мундирѣ надѣвалась каска съ султаномъ, а князь Волконскій былъ въ каскѣ безъ султана.

будить противъ себя неудовольствіе всѣхъ его товарищей. Отъ этого происходило, что въ прежнее время, хотя начальники пользовались гораздо большей властію, чѣмъ потомъ, но они не рѣшались употреблять ее во зло: позднѣе же, не имѣя прежней власти, командиры частей очень часто, въ своихъ дѣйствіяхъ, руководствовались исключительно личнымъ произволомъ, зная, что всегда найдутся офицеры, которые будутъ на ихъ сторонѣ ради своихъ личныхъ интересовъ. Товарищеское чувство содѣйствовало тогда къ поддержанію на должной высотѣ нравственности и чести военной корпораціи, заставляя каждого офицера дорожить мнѣніемъ своихъ товарищей и не увлекаться эгоизмомъ на путь своекорыстныхъ цѣлей, несогласныхъ съ достоинствомъ военнаго званія. Въ то время не существовало офицерскаго суда, но офицеры такъ чутко относились къ дѣламъ чести, что и безъ всякой регламентаціи умѣли оберегать свое достоинство отъ покушеній на него. Слѣдующій случай можетъ служить тому доказательствомъ.

Гвардейская артилерія комплектовалась въ то время преимущественно офицерами, окончившими курсъ въ офицерскихъ классахъ Артилерійскаго Училища. Изъ числа окончившихъ курсъ въ 1844 г. и пожелавшихъ служить въ гв. конной артилеріи, были два офицера, которые въ офицерскихъ классахъ имѣли весьма непріятную исторію. Одинъ изъ нихъ II—въ постоянно подсмѣивался надъ другимъ X—мъ; наконецъ, насмѣшки II—ва до такой степени разсердили X—на, что, держа въ рукахъ линейку, онъ ударилъ II—ва по лицу. Товарищи помнили ихъ, и исторія эта не имѣла далѣйшихъ послѣдствій; но когда о ней узнали офицеры гв. конной артилеріи, то они, не входя въ разбирательство, кто былъ правъ и кто виноватъ, объявили, что не хотятъ служить съ офицеромъ, который былъ битъ; можетъ быть, этотъ послѣдній получилъ ударъ совершенно невинно, но оберегая честь мундира, они считали себя обязанными просить II—ва не выходить на службу въ гв. конную артилерію. Получивъ этотъ запретъ, II—въ довелъ о немъ

до свѣдѣнія Сумарокова, бывшаго въ то время начальникомъ гвардейской артилеріи. Сумароковъ, считая поступокъ офицеровъ съ П—ымъ и самовольнымъ, и подрывающимъ авторитетъ власти (которая одна, по его мнѣнію, была въ правѣ судить о нравственныхъ качествахъ офицеровъ) перевелъ П—ва въ гв. конную артилерію, не смотря на протестъ офицеровъ. Тогда офицеры рѣшили единогласно не кланяться, не говорить съ П—ымъ и не принимать его въ свое общество, сколько бы времени онъ ни служилъ въ гв. конной артилеріи, и рѣшеніе это они исполнили. Надобно было имѣть особенное терпѣніе П—ва, чтобы жить и ежедневно встрѣчаться съ людьми, которые отъ него отворачивались и переносить отъ нихъ разныя униженія и невѣжливыя выходки. П—въ имѣлъ это терпѣніе и дослужился до капитанскаго чина; но затѣмъ ему объявлено было отъ имени начальства, что онъ не получитъ гвардейской батареи, вслѣдствіе чего онъ перешелъ на какую-то другую службу. Если провести параллель между этимъ случаемъ, бывшимъ въ 40-хъ годахъ, и исторіей Квитницкаго, бывшею въ гв. конной артилеріи въ 70-хъ годахъ, то нельзя не видѣть громадной разницы между нравственнымъ направленіемъ офицеровъ того времени и взглядами ихъ на честь мундира въ позднѣйшее время. Въ исторіи П—ва офицеры единогласно отказались принять въ свою среду человѣка, который имѣлъ несчастіе получить ударъ въ лицо; не зная вовсе П—ва, они это сдѣлали исключительно въ огражденіе чести своего мундира. Въ исторіи Квитницкаго офицеры раздѣлились на партіи, изъ которыхъ одну поддерживало начальство гв. конной артилеріи и, хотя никто изъ офицеровъ не могъ указать ни одного позорящаго поступка, сдѣланнаго Квитницкимъ, тѣмъ не менѣе партія обвинителей, при поддержкѣ начальства, добила преданія Квитницкаго офицерскому суду и исключенія его изъ гв. конной артилеріи за то, какъ выяснилось на судѣ, что онъ неуживчиваго характера и что онъ одѣвается неряшливо. И такъ, въ исторіи П—ва офицеры, подъ вліяніемъ высокаго понятія о воинской чести, рѣшились идти даже въ разрѣзъ съ желаніемъ начальства; въ

исторіи же Квитницкаго, они, въ угоду начальству, исключили изъ своей среды человѣка, неповиннаго ни въ одномъ безчестномъ поступкѣ. Сопоставленіе этихъ фактовъ ясно говоритъ, что прежніе офицеры умѣли высоко держать знамя своей корпорации, хотя не имѣли на это ни правъ, ни писанныхъ правилъ. Въ позднѣйшее же время даже такое высокое учрежденіе, какъ офицерскій судъ, не только не обезпечивало достоинства корпорации офицеровъ, но служило подчасъ средствомъ для достиженія личныхъ своекорыстныхъ цѣлей. Кромѣ описанныхъ фактовъ, я могу привести еще и то обстоятельство, о которомъ я уже говорилъ, а именно, что офицеры 1-й легкой батареи отказывали себѣ въ хорошемъ обѣдѣ, единственно потому, что не хотѣли поставить своего товарища Кельдермана въ щекотливое относительно ихъ положеніе; позднѣе же, какъ мнѣ извѣстно, въ нѣкоторыхъ полкахъ устроивались дорого стоящіе офицерскіе клубы, покупались разные подарки, собирались съ офицеровъ немалыя деньги для празднованія полковыхъ праздниковъ, и все это дѣлалось, отчасти, въ противность писанымъ правиламъ и безъ всякаго вниманія къ тѣмъ небогатымъ офицерамъ, которые, не имѣя средствъ для оплаты заводимой роскоши въ полкахъ, бывають вынуждены оставлять службу. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы существовало между офицерами товарищеское чувство прежняго времени, то удаленіе офицеровъ изъ службы только потому, что они бѣдны, было бы дѣломъ невозможнымъ.

III.

Левинъ.—Ольга С.—Тревога.—Маневры.

Имѣя въ лагерѣ свой экипажъ, я ѣздить къ товарищамъ въ другія батареи и къ знакомымъ на дачи. Чаще всего я бывалъ въ 3-й легкой батарее у князя Николая Волконскаго, съ которымъ служилъ юнкеромъ и съ которымъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Перѣдко пріѣзжали и къ намъ офицеры другихъ батарей. Всѣмъ очень нравилось мѣсто нашей стоянки какъ потому, что она была вдали отъ шума и постоянного движенія центральныхъ мѣстностей лагеря, такъ и потому, что у насъ были чистый деревенскій воздухъ и красивая мѣстность. Деревня Телези расположена у опушки небольшого сосноваго лѣса, дававшего прекрасную тѣнь, что было особенно пріятно въ жаркіе лѣтніе дни; близъ избы, въ которой я помѣстился съ Левинымъ, была небольшая лужайка, на которой мы обыкновенно пили чай и гдѣ принимали нашихъ гостей, которыхъ собиралось иногда до 10 человекъ. Веселый говоръ, шутки и разказы о разныхъ любовныхъ похожденияхъ поддерживали на нашихъ сборищахъ общую веселость; случалось, что варили иногда жженку и пѣли хоромъ пѣсни песеннаго содержанія, но игры въ карты вовсе не было: большинство молодыхъ офицеровъ не умѣли даже играть въ карты, а изъ старшихъ офицеровъ, если нѣкоторые играли, то вели большую игру въ банкъ. Такъ наиримѣръ говорили, что извѣстный герой Севастополя Хрулевъ, бывшій въ то время

казначеемъ гвардейской конной артилеріи, выигралъ у Вадковскаго 300 тысячъ рублей. По праздникамъ мы ѣздили съ Левинымъ въ Петергофъ и въ Павловскъ, но чаще всего мы бывали въ гостяхъ у одного батарейнаго командира гв. пѣшей артилеріи полковника С..., жена котораго была чрезвычайно миловидна; у нея собирались ея пріятельницы, жены товарищей ея мужа, одна другой красивѣе и кокетливѣе. Скучать въ такомъ обществѣ было, конечно, невозможно. Посѣщая его, я окончательно забылъ Бетси и готовъ былъ влюбиться въ м-ше С... Мужъ ея былъ дальній родственникъ моей матери; зная меня съ дѣтства и будучи почти вдвое старше меня лѣтами, онъ считалъ себя въ правѣ давать мнѣ совѣты и дѣлать наставленія, что мнѣ весьма не нравилось, и велѣдствіе этого я у него бывалъ весьма рѣдко. Съ женой же его я познакомился за два года передъ тѣмъ, когда она ожидала появленія на свѣтъ ея перваго сына; она мнѣ показалась весьма некрасивою. По приходѣ батареи въ лагерь, я случайно встрѣтилъ С... на военномъ полѣ; увидавъ меня, онъ очень обрадовался и взялъ съ меня слово, что я приѣду къ нему въ Горки (деревня на лѣвой сторонѣ Дудергофской горы), гдѣ жена его занимала дачу. Я обѣщалъ быть у него и черезъ нѣсколько дней поѣхалъ въ Горки. Я нашелъ тамъ большое общество. М-ше С... приняла меня очень любезно и познакомила съ бывшими у нея ея пріятельницами, изъ которыхъ одна, а именно К..., тоже жена одного батарейнаго командира, была такъ хороша собой и такъ граціозна, что невольно бросилась мнѣ въ глаза; за ней ухаживали нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ офицеровъ гв. пѣшей артилеріи. Мужъ С... предложилъ мнѣ остаться обѣдать; оказалось, что я попалъ на какой-то семейный праздникъ; послѣ обѣда сѣли играть въ карты, предлагали и мнѣ принять участіе въ игрѣ, но я отказался, чѣмъ м-ше С... осталась очень довольна и удвоила свою любезность относительно меня. Я пробылъ у С...ыхъ цѣлый день и уѣхалъ очарованный моими новыми знакомыми; надевая передъ отъѣздомъ шинель, я, по разсѣянности, взялъ шинель мужа С... Обстоятельство это дало

миѣ предлогъ поѣхать къ С... на другой же день для обмѣна шинели. Этотъ разъ жена С..., которую буду называть Ольгой, была дома одна. Извинившись въ моей разсѣянности и пробывъ у нея нѣсколько минутъ, я хотѣлъ вернуться домой: но она меня просила провести съ ней вечеръ, что я охотно исполнилъ и уѣхалъ отъ нея только въ 12 часовъ ночи. Ольгу С... нельзя было назвать красавицей; черты ея лица были неправильны, глаза сѣрые, но при живомъ и веселомъ характерѣ, обращеніе ея со мной было такъ непринуждено и безцеремонно, и она съ такой искренностью и откровенностью высказывала миѣ свои взгляды, что во миѣ невольно пробудилось какое-то особенное къ ней чувство, которое было весьма близко къ любви. Съ Левинымъ я былъ вполне откровененъ, но не рѣшился признаться ему въ томъ чувствѣ, которое возбудила во миѣ Ольга С...: миѣ было совѣстно, и передъ нимъ, и передъ самимъ собой сознать свое испостыничество и свою вѣтренность; миѣ хотѣлось думать, что я не забылъ еще Бетси и что чувство мое къ Ольгѣ С... было не любовью, а лишь уваженіе къ высокимъ качествамъ ея ума и сердца. Левиный, какъ оказалось, гдѣ-то встрѣчалъ Ольгу С...; я предложилъ ему познакомиться съ ней, поѣхавъ вмѣстѣ со мной; онъ согласился. Мужъ С... принять его очень хорошо, какъ товарища по оружію и какъ моего пріятеля; Ольга же С... меня благодарила даже за пріятное знакомство, которое я ей доставилъ. Я побывалъ нѣсколько разъ у Ольги С... вмѣстѣ съ Левинымъ и замѣтилъ, что она ему очень нравится. Возвратившись однажды поздно вечеромъ изъ Горокъ, я легъ спать: Левиный сѣлъ ко миѣ на кровать и сказалъ, что онъ не дастъ миѣ спать, пока не подѣлится со мной тѣмъ счастьемъ, которое вышло на его долю; при этомъ онъ объяснилъ, что съ перваго дня его знакомства съ Ольгой С... онъ почувствовалъ къ ней горячую любовь; но затанувъ это чувство въ душѣ своей, онъ страдалъ и молчалъ. „Наконецъ, сегодня, сказалъ онъ, я убѣдился, что С... платитъ миѣ взаимностью, и я считаю себя счастливѣйшимъ человекомъ въ мірѣ!“ При этомъ онъ взглянулъ на меня; я ле-

жалъ недвижимъ съ закрытыми глазами... Предположивъ, что я сплю, онъ съ досадою ушелъ къ себѣ на кровать. Но я не спалъ: сонъ былъ далекъ отъ меня; услышанное мною признаніе Левина поразило меня какъ громовой ударъ; ревность и злоба овладѣли моимъ сердцемъ, и въ головѣ тѣснились такія пелѣныя мысли, о которыхъ совѣстно даже вспомнить. Я прочиталъ передъ тѣмъ какой-то Французскій романъ, въ которомъ герой разсказа рѣшился на самоубійство съ цѣлью возбудить въ его соперникѣ упреки совѣсти и тѣмъ отравить его счастье; мнѣ казалось, что я нахожусь въ такомъ точно положеніи и что я долженъ поступить также какъ этотъ герой. Отъ этихъ сумасбродныхъ мыслей голова моя горѣла какъ въ огнѣ, я всталъ и вышелъ изъ избы; заря уже занялась, но солнце было за горизонтомъ; холодный утренній воздухъ охватилъ меня со всѣхъ сторонъ и благотворно подѣйствовалъ на мое нервное возбужденіе; наконецъ, разсудокъ мало-по-малу вступилъ въ свои права: я разсмѣялся, вспомнивъ тѣ пелѣныя представленія, которыя создало мое разстроенное воображеніе и твердо рѣшился, скрывъ отъ Левина все, что я перечувствовалъ въ эту ночь, быть вѣрнымъ хранителемъ тайны его любви къ С... и употреблять всѣ усилія надъ собой, чтобы изгнать изъ сердца то чувство, которое она во мнѣ зародила. Этого требовали моя честь и дружба къ Левину. Успокоенный принятымъ рѣшеніемъ, я хотѣлъ вернуться въ избу; но въ это время въ авангардномъ лагерѣ взвилась ракета, и за ней послѣдовали выстрѣлы съ разныхъ батарей въ большомъ лагерѣ. Тревога! закричалъ я дежурному фейерверкеру и бросился въ комнату будить Левина. Черезъ пять минутъ намъ подали лошадей, а черезъ $\frac{1}{4}$ часа батарея шла уже прибавленной рысью на военное поле.

Батарея наша состояла при кирасирской дивизіи, которая собиралась по тревогѣ на военномъ полѣ, у самаго выхода изъ Краснаго Села. Хотя кавалергарды, конная гвардія и кирасиры Его Величества стояли въ самомъ Красномъ Селѣ, а мы были

въ 7 верстахъ отъ него, тѣмъ не менѣе батарея наша пришла къ сборному пункту ранѣе, чѣмъ собралась вся кирасирская дивизія. Надобно сказать, что кирасиры того времени были, можетъ быть, очень хороши для парадовъ, но они нигдѣ не годились для военнаго времени: на нихъ были надѣты кирасы, которыя вѣсили около 30 фунтовъ; каска и все вооруженіе ихъ, состоявшее изъ пикъ, карабиновъ и палашей, представляли такую тяжесть, которая стѣсняла ихъ свободныя движенія; имѣя громаднаго роста лошадей, они садились на нихъ не иначе какъ съ помощію пикъ, втыкая ее въ землю. Какъ неповоротливы и неловки были кирасиры, примѣромъ можетъ служить слѣдующее обстоятельство. Близъ деревни Лемцелево, поле было покрыто мелкимъ кустарникомъ, среди котораго была небольшая яма: яма эта пазывалась *кирасирской*. потому что послѣ прохода по этой мѣстности кирасирской дивизіи, что всегда бывало во время маневровъ, въ ней обыкновенно лежало два или три кирасира съ лошадьми. Наши артиллеристы, помогая имъ выкарабкиваться изъ ямы, смѣялись надъ ними и пазывали ихъ *таланаями*. Каріеръ у кирасиръ былъ такъ малъ, что наша батарея безъ труда перегоняла ихъ, идя большимъ галопомъ.

Вызвавъ войска по тревогѣ, императоръ Николай Павловичъ дѣлать обыкновенно односторонній маневръ, послѣ котораго все полки и артилерія собирались у *валика* на военномъ полѣ, строились въ густыя колоны и проходили мимо Императора съ музыкой и пѣнями. Этотъ церемоніальный маршъ называли Французскимъ словомъ *coup d'oeil*, а солдаты прозвали его *куделькой*. Вернувшись послѣ тревоги домой, я такъ былъ утомленъ безсонной ночью, что заснулъ какъ убитый, позабылъ все и всехъ и проснулся только на другой день, въ который войскамъ былъ данъ отдыхъ. Пообѣдавъ, я предложилъ Левину ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ С...; но ради осторожности, чтобы не возбудить *какого либо* подозрѣнія мужа, Левинъ просилъ меня ѣхать одного и передать Ольгѣ С... письмо, въ ко-

торомъ онъ назначалъ ей гдѣ-то свиданіе: при этомъ онъ сказалъ, что открылъ мнѣ свою сердечную тайну съ согласія Ольги С., что она имѣетъ великое ко мнѣ довѣріе и называетъ меня своимъ лучшимъ другомъ. И горько, и пріятно отозвались слова Левина въ моемъ сердцѣ. Я взялъ письмо и поѣхалъ. Когда я пріѣхалъ къ С., мужъ ея игралъ въ карты въ комнатахъ, а она пила чай въ саду съ своей пріятельницей К. и съ однимъ офицеромъ гвардейской пѣшей артилеріи Р., который былъ по уши влюбленъ въ К. Помѣстившись за чайный столъ, я векорѣ остался одинъ съ Ольгой С., такъ какъ К. и Р. въ это время пошли прогуляться по саду. „У меня есть письмо къ вамъ“, сказалъ я ей.—Отъ кого? спросила она, слегка покраснѣвъ.— „Отъ Левина“, отвѣчалъ я, и подалъ ей письмо. Она быстро его спрятала и предложила мнѣ такой вопросъ: „Хорошо ли вы знаете моего мужа“? Я отвѣчалъ, что знаю его очень мало. „Я васъ познакомлю съ нимъ, сказала она, и тогда вы поймете все и, можетъ быть, не осудите меня за мой, повидимому, легкомысленный поступокъ“. Послѣ этого предисловія, она мнѣ разсказала, что мужъ ея сквернѣйшаго и деспотическаго характера, что онъ постоянно оскорбляетъ ея самолюбіе, что онъ ревнуетъ ее даже къ ея пріятельницамъ, а этимъ послѣднимъ говоритъ не только непріятныя вещи, но даже грубости; наконецъ, что онъ окружаетъ ее людьми, которыхъ она не терпитъ и которые служатъ ему шпионами; тѣхъ же, которые ей симпатичны, онъ старается всячески удалять отъ нея, и такъ далѣе. „Я любила мужа, продолжала она, но онъ сдѣлалъ все, чтобы уничтожить во мнѣ эту любовь; жить же безъ любви женщина не можетъ: въ любви ея горе и радость, ея счастье и несчастье. Чѣмъ же я виновата, что судьба послала мнѣ вполнѣ достойнаго человѣка, который отдалъ мнѣ свое сердце и потребовалъ моего? Отказать ему я была не въ силахъ; пусть Богъ за это меня судитъ, а не люди! Скажите, прибавила она, считаете ли вы себя въ правѣ бросить въ меня камнемъ, или нѣтъ“?—„Нѣтъ“ отвѣчалъ я. Въ это время подошла К.; я взялъ фуражку и уѣхалъ.

На другой день мы поѣхали съ Левинымъ верхомъ на Дудергофъ; гдѣ Левинъ назначилъ свиданіе С. на какой-то тропинкѣ. Проѣхавъ Вилози, я повернулъ на право, а Левинъ взялъ на лѣво; при этомъ мы условились къ 9-ти часамъ быть на фермѣ, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ обратный путь. Поднявшись на Дудергофскую гору, я увидалъ К. верхомъ, окруженную офицерами гвард.-пѣшей артилеріи. Она лихо подскакала ко мнѣ и, заливаясь смѣхомъ, сказала мнѣ пофранцузски: „Je veux te casser la tête, voulez-vous me tenir compagnie?“ *) При этомъ она объяснила, что она предложила своимъ кавалерамъ спуститься съ горы въ каріеръ, но всѣ они отказались. „Надѣюсь, прибавила она, что вы согласитесь исполнить этотъ маленький мой капризъ и не откажетесь быть моимъ кавалеромъ“. Я сказалъ ей, что жизнь мнѣ не дорогá, что я готовъ исполнить ея желаніе; но я увѣренъ, прибавилъ я, что она ничѣмъ не рискуетъ, такъ какъ сама судьба позаботится о спасеніи такой прекрасной головки, какъ ея, для счастья преданныхъ ей сердецъ. Она ударила свою лошадь хлыстомъ, и мы понеслись подъ гору полнымъ карьеромъ. Спустившись благополучно внизъ и дождавшись кавалеровъ К. . . . ой, я съ ней раскланялся и поѣхалъ на ферму, гдѣ Левинъ меня уже ждалъ. Когда мы ѣхали съ нимъ домой, разговоръ нашъ коснулся К. По словамъ его, эта женщина горячо любила своего мужа; она позволяла себѣ кокетничать ради забавы; ей нравилось быть окруженной обожателями; она играла съ ними въ любовь, но сердце ея всецѣло принадлежало мужу. Конечно, кокетство ея было весьма предосудительно, она разжигала страсти и давала надежды, которыхъ не могла и не хотѣла исполнить, и тѣмъ самымъ довела одного изъ своихъ обожателей до сумашествія. Мужъ зналъ и видѣлъ все; но, будучи увѣренъ въ своей женѣ, онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на ея вольное обращеніе съ молодыми людьми. Случай, бывший съ ней чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того времени, которое я описываю, можетъ дать наи-

---

*) Я хочу сломать себѣ голову; хотите выѣсть?

лучшее понятіе о ея характерѣ. Мужъ ея, прокомандовавъ около семи лѣтъ одной изъ батарей 1-ой гвардейской артиллерійской бригады, былъ назначенъ командиромъ армейскаго кавалерійскаго полка, стоявшаго гдѣ-то на Югѣ. Будучи звѣздой немалой величины въ Петербургѣ, она блистала особеннымъ блескомъ въ провинціальномъ обществѣ; ей все поклонялись: ее любили старики, которымъ она умѣла каждому сказать что нибудь пріятное; въ нее были влюблены все молодые офицеры полка. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, имѣя смѣлый и рѣшительный характеръ, пришелъ къ ней въ то время когда она сидѣла одна въ саду съ книгой въ одной рукѣ и держала въ другой маленькій металлическій ножикъ въ видѣ книжала для разрѣзыванія листовъ. Объяснивъ ей свою пламенную любовь, онъ хотѣлъ ее обнять, но она быстро вскочила и объявила, что будетъ защищаться маленькимъ книжаломъ; въ это время на помощь офицеру вышелъ изъ кустовъ его товарищъ, но не смотря на общую ихъ атаку, она такъ хорошо дѣйствовала своимъ маленькимъ оружіемъ, что, нанеся нѣсколько ранъ обоимъ противникамъ, обратила ихъ въ бѣгство. Исторія эта надѣлала много шума въ той мѣстности, гдѣ стоялъ полкъ, и затѣмъ дошла до Петербурга.

Лагерь близился къ концу; въ исходѣ Іюля мѣсяца назначены были 18-ти дневные маневры подъ Нарвой. Одной стороною командовалъ Николай Николаевичъ Муравьевъ (Карскій), а другой стороною—какой-то генералъ подъ главнымъ руководствомъ самаго императора Николая Павловича. Государь не любилъ Муравьева; но, желая удовлетворить общественное мнѣніе, которое считало его способнымъ генераломъ, онъ далъ ему командовать отрядомъ на маневрахъ, съ тѣмъ, какъ говорили, чтобы, испытавъ его военныя способности, дать ему корпусъ. Муравьевъ блестящимъ образомъ выдержалъ испытаніе; онъ разбилъ врага, который былъ гораздо сильнѣе его. Сколько я помню, случилось это слѣдующимъ образомъ. Въ двухъ или трехъ переходахъ отъ Нарвы, карасирская дивизія, при кото-

рой состояла наша батарея, атаковала войска Муравьева и, заставивъ ихъ отступитъ, направилась на назначенный ей по распоряженію почлегъ, верстахъ въ 10-ти отъ мѣста боя. Дорога лежала по лѣсу, мы шли въ походномъ порядкѣ, орудія были разряжены; позабывъ совершенно о непріятелѣ, мы думали только о томъ, какъ бы скорѣе дойти до нашихъ обозовъ, которые заранѣе были посланы на мѣсто почлега. Вдругъ мы услышали въ лѣсу выстрѣлы и увидѣли непріятельскихъ стрѣлковъ, стрѣлявшихъ въ насъ изъ за деревьевъ. Конечно, еслибы это было настоящее дѣло, то кирасирскую дивизию и нашу батарею можно было бы считать погибшими. При первыхъ раздавшихся выстрѣлахъ, колонна наша пошла большимъ галопомъ, чтобы скорѣе выйти изъ лѣса; но мы проскакали около 15 верстъ, прежде чѣмъ дошли до поляны, на которой могла развернуться и дѣйствовать кавалерія. Была уже ночь, мы остановились на этой полянѣ и прождали до утра нашихъ обозовъ; въ кирасирской дивизіи было нѣсколько лошадей. Муравьевъ, какъ оказалось, сдѣлалъ обходное движеніе и умѣлъ такъ его замаскировать, что въ нашемъ отрядѣ узнали о немъ только тогда, когда стрѣлки заняли лѣсъ у насъ въ тылу; оплошность нашего отряда объясняли тѣмъ, что, по картамъ нашего генеральнаго штаба, мѣстность, по которой прошелъ Муравьевъ, считалась непроходимой. Государь очень благодарилъ Муравьева за маневры и вскорѣ назначилъ его командиромъ гренадерскаго корпуса; мы же, просидѣвъ цѣлый день на лошадяхъ, ничего не пивши и не ѣвши, посылали ему немало проклятій за его военную хитрость.

Послѣ маневровъ, черезъ два дня, назначенъ былъ парадъ всѣмъ войскамъ на военномъ полѣ, въ парадной формѣ, какъ это дѣлалось каждый годъ; а на другой день парад войска выступили изъ лагеря.'

IV.

Травяное довольствіе — Дуэли. — Дисциплина. — Полковникъ Овсепниковъ. Генералъ Шварцъ.

По окончаніи лагеря, батареи гвардейской конной артиллеріи отправлялись обыкновенно на травяное довольствіе, то-есть батарейные командиры занимали въ окрестностяхъ Петербурга луга, которые солдаты косили и конной травой кормили лошадей. Травяное довольствіе давало батарейнымъ командирамъ значительныя денежныя выгоды, такъ какъ весь отпускаемый за это время фуражъ оставался у нихъ въ экономіи. Солдаты были очень довольны идти на траву въѣздѣ свободы, которою они тамъ пользовались и въѣздѣ отдыха имъ даваемого отъ строевыхъ учений; кромѣ того, во время травянаго довольствія ихъ кормили улучшенною пищей. Офицерамъ не было надобности находиться въ это время всѣмъ въ батареяхъ на лицѣ, такъ какъ никакихъ учений тогда не было; требовалось только, чтобы во всякое время находилось въ батареяхъ, по очереди, не менѣе двухъ офицеровъ; остальные же офицеры могли жить гдѣ имъ было угодно; нѣкоторые уѣзжали даже за сотни верстъ отъ Петербурга. Въ томъ году, который я описываю, погода въ Августѣ мѣсяцѣ была великолѣпная, дачи были полны народомъ; въ Новой деревнѣ давались ежедневно представленія подъ управленіемъ извѣстнаго антрепренера Излера; въ Царскомъ Селѣ проходили скачки, на которыя собиралась масса офицеровъ; Царскосельская желѣзная

дорога перевозила по 8-ми огромныхъ поѣздовъ въ день изъ Петербурга въ Павловскъ, гдѣ игралъ по вечерамъ извѣстный въ то время оркестръ Ивана Гунгля и гдѣ начались иногда маскарады. Маскарады были очень оживлены; лейбъ-гусары не жалѣли денегъ на шампанское, которымъ сами угощались и угощали масокъ, принадлежавшихъ большею частію къ категоріи дамъ изъ полусвѣта.

Во время танцевъ я былъ свидѣтелемъ, на одномъ изъ этихъ маскарадовъ, слѣдующаго случая. Какой-то штатскій господинъ въ сѣрой шляпѣ пустился танцовать легкіе танцы и выдѣлывалъ погами пресмѣшные па; офицеры окружили танцующихъ, аплодировали этому господину, и едва онъ переставалъ танцовать, кричали ему: „*сѣрая шляпа, танцуй!*“ Не смѣя послушаться, онъ продолжалъ танцовать, хотя потъ лилъ съ него градомъ. Въ это время изъ толпы выдѣлился какой-то весьма порядочный молодой человѣкъ, подошелъ къ смѣшному танцору и, попросивъ у него шляпу, надѣлъ ее себѣ на голову; затѣмъ, обратившись къ кричавшимъ офицерамъ, онъ имъ объяснилъ, что сѣрая шляпа теперь на его головѣ и что тотъ, который повторить возгласъ: *сѣрая шляпа, танцуй!* будетъ имѣть дѣло съ нимъ, а не съ ея владѣльцемъ. Видя его рѣшительный и вызывающій тонъ, офицеры разсмѣялись и, ничего не сказавъ, отошли отъ танцующихъ. Этотъ случай можетъ служить, въ нѣкоторомъ родѣ, характеристикой того времени, которое я описываю. Офицеры очень хорошо понимали, что всякое слово, сказанное кѣмъ-нибудь изъ нихъ защитнику плохаго танцора, могло имѣть своимъ послѣдствіемъ дуэль; рисковать же дуэлью по такому пустому поводу и съ лицомъ никому неизвѣстнымъ было бы крайне неблагоразумно. Въ настоящее время мысль о дуэли никому вѣроятно не пришла бы въ голову, и съ смѣльчакомъ раздѣлались бы кулаками; но въ то время, хотя кулачная расправа была въ большомъ ходу, но только съ лицами, принадлежавшими къ низшимъ сословіямъ, между же дворянами и лицами, занимавшими одинаковое общественное поло-

женіе, дуэль была единственнымъ принятымъ средствомъ для защиты своей чести, не смотря на то, что, по законамъ тогдашняго времени, наказанія за дуэль были гораздо строже, чѣмъ въ настоящее время. Отказаться отъ дуэли, подѣ какимъ бы то ни было предлогомъ, или не вызвать на дуэль оскорбителя считалось въ то время дѣломъ печестнымъ.

Позволю себѣ, при этомъ случаѣ, разсказать о двухъ дуэляхъ, въ которыхъ я долженъ былъ быть секундантомъ, по которыя не состоялись по счастливымъ, но независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ. Обѣдая перѣдко на Михайловской улицѣ въ гостиницѣ Кулона (перешедшей потомъ къ Клею), я познакомился тамъ съ однимъ офицеромъ Семеповскаго полка П.; затѣмъ я его встрѣчалъ у Левина, съ которымъ онъ былъ очень друженъ. Приѣхавъ однажды обѣдать къ Кулону, я замѣтилъ, что П. говорилъ очень горячо съ какимъ-то пѣхотнымъ офицеромъ; я сѣлъ обѣдать за другимъ столомъ. Послѣ обѣда П. подошелъ ко мнѣ и объяснивъ, что онъ вызвалъ на дуэль офицера, съ которымъ говорилъ, за то, что тотъ оскорбительно отозвался о знакомой П. особѣ, просилъ меня быть его секундантомъ. Отказаться я считалъ невозможнымъ. Вскорѣ послѣ П. подошелъ ко мнѣ и офицеръ, вызванный на дуэль. „Наказаніе для секундантовъ по нашимъ законамъ, сказалъ онъ, весьма строгое; но такъ какъ вы согласились уже быть секундантомъ у П., то позвольте васъ просить быть одновременно и моимъ секундантомъ; этимъ вы несколько не увеличите вашей отвѣтственности передъ закономъ, а избавите отъ наказанія то лице, которое, въ случаѣ вашего отказа, я долженъ буду пригласить въ секунданты“. Неожиданная просьба офицера, котораго я не только не зналъ, но и никогда не видалъ, такъ меня поразила, что, не сообразивъ ея нелѣпости, я согласился ее исполнить; противники поручили мнѣ назначить условія дуэли, сказавъ, что они вполне полагаются на меня и на все будутъ согласны. Приѣхавъ домой и обдумавъ то странное положеніе, въ которое я себя поставилъ, я рѣшился

назначить самыя строгія условія дуэли, полагая, что если причина дуэли, которой въ точности я не зналъ, была серьезная, то и дуэль должна быть серьезная; а если причина пустая, то назначеніе серьезной дуэли можетъ повести къ примиренію. Оказалось, что я не ошибся. Объявивъ противникамъ, что дуэль должна быть черезъ платокъ съ однимъ заряженнымъ пистолетомъ, я замѣтилъ видимое ихъ смущеніе: вскорѣ послѣдоваль миръ, и на другой день мы пили втроемъ шампанское въ гостиницѣ на Крестовскомъ островѣ, гдѣ должна была состояться дуэль.

Другая дуэль имѣла серьезный поводъ, и съ однимъ изъ противникомъ меня связывала тѣсная дружба. Дѣло это было въ 1840 году, въ Дерптѣ, во время похода гвардіи въ наши западныя окраины. Товарищъ мой к. В. имѣлъ несчастіе обѣдать съ однимъ офицеромъ Ш. который, воспользовавшись тѣмъ, что к. В. растерялъ сертукъ, вынулъ у него изъ кармана тысячу рублей денегъ и часы съ цѣпочкой. Затѣмъ, когда к. В. просилъ возвратить взятые у него вещи, офицеръ Ш. отвѣчалъ, что онъ никогда ихъ не бралъ и что вѣроятно к. В. былъ пьянъ и ихъ потерялъ. Такое нахальство такъ разсердило к. В., что онъ публично заявилъ, что Ш. его обокралъ; этотъ же послѣдній увѣрялъ всѣхъ, что к. В. взвелъ на него клевету. Конечно, исторія эта не могла иначе кончиться какъ дуэлью. Любя к. В. и будучи убѣжденъ, что онъ былъ жертвой нахальнаго воровства, я предложилъ ему быть его секундантомъ. По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, офицеръ Ш. дѣйствительно вызвалъ к. В. на дуэль и обѣщалъ прислать въ назначенный день и часъ ко мнѣ своего секунданта, для регулированія условій дуэли, но я просидѣлъ нѣсколько дней дома и секунданта не дождался; наконецъ, я узналъ, что Ш. уѣхалъ въ отпускъ въ Ярославскую губернію, а затѣмъ офицеры полка, въ которомъ онъ служилъ, заставили его выдти въ отставку. Если бы эта грустная исторія случилась въ позднѣйшее время, то она вѣроятно и велась бы иначе и имѣла бы другой исходъ. Во первыхъ, к. В.

счелъ бы себя, можетъ быть, въ правѣ отказаться отъ дуэли, такъ какъ противникъ его былъ отъявленный воръ; во вторыхъ, если бы полкъ, въ которомъ служилъ Ш., назначилъ надъ нимъ офицерскій судъ, то, не имѣя никакихъ уликъ противъ Ш. въ сдѣланной имъ кражѣ и слыша его увѣренія, что к. В. его оклеветалъ, судъ, можетъ быть, не выгналъ бы его изъ полка, и такимъ образомъ виноватымъ остался бы честнѣйшій и благороднѣйшій к. В., а Ш. служилъ бы по прежнему подъ Русскими знаменами. Полковые товарищи Ш. мнѣ говорили впоследствии, что они выгнали Ш. не за воровство, въ которое они не считали себя въ правѣ вѣрить, а за то, что онъ уклонился отъ дуэли.

По окончаніи травянаго довольствія, 1-я батарея пришла въ Петербургъ на зимнюю стоянку. Обученіе нижнихъ чиновъ лежало на обязанности старшихъ офицеровъ, командовавшихъ дивизіонами (полубатареями); младшіе же офицеры (взводные командиры) дежурили, ходили во внутренний караулъ въ Зимній Дворецъ и ѣздили на ординарцы. Ѣздившихъ на ординарцы въ 1-й батареѣ было трое: я, Хлюстинъ и Павловъ (Владиміръ). У насъ были прекрасныя лошади, извѣстныя въ то время всей конной артилеріи: Милордъ, Кочуй и Цѣтухъ. Дежурить приходилось по двумъ батареямъ, стоявшимъ въ Петербургѣ одинъ разъ въ 8 или 10 дней; внутренний караулъ на половинѣ Наслѣдника Цесаревича занимали по очереди конная артиллерія, конно-піонеры и гвардейскіе жандармы (для каждого офицера очередь наступала не ранѣе какъ черезъ мѣсяць); на ординарцы же къ Государю Императору каждому изъ насъ пришлось подѣхать во всю зиму всего два или три раза.

Изъ этого видно, что служба была не тяжелая; тѣмъ не менѣе многіе молодые офицеры ею тяготились, а нѣкоторые такъ манкировали своими обязанностями, что позволяли себѣ на ночь уѣзжать съ дежурствъ. Служба вообще никого не интересовала, никто не относился къ ней серьезно, всѣ смотрѣли

только на формальную сторону дѣла, не заботясь о сущности. Такъ напримѣръ, приказано было нижнимъ чинамъ имѣть съ собой пистолеты во внутреннемъ караулѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, и пистолеты у нихъ пристегивались съ боку съ точнымъ соблюденіемъ формы, а о томъ что при пистолетахъ не было патроновъ никто не заботился; въ офицерскихъ сѣдлахъ имѣлись кебуры для пистолетовъ и чемоданчики, но въ кебуры, вмѣсто пистолетовъ, вкладывались деревянные болванки, а чемоданчики дѣлались глухіе и набивались соломой. Случалось, что на маневрахъ отдавалось въ приказахъ, чтобы передъ выступленіемъ нижніе чины пообѣдали, а выступленіе назначалось въ 5 часовъ утра! Солдаты, видя, что ихъ взводные командиры относятся къ службѣ пренебрежительно, ставили ихъ ни во что, а боялись болѣе вахмистра и своихъ взводныхъ фейерверкеровъ. Мнѣ кажется, что если бы у батареи взяли въ то время всѣхъ взводныхъ офицеровъ, то строевое образованіе нижнихъ чиновъ нисколько отъ того не пострадало бы. На конно-артилерійскихъ ученіяхъ, молодые офицеры иногда ошибались въ командахъ; но уносные фейерверкеры вовсе ихъ не слушались, а прослуживъ около 20 лѣтъ и зная хорошо всѣ построения, они исполняли то, что слѣдовало, а не то, что имъ командовалъ офицеръ. Одинъ изъ моихъ товарищей Василій Деписовичъ Давыдовъ (сынъ извѣстнаго партизана) говорилъ мнѣ, что онъ часто вовсе не зналъ, что ему слѣдуетъ командовать; но, желая, чтобы его голосъ былъ слышанъ, кричалъ особенно громко: *маршъ*, а затѣмъ смотрѣлъ на фейерверкера, куда онъ повернется, чтобы повернуть туда же и свою лошадь. Конечно, изъ числа молодыхъ офицеровъ были и такіе, которые занимались службой и знали уставы, но это было меньшинство; большинство же не только не знало службы, но даже не хотѣло ея знать. Сознаюсь, что я принадлежалъ къ большинству въ первые три года моей службы по производствѣ меня въ офицеры.

Со мной былъ такой случай. Стоя на караулѣ во дворцѣ,

я разрѣшилъ трубачу пойти внизъ. Въ это время показался въ дверяхъ половины Наслѣдника Цесаревича принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій; караулъ построился. Слышавъ отъ моихъ товарищей, что если офицера нѣтъ при караулѣ, то трубачъ не долженъ выходить съ карауломъ, я почему-то вообразилъ, что и на оборотъ, если уходитъ трубачъ, то офицеръ не долженъ командовать карауломъ, а потому приказалъ замѣстить меня фейерверкеру, а самъ не вынимая сабли, сталъ въ сторонѣ отъ караула. Принцъ такъ былъ удивленъ, что остановился противъ меня и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, отчего я не команду карауломъ? Я ему смѣло отвѣчалъ: отъ того, что трубача нѣтъ, Ваше Императорское Высочество. Принцъ задумался, посмотрѣлъ на меня и, ничего не сказавъ, пошелъ дальше; не зная точно устава, онъ вѣроятно удовлетворился моимъ отвѣтомъ.

Многіе думаютъ, что въ Николаевскія времена была очень строгая военная дисциплина и что въ позднѣйшее время она упала вслѣдствіе того, что власть командировъ частей прежде была менѣе ограничена, чѣмъ послѣ. Что власть командировъ была сильна, это вѣрно; что они имѣли право сѣчь нижнихъ чиновъ сколько имъ было угодно, это также вѣрно (одинъ изъ батарейныхъ командировъ сѣкъ даже перѣдко жепу своего дешика, потому что она была красива собой и ему правилось смотрѣть на нее во время процесса сѣченія); но чтобы эта власть, или лучше сказать самоуправство, могла создать настоящую военную дисциплину, какою она должна быть, съ этимъ согласиться нельзя. На солдатъ смотрѣли въ то время, не какъ на людей, а какъ на машины, которыя должны были, не разсуждая, исполнять всѣ приказанія начальства; этимъ способомъ, хотя и обратили большинство солдатъ въ истукановъ ничего не понимавшихъ и ни о чемъ не разсуждавшихъ, но между ними перѣдко встрѣчались такія личности, которыя не въ состояніи были выносить тяготѣвшаго надъ ними гнета и выражали свой протестъ очень крупными нарушеніями дисципли-

лины. Такъ напимѣръ, въ первый же годъ моего производства въ офицеры, я былъ назначенъ, съ командою нижнихъ чиновъ 1-й батареи, присутствовать при наказаніи шпицрутенами рядового лейбъ-гвардіи Егерскаго полка за то, что онъ на разводѣ, въ присутствіи Государя Императора, сорвалъ эполеты съ своего ротнаго командира; затѣмъ почти въ то же самое время, рядовой другаго полка убилъ одного изъ офицеровъ. Конечно, оба они были засѣчены шпицрутенами до смерти. Хотя подобныя случаи бывали рѣдко, но тѣмъ не менѣе они ясно говорятъ, что однимъ страхомъ нельзя остановить преступленій. Я зналъ одного чиновника Департамента Общихъ Дѣлъ Николая Антоновича Ратынскаго, который писалъ ежегодно годовые отчеты, представляемые Государю Императору министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ мнѣ говорилъ, что въ этихъ отчетахъ былъ особый отдѣлъ, въ которомъ показывалось число убитыхъ помѣщиковъ ихъ крѣпостными людьми; число это, по его словамъ, годъ отъ году увеличивалось, не смотря на то, что совершившіе преступленія умирали большею частию подъ ударами кнута, то-есть подвергались самой мучительной казни. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, уничтожились конечно и убійства помѣщиковъ ихъ крѣпостными; думаю, что съ дарованіемъ человѣческихъ правъ нижнимъ чинамъ, какъ это сдѣлано въ настоящее время, должны уничтожиться, или значительно уменьшиться, крупныя нарушенія дисциплины, бывавшія прежде.

Характеръ прежней дисциплины очень хорошо выяснилъ одинъ артиллерійскій генералъ, сказавъ офицерамъ, окончившимъ курсъ въ офицерскихъ классахъ Артиллерійскаго Училища и явившимся къ нему по случаю перевода на службу въ гв. конную артилерію: „Прошу васъ, господа, выкинуть изъ головы премудрости, которымъ васъ учили: помните, что голова вамъ дана для того, чтобъ носить каску, а не для того, чтобъ разсуждать“. Какимъ ужаснымъ диссонансомъ звучать эти слова съ сознаніемъ Нѣмцевъ, что они обязаны побѣдой

надъ Французами своему школьному учителю! Прежняя дисциплина не развивала, а мертвила душевныя силы солдата; она уничтожала въ немъ чувство человѣческаго достоинства и дрессировала его, какъ дрессируютъ животныхъ для цирка; палка была единственнымъ орудіемъ, а страхъ единственнымъ средствомъ этой дрессировки.

Какъ маленькій образчикъ прежней дисциплины, могу привести случай, бывший въ одномъ изъ полковъ, стоявшихъ въ Польскихъ губерніяхъ. Ротмистръ, командовавшій эскадрономъ, игралъ въ карты съ своими товарищами, пріѣхавшими его навѣстить; въ то время, какъ онъ поставилъ карту въ банкъ, вошелъ вахмистръ и доложилъ ему, что какой-то Еврей не доставилъ фуража. Ротмистръ взбѣшенный, что карта была убита, ругнулъ вахмистра и крикнулъ: „Повѣситъ Жида!“ Вахмистръ отвѣчалъ „слушаю-съ“, повернулся на лѣво кругомъ, вышелъ изъ избы и въ точности исполнилъ приказаніе ротмистра.

Лучше всего я имѣлъ возможность ознакомиться съ дисциплиной того времени въ Севастопольскую войну. Въ оборонѣ Севастополя участвовали пѣхота, артилерія и моряки Черноморскаго флота. Дисциплина въ Черноморскомъ флотѣ была совсѣмъ иная, чѣмъ въ пѣхотѣ и артилеріи. Адмиралъ Лазаревъ, котораго можно считать основателемъ Черноморскаго флота, приложилъ всевозможное стараніе, чтобы развить матроса и заставить его исполнять свои обязанности сознательно, а не изъ страха къ палкѣ; на этомъ основаніи, внѣшнее проявленіе дисциплины, какъ напримѣръ, сніманіе фуражекъ, повертываніе на лѣво кругомъ на каблукахъ и изображеніе изъ себя петушановъ при встрѣчѣ съ офицерами отошли на задній планъ строеваго образованія нижнихъ чиновъ, пѣхотные офицеры, стоявшіе въ Севастополѣ до войны, говорили, что между матросами нѣтъ никакой дисциплины, что они какъ бы нехотя снімаютъ фуражки предъ офицерами и что какъ сол-

даты они кикуда не годятся. Послѣдствія указали, какъ жестоко ошибались эти офицеры: въ то время какъ пѣхотные полки посылались по очереди на укрѣпленія Севастополя, матросы находились безотлучно при своихъ орудіяхъ въ теченіи всей 11-ти мѣсячной осады и своей стойкостью и беззавѣтной храбростью удивили весь свѣтъ: въ теченіи всей осады не было ни одного пропавшаго безъ вѣсти матроса. О бывшей же дисциплинѣ въ пѣхотѣ я могу разсказать слѣдующее.

10-го Ноября 1854 года я былъ контуженъ въ голову и, потерявъ почти зрѣніе, долженъ былъ поступить въ Севастопольскій госпиталь, гдѣ меня помѣстили въ одной комнатѣ съ командиромъ Колыванскаго пѣхотнаго полка полковникомъ Пересвѣтовымъ, получившимъ двѣ раны въ Инкерманскомъ сраженіи 24 Октября. Пересвѣтовъ былъ очень словоохотливъ; проживъ съ нимъ болѣе двухъ недѣль въ одной комнатѣ, я слышалъ отъ него много интересныхъ разсказовъ. Такъ примѣръ, онъ мнѣ говорилъ, что полкъ его пришелъ съ Дуная въ Севастополь за день до Инкерманскаго дѣла, что 23 Октября его перевезли на южную сторону и что въ ночь того же дня онъ долженъ былъ выйти изъ Севастопольскихъ укрѣпленій, чтобы атаковать Англіійскія батареи. Неполнивъ все ему приказанное, онъ подошелъ на зарѣ къ Англіійскимъ батареямъ и, объѣзжая свой полкъ, замѣтилъ, что при полку не было полковаго адъютанта и семи человѣкъ офицеровъ. Обстоятельство это, какъ онъ говорилъ, его не удивило, такъ какъ полковой адъютантъ заранее предупредилъ, что у него слабы первы и что онъ не можетъ быть въ бою; другіе же офицеры вѣроятно послѣдовали примѣру адъютанта и, воспользовавшись темнотою ночи, остались въ Севастополѣ. Когда были взяты Англіійскія батареи (что было сдѣлано безъ большихъ потерь, такъ какъ застигнутые въ располхъ Англичане оказали весьма слабое сопротивленіе), Пересвѣтовъ увидалъ, что полкъ его значительно уменьшился въ численномъ составѣ: оказалось, что, для перенесенія небольшого числа раненыхъ на перевя-

зочный пунктъ, изъ полка ушли огромныя команды, безъ всякаго со стороны его приказанія. Возмущенный этимъ безпорядкомъ, онъ употребилъ все усилія, чтобы заставить вернуться уходящихъ съ поля сраженія, но ничего не могъ сдѣлать, а вскорѣ и самъ былъ раненъ. Разсказывая мнѣ этотъ эпизодъ, онъ прибавилъ къ нему слѣдующее заключеніе: „нашъ солдатъ, сказалъ онъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о чувствахъ чести и долга; онъ хорошъ, когда надъ нимъ держать палку, но когда являеся страхъ смерти, который сильнѣе страха палки, то никакая военная дисциплина съ нимъ ничего не подѣлаетъ“. Горько было слышать подобное мнѣніе о нашемъ солдатѣ отъ человека, который прослужилъ болѣе 35 лѣтъ въ строю; но, приводя его, я вовсе не хочу подвергать сомнѣнію доблесть нашего солдата; Боже меня унаси! Я хочу указать только, что если въ солдѣ есть пятна, то они были и въ боевой службѣ нашей арміи, но что этими пятнами она была обязана не характернымъ особенностямъ нашего солдата, а нашей бывшей военной дисциплинѣ, которая, задавшись цѣлью сдѣлать изъ солдата машину, хотѣла убить въ немъ самолюбіе и все хорошія чувства. Наши пѣхотные офицеры того времени были немногимъ болѣе развиты, чѣмъ солдаты; а потому и на нихъ военная дисциплина не могла не оказать вреднаго вліянія. Но счастливо не то было въ Черноморскомъ флотѣ. Адмиралъ Лазаревъ и воспитанные имъ герои Севастополя, Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ, и др. умѣли развить въ матросахъ тѣ чувства чести и любви къ родинѣ, которыми сами были воодушевлены, и научили ихъ исполнять свои обязанности сознательно и съ полнымъ самоотверженіемъ.

Нѣкоторые факты, служащіе къ уясненію прежней военной дисциплины, я могу представить и изъ моей служебной практики въ гв. конной артилеріи. Въ 1850 году командиромъ 1-й батареи назначенъ былъ полковникъ Овсянниковъ на мѣсто полковника Кноринга, получившаго другое назначеніе. Овсянниковъ провелъ всю свою службу въ кадрахъ образцовой коп-

ной батарее: кадровые офицеры того времени резко отличались от строевых офицеров гв. конной артиллерии своимъ педантизмомъ, формализмомъ и жестокимъ обращеніемъ съ нижними чинами. Назначеніе Овсянникова командиромъ нашей батареи было весьма непріятно для офицеровъ; мы твердо рѣшились противодѣйствовать ему, еслибы онъ вздумалъ вводить у насъ солдатизмъ образцовой конной батареи. Овсянниковъ, хотя былъ изъ Бурбоповъ, но очень хорошо понималъ, что нравственная сила находилась не у него, а въ рукахъ офицеровъ, а потому думалъ склонить насъ къ своимъ взглядамъ на службу не начальническими приемами, а просьбами, деликатными намеками и увѣщаніями. Мѣры эти были бы хороши, еслибы самъ онъ пользовался нашимъ уваженіемъ; но въ виду того, что онъ не только имъ не пользовался, но мы даже смѣялись надъ нимъ, называя графомъ Овсовымъ, между нимъ и нами было немало столкновений. Въ лагерь 1850 года составъ нашей батареи значительно измѣнился: изъ старыхъ офицеровъ остались только я и Владиміръ Павловъ, прочіе же офицеры были большею частію прапорщики, только что начинавшіе службу. Овсянниковъ прежде всего хотѣлъ сблизиться со мной и Павловымъ и расточалъ намъ свои любезности, но мы отвѣчали ему холодной вѣжливостью и старались держать себя подалеже отъ него. Первое столкновеніе у Овсянникова было со мной. Въ фронтовомъ отненіи 1-я батарея, при Кнорингѣ, считалась одной изъ лучшихъ; все офицеры служили добросовѣстно; но у насъ практиковались нѣкоторыя отступленія отъ служебныхъ требованій, которыя, не принося вреда службѣ, доставляли нѣкоторыя удобства офицерамъ. Такъ напримѣръ, въ праздничные дни въ лагерь было принято, чтобы при батареѣ находился непременно одинъ офицеръ; но Кнорингъ не обращалъ вниманія, дежурный это офицеръ или другой. Овсянниковъ замѣтилъ, что дежурный офицеръ иногда уѣзжаетъ изъ батареи, и не могъ переварить этого безпорядка; узнавъ, что, будучи назначенъ дежурнымъ въ одно Воскресенье, я думаю ѣхать въ Царское Село, онъ пришелъ ко мнѣ въ то время когда лошади были уже готовы,

и я стоялъ у крыльца. „Я пришелъ васъ просить, сказалъ онъ, чтобы вы перевезли казенный ящикъ отъ моей квартиры къ вашей, такъ какъ я уѣзжаю въ Красное Село и желалъ бы, чтобы казенный ящикъ былъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ дежурнаго офицера“. — „Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, прикажите его поставить къ квартирѣ Павлова, такъ какъ я уѣзжаю сейчасъ въ Царское Село, и Павловъ остается, вмѣсто меня, дежурить“. „Это невозможно: дежурнымъ офицеромъ въ приказахъ по бригадѣ назначены вы, а не Павловъ“, горячо возразилъ Овсянниковъ. „Не знаю отчего вы считаете это невозможнымъ; но мнѣ пужно быть сегодня въ Царскомъ Селѣ, и я поѣду“. Съ этими словами я сѣлъ на дрожки и уѣхалъ. Страшно разсерженный Овсянниковъ отправился къ Павлову и, жалуюсь на меня, объяснилъ, что ему, главнымъ образомъ, не понравилась рѣзкость, съ которой я съ нимъ говорилъ; вмѣсто того, чтобы просить у него позволенія ѣхать въ Царское Село, я, не смотря на его замѣчаніе, сказалъ, что *поѣду*: въ этомъ онъ находилъ оскорбленіе его достоинства какъ начальника и нарушеніе военной дисциплины. Павловъ горячо вступился за меня и имѣлъ съ нимъ рѣзкое объясненіе, окончившееся тѣмъ, что Овсянниковъ пересталъ ловить дежурныхъ офицеровъ, когда они, въ дни своихъ дежурствъ, уѣзжали изъ батареи.

Другое столкновеніе съ Овсянниковымъ было на назначенной имъ репетиціи парада на военномъ полѣ. Въ то время орудійная прислуга конныхъ батарей, на церемоніальномъ маршѣ, строилась въ двѣ шеренги, какъ въ кавалеріи эскадроны: впереди ѣхали офицеры, а сзади шли орудія. При такомъ построеніи равеніе вполнѣ зависѣло отъ офицеровъ: если линія офицеровъ была вѣрна, то нижніе чины, обязанные идти на хвосту у офицеровъ, составляли также прямую линію. Проходя церемоніальнымъ маршемъ мимо Овсяникова, я не замѣтилъ, что на землѣ лежалъ солдатскій ранецъ, лошадь моя споткнулась, я ее невольно задержалъ и, такъ какъ я ѣхалъ на лѣвомъ флангѣ, то черезъ это весь лѣвый флангъ завалилъ.

Овсянниковъ разсердился, остановилъ батарею и вмѣсто того, чтобы распечь меня, такъ какъ я одинъ былъ виноватъ, онъ подскакалъ къ лѣвофланговому фейерверкеру и началъ его бить саблей. Такая несправедливость вывела меня изъ себя. Сказавъ громко Овсянникову, что я болѣнъ, я вложилъ саблю въ ножны и уѣхалъ отъ батареи. Овсянниковъ поспекалъ за мной и умолялъ меня вернуться; я вернулся, но предварительно высказалъ ему причину моего неудовольствія.

Съ Павловымъ у него была слѣдующая исторія. Три взвода батареи стояли въ Телези, гдѣ жили всѣ офицеры, а одинъ взводъ стоялъ въ деревнѣ Лемцелево, гдѣ находилась квартира Овсянникова. Между Телези и Лемцелево былъ небольшой лѣсъ, къ которому примыкала площадь, гдѣ помещался паркъ батареи. Овсянниковъ назначилъ конно-артилерійское ученіе на военномъ полѣ довольно рано, такъ что батарея должна была выступить изъ парка около 4-хъ часовъ утра. Къ назначенному часу всѣ офицеры кромѣ Павлова пріѣхали въ паркъ, орудія были запряжены; наконецъ, показался изъ Лемцелева Овсянниковъ. Вмѣсто того чтобы вести батарею не дожидаясь Павлова, онъ подъѣхалъ къ лѣсу и, увидавъ, что Павловъ ѣдетъ изъ Телези шагомъ, работая поводомъ свою лошадь, онъ крикнулъ ему: „Поручикъ Павловъ, извольте ѣхать рысью“. Но Павловъ не обратилъ никакого вниманія на слова Овсянникова и доѣхалъ до своего мѣста шагомъ. Когда батарея тронулась съ мѣста, Овсянниковъ подъѣхалъ къ Павлову и сказалъ ему начальническимъ тономъ: „отъ чего вы, поручикъ Павловъ, опоздали?“ Отъ того, отвѣчалъ Павловъ, что у меня пошла кровь носомъ, и я долженъ былъ употребить нѣкоторое время, чтобы унять ее. Перебранивъ тогда, Овсянниковъ продолжалъ: „а отчего вы, Владимиръ Николаевичъ, не поѣхали рысью, когда я вамъ кричалъ?“ Павловъ, не спавъ всю ночь, былъ въ желчномъ настроеніи духа. „Отъ того, Алексѣй Васильевичъ, сказалъ онъ, что я не хотѣлъ ѣхать рысью“. Овсянниковъ, не ожидавшій этого отвѣта, круго повернулъ лошадь и уѣхалъ отъ Павлова.

Описывая эти выходки офицеровъ 1-й батареи относительно Овсянникова, я долженъ сказать, что ничего подобнаго не было въ другихъ батареяхъ, по той причинѣ, что командиры другихъ батарей умѣли заставить себя уважать, вълѣдствіе чего отношенія къ нимъ офицеровъ регулировались этимъ уваженіемъ, а не военно-дисциплинарными требованіями.

Начальникъ гв. конной артиллеріи генералъ Шварцъ имѣлъ также столкновенія съ батарейными командирами. Самое крупное изъ нихъ было съ полковникомъ Левинымъ въ 1849 году. Левинъ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ присутствіи всѣхъ начальствующихъ лицъ, грозя пальцемъ, сказалъ Шварцу, что онъ подлецъ, какъ говорили одни, а по словамъ другихъ, Левинъ называлъ его не подлецомъ, а лжецомъ. О причинахъ этого столкновенія я буду еще говорить, а теперь скажу только, что Левинъ не былъ преданъ суду, а получилъ батарею на Кавказъ, гдѣ отличившись, былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора ранѣе своихъ гвардейскихъ товарищей.

Петербургскіе маскарады.—Анна С.—Назначеніе бригаднымъ адъютантомъ.

Петербургская жизнь нѣсколько разъединила товарищескій кружокъ, въ которомъ я жилъ въ Новгородѣ и лагерѣ; только съ Левинымъ и Хлюстинымъ я продолжалъ часто видаться, и въ казармахъ, и у нашихъ общихъ знакомыхъ, и въ маскарадахъ, до которыхъ мы всѣ трое были большіе охотники. Вслѣдствіе нашихъ дружескихъ отношеній насъ прозвали тремя мушкетерами: Левина называли Атосомъ, Хлюстина—Портосомъ, а меня Арамисомъ; названія эти были взяты изъ появившагося въ то время и надѣлавшаго много шума Французскаго романа: „Les trois Mousquetaires“. Многоя маски, подходя къ намъ въ маскарадахъ, называли насъ часто этими именами. Маскарады того времени и въ особенности тѣ, которые давались въ Дворянскомъ Собраніи, носили совершенно иной характеръ въ сравненіи съ нынѣшними. Ихъ очень любили и часто посѣщалъ императоръ Николаѣ Павловичъ, присутствіе котораго никого не стѣняло, такъ какъ онъ былъ всегда веселъ и велъ самые оживленные разговоры съ масками, его окружавшими и бывшими въ восторгѣ отъ его любезности и остроумія. Государь и большинство офицеровъ бывали въ маскарадахъ обыкновенно въ домно, то есть въ длинныхъ атласныхъ плащахъ, накинутыхъ на плеча; пошеніе въ маскарадахъ плащей или домно продолжалось два или три года, а затѣмъ оно было отмѣнено. Ольга С...., будучи живаго и бойкаго харак-

тера, перѣдко интриговала Государя: она ему по видимому нравилась, такъ какъ, оставляя ее руку передъ отѣздомъ изъ маскарада, дѣлъ у нея спрашивалъ обыкновенно, пріѣдетъ ли она въ слѣдующій маскарадъ. Первый разъ, какъ О. С.... ходила съ Государемъ, она ему сказала, что у нея есть просьба къ Его Величеству. Государь нахмурилъ брови и отвѣчалъ, что онъ никакихъ просьбъ въ маскарадахъ не принимаетъ: сдѣлавъ недовольную мишу, она вздохнула и замолчала; тогда Государь спросилъ, въ чемъ заключается ее просьба. Она самымъ наивнымъ образомъ отвѣчала, что онъ держитъ слишкомъ высоко руку, такъ что ей неловко съ нимъ ходить, а потому она проситъ ее отустить. Государь улыбнулся и исполнилъ ее просьбу. Въ маскарадахъ составлялись иногда свадьбы: такъ одна молодая особа была влюблена въ офицера Преображенскаго полка Пенхержевскаго и хотѣла выйти за него замужъ, но ее родители не соглашались; тогда она обратилась въ маскарадъ съ просьбой къ Государю устроить ей свадьбу. Государь принялъ въ ней участіе, и свадьба вскорѣ состоялась. Впоследствии Пенхержевскій умеръ, а вдова его вышла замужъ за графа Кушелева. Объ этихъ случаяхъ и многихъ другихъ, бывшихъ съ Государемъ въ маскарадахъ, много говорили въ то время.

Въ одномъ изъ маскарадовъ ко мнѣ подошла Ольга С..... и сказала, что пріѣхавшая изъ Москвы сестра ее мужа, большая пріятельница моей матери, Т....ва желаетъ меня видѣть и при этомъ дала ей адресъ. Я поѣхалъ къ Т....ой на другой же день. Встрѣтивъ очень любезно, она познакомила меня съ своей племянницей Анной С....ой, пріѣхавшей съ ней изъ Москвы. Анна С.....ва была высокая, стройная брюнетка, со смуглымъ лицомъ, выразительными черными глазами и съ обворожительной улыбкой; ее можно было бы назвать красавицей, если бы не ротъ ея, который былъ несколько великъ. При первомъ взглядѣ на Анну С....ву я былъ пораженъ сходствомъ ее глазъ съ глазами Ветси: мнѣ вѣдомилась моя первая любовь, я живо представилъ себѣ все пережитое и переживуемое, и въ мо-

ея сердце невольно пробудилась симпатія къ Аннѣ С.....ой. Т...ва была очень умная и добрая женщина; она цѣлюбила меня какъ сына; бывая у нея довольно часто, я чувствовалъ, что моя симпатія къ Аннѣ С.....ой растетъ; наконецъ, она обратилась въ самую горячую любовь съ тѣми же порывами ревности и съ тѣми же безразсудными выходками, которыми отличалась моя любовь къ Бетси. Но надобно сказать, что между Бетси и Анной С.....вой была огромная разница. Бетси только начинала жить; не имѣя опытности и не зная свѣта, она говорила то, что думаетъ и чувствуетъ; въ ней не было ни кокетства, ни тщеславія; ей нравились книги болѣе туалета и интимныя бесѣды болѣе балъныхъ усадебъ. Анна же С.....ва искушалась уже свѣтскими удовольствіями; она побила людей и умѣла заставить цѣнить ея достоинства; любила вышность и испытать въ жизни разочарованіе, она старалась жить болѣе умомъ, чѣмъ сердцемъ. Мнѣніе это объ Аннѣ С.....вой составилось во мнѣ гораздо позже моего перваго съ ней знакомства: въ то же время когда я ее полюбилъ, она мнѣ казалась совершенствомъ: я думалъ, что жить и не любить ее было невозможно. Слишкомъ долго было бы описывать подробно исторію моей любви, она была похожа на все подобныя исторіи; скажу только, что и въ настоящее время я не знаю, платила ли мнѣ Анна С...ва взаимностью. Я никогда не объяснялъ ей моей любви вѣдѣтвіе застѣчивости, а она никогда не говорила мнѣ о своей; но подчасъ она меня дарила такими привѣтливыми взглядами, что я считалъ себя счастливѣйшимъ изъ людей; а подчасъ мнѣ казалось, что она предпочитаетъ мнѣ одного офицера гвардейскаго конно-полицейскаго дивизіона К....., который былъ влюбленъ въ нее также какъ и я. Подъ вліяніемъ этой послѣдней мысли, ревность меня думала, и я рѣшался иногда прекратить съ Анной С.....ой знакомство; но проходилъ день-другой, и я снова вѣхалъ къ ея теткѣ и снова, при малѣйшемъ вниманіи ко мнѣ, думалъ видѣть любовь тамъ, гдѣ можетъ быть, ее не было. Въ такомъ положеніи дѣль прошла зима, въ теченіе которой я бывалъ также часто и у Ольги С.....

съ которой очень сдружился и которой ввѣрилъ тайну моей любви къ Аннѣ С.....ой. Черезъ Ольгу С.... я зналъ все что дѣлаетъ и гдѣ бываетъ Анна С....ва: но любила ли меня Анна С....ва, этого Ольга С..... не знала, хотя предполагала, что да. Наконецъ настѣнула весна: батарея, въ которой я служилъ, выступила въ лагерь въ самомъ началѣ мая. Т.....ва должна была ѣхать въ деревню съ своей племянницей въ июнѣ мѣсяцѣ съ тѣмъ, чтобы осенью вернуться въ Петербургъ. Поселившись въ лагерь, какъ и въ прошломъ году, вмѣстѣ съ Левинымъ и въ той же самой избѣ, мы проводили время бесѣдуя о нашихъ сердечныхъ дѣлахъ и ожидая съ нетерпѣніемъ праздничнаго дня, чтобы ѣхать въ Петербургъ и видѣться съ любимыми нами женщинами.

Въ одинъ изъ такихъ дней, лошади уже стояли у крыльца, какъ прѣхавшій съ почты псцарь подалъ мнѣ письмо. Взглянувъ на него, я узналъ почеркъ Т....ой и не безъ волненія сорвалъ печать. Т.....ва писала, что особыя неожиданныя обстоятельства заставили ее ѣхать въ Москву, не выдавшись со мной, что она очень о томъ сожалѣетъ, но надѣется, по возвращеніи въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, найти меня здоровымъ и веселымъ, какъ всегда. Въ концѣ письма была слѣдующая приписка: „моя племянница Annette просила передать вамъ ея некрепкій и вмѣстѣ съ тѣмъ прощальный поклонъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, она не прѣдетъ болѣе въ Петербургъ“. Письмо это меня поразило. Я просилъ разъясненія его у Ольги С..... и узналъ отъ нея слѣдующее. Т.....ва была несомнѣмъ довольна, что я ухаживаю за ея племянницей: находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ моею матерью, она ей сообщила о моей любви къ Аннѣ С.....ой и объяснила причины, по которымъ она не желала бы, чтобы я на ней женился. Моя мать, зная, что у Анны С....ой не было никакого состоянія, а у меня было весьма небольшое, пришла въ ужасъ при извѣстіи о моемъ желаніи жениться на Аннѣ С.....ой. Какая была дальнѣйшая переписка между моею матерью и Т....ою,

Ольга С.... не знала, но полагала, что впезанный отъездъ Т....ой въ Москву и увѣдомленіе ея, что Анна С....ва не пріѣдетъ болѣе въ Петербургъ, были послѣдствіемъ этой переписки.

Разсказъ Ольги С.... подѣйствовалъ на меня удручающимъ образомъ. Неужели, подумалъ я, долженъ я отказаться отъ любви, сулящей мнѣ счастье всей моей жизни и забыть женщину, только потому, что она бѣдна. Мысль эта меня возмутила. Если моя мать, сказалъ я себѣ, не можетъ дать мнѣ средства, нужныя для содержанія моей жены и будущаго семейства, долженъ я ихъ пріобрѣсти моимъ трудомъ; но какимъ трудомъ?... Тутъ въ первый разъ явилась во мнѣ мысль нескать эти средства въ службу. Я зналъ двухъ офицеровъ, которые женились на небогатыхъ дѣвушкахъ и которые, дослужившись до батарейныхъ командировъ, жили безбѣдно и очень счастливо. Отчего я не могу сдѣлать того же? задалъ я себѣ вопросъ и, отвѣтивъ на него утвердительно, рѣшился самымъ усерднымъ образомъ заняться службой, началъ изучать уставы и съ того времени сдѣлался добросовѣстнымъ исполнителемъ всѣхъ возлагаемыхъ на меня обязанностей. Мой батарейный командиръ полковникъ Кнорингъ, замѣтивъ пропущенную во мнѣ перемѣну, сказалъ мнѣ какъ-то откровенно, что, прослуживъ со мной около трехъ лѣтъ, онъ никакъ не думалъ, чтобы изъ меня могъ выйти хороній офицеръ, но что ему особенно пріятно сознаться, что онъ въ этомъ ошибался. Время въ лагерь въ этомъ году я проводить совершенно иначе, чѣмъ въ прошломъ году; сидя болѣею частію дома, я много читалъ и немало посвящалъ времени служебнымъ занятіямъ. Кнорингъ назначилъ меня завѣдывать батарейной лабораторіей: я съ особенной акуратностью приготовлялъ боевые заряды, и на смотрѣ Государя батарея стрѣляла отлично. Кнорингъ принеслъ удачную стрѣльбу мнѣ, хотя я долженъ сказать, что стрѣльба изъ бывшихъ въ то время орудій зависѣла болѣе отъ случайности, чѣмъ отъ хорошаго снаряженія зарядовъ. Батарейная батарея, состоявшая изъ 8

полупудовыхъ единороговъ и стрѣлявшая обыкновенно хуже всѣхъ, въ этомъ году также отличилась и поставлена была за стрѣльбу въ первомъ номерѣ; но этимъ отличіемъ она была обязана исключительно офицеру, завѣдывавшему лабораторіей, Рейнталю, который для увеличенія мѣткости стрѣльбы прибѣгалъ къ незаконнымъ средствамъ: онъ насыпалъ гранаты полныя пескомъ и увеличивалъ зарядъ; чрезъ это, конечно, полетъ снарядовъ былъ правильнѣе, но порча орудій и лафетовъ была весьма велика. Батарейной батареей командовалъ въ то время полковникъ Бревернъ (нынѣ генералъ-адъютантъ графъ Бревернъ-Де-Лагарди), который былъ очень доволенъ хорошей стрѣльбой и благодарилъ Рейнталя, въ честь котораго батарея сдѣлала обѣдъ.

По окончаніи лагеря и дослѣ травянаго довольствія, наша батарея пошла на зимнюю стоянку въ мызу Пеллу, гдѣ нашъ товарищескій кружокъ снова сплотился; но между нами не было уже Кельдермана, который, получивъ какое-то наследство, уѣхалъ въ отпускъ и тамъ умеръ. Несчастная была судьба этого человѣка: подвергая себя всю жизнь лишеніямъ, онъ умеръ въ то время, когда счастье ему улыбнулось, и лишенія эти должны были прекратиться.

Жизнь въ Пеллѣ была довольно однообразна, но я не скучалъ: у меня была цѣль въ жизни, къ которой я стремился, была надежда, что я достигну этой цѣли. Порой я былъ даже очень веселъ: меня забавляли нѣкоторые выходки Павлова и Штакельберга съ однимъ изъ нашихъ товарищей, который боялся въ темнотѣ ходить одинъ и котораго они постоянно пугали. Въ видахъ экономіи я бывалъ рѣдко въ Петербургѣ, а если иногда ѣздилъ, то проводилъ время исключительно у Ольги С....., съ которой сдружился болѣе, чѣмъ когда нибудь. Деньги я копилъ, чтобы поѣхать въ Москву и тамъ окончательно разъяснить мое положеніе относительно Анны С—ой. Долго я ждалъ желаннаго дня отъѣзда; наконецъ, онъ насталъ,

я получилъ отпускъ и въ февралѣ или въ мартѣ 1817 года былъ уже въ Москвѣ. Первое мое свиданіе съ Анной С—ой было въ церкви Іерусалимскаго подворья, напротивъ которой она жила, и затѣмъ я ее видѣлъ на вечерѣ у Пукаловой. Она была очень мила и любезна, но увы! всему бываетъ конецъ; насталъ конецъ и второму роману въ моей жизни: Анна С—ва была не вѣстой Гончарова, брата Пушкиной. Гончаровъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ прелестный женихъ; умъ, образованіе, благородное сердце и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошее состояніе и прекрасная паружность, все соединилось въ немъ, чтобы прельстить Анну С—ву. Она сдѣлалась его женой и въ то же время матерью его дѣтей, которыхъ у него было отъ перваго брака шесть или семь. Съ замужествомъ С—ой рушилась цѣль, къ которой я стремился, и исчезла надежда на счастье; нелегко мнѣ было перенести этотъ ударъ! Вернувшись въ Петербургъ съ разбитымъ сердцемъ и гнетущею тоской, я сталъ избѣгать общества, чувствуя себя въ немъ лишнимъ и рѣшивъ посвятить мое время серьезнымъ занятіямъ. Наиболѣе меня интересовавшими были философскіе вопросы. Купивъ случайно у букиниста сочиненія Спинозы, я ихъ читалъ съ особеннымъ удовольствіемъ; затѣмъ я вскорѣ приобрѣлъ сочиненія Вольтера, Декарта, Канта, Лейбница и Жанъ-Жака Руссо. Изъ Жанъ-Жака Руссо мнѣ болѣе всего понравился *Эмилъ*, который мнѣ указалъ, какое важное значеніе имѣетъ воспитаніе въ жизни человѣка; заинтересовавшись воспитательными вопросами, я прочелъ: „*Le perfectionnement moral ou l'éducation de soi-même par Dégérendo*“ „*L'éducation des mères de famille par Aimé Martin*“ и много другихъ подобныхъ книгъ. На Русскомъ языкѣ въ то время не было книгъ философскаго содержанія, кромѣ развѣ Кизеветтера, который читался въ семинаріяхъ въ классахъ философіи. Мнѣ приходилось читать Французскія изданія, которыя трудно было достать, такъ какъ многія изъ нихъ были запрещены, какъ напримѣръ Спиноза и Вольтеръ. И также немало прочелъ и христіанскихъ философовъ, какъ Боссюета, Фенелона, Жерюзе и долженъ сознаться, что масса книгъ.

которыя я перечиталъ въ теченіе двухъ дѣтъ, произвела на меня самое успокоивающее дѣйствіе. Мнѣ приходилось иногда просиживать цѣлыя ночи, заставляя работать свой умъ надъ тѣмъ, что я прочелъ, и въ это время забывались все горечи жизни. Небезинтересно также было прочтенное мной сочиненіе неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: *Le triomphe de l'Évangile*, въ которомъ изложены были мысли одного посаженного въ тюрьму Пенанца во время террора во Франціи; ожидая каждый день казни, онъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и остался живъ только отъ того, что случайно былъ пропущенъ въ спискахъ. Сочиненіе это выдержало въ то время до 20-ти изданій и было переведено на все языки и въ томъ числѣ и на Русскій.

Посвящая мое время чтенію, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжалъ заниматься службой и невольно принималъ къ сердцу, если бывали какія-либо служебныя неудачи. Такъ напримѣръ, во время репетиціи ординарческой фзды, которую производилъ великій князь Михаилъ Павловичъ, у меня выскочилъ изъ каски султанъ и упалъ къ ногамъ Его Высочества. Надобно сказать, что каски были даны войскамъ по желанію императора Николая Павловича, но Великому Князю онѣ не нравились. Когда онъ дѣлалъ репетицію ординарцамъ, войска донашивали еще кивера; ординарцамъ же волѣно было надѣть каски; моя каска была сдѣлана въ лучшемъ, въ то время, магазинѣ офицерскихъ вещей Скосырева, я ее надѣлъ въ первый разъ и, когда выскочилъ изъ нея султанъ, я былъ увѣренъ, что Великій Князь отправитъ меня на гауптвахту, что меня не огорчило бы годъ тому назадъ, но въ то время, о которомъ говорю, мнѣ очень было бы прискорбно подвергнуться взысканію, котораго я не заслужилъ. Къ удовольствію моему, ни Великій Князь, никто изъ начальниковъ ни слова мнѣ не сказалъ объ упавшемъ султанѣ; оказалось, какъ мнѣ говорили потомъ, что Великому Князю было даже пріятно, что нелюбимый имъ головной уборъ оскандаленъ въ его присутствіи; говорили, что Великій Князь

соотрился даже по поводу касокъ. Въ каскахъ перваго образца дѣлались два отверстія въ шишакѣ, на который надѣвался султанъ; при быстромъ движеніи во время верховой ѣзды, въ эти отверстія проходилъ воздухъ и производилъ свистъ. Въ первый разъ, какъ Великій Князь услыхалъ этотъ свистъ, онъ обратился къ своей свитѣ и сказалъ съ улыбкой, что „каска сами себя освистали“.

Въ половинѣ лагеря 1847 года я былъ назначенъ адъютантомъ гвардейской конной артиллеріи. Назначеніе это было мнѣ пріятно, служба доказательствомъ хорошаго мнѣнія, которое имѣло обо мнѣ начальство.

VI.

1847-й годъ.—Холера въ Петербургѣ.—Выступление Гвардейскаго корпуса изъ Петербурга въ май 1849 года.—Возвращеніе.—Исторія Левина съ Шварцемъ.—Sophie.—Княгиня Шина.—Мое назначеніе въ Севастополь въ распоряженіе Князя Меншикова.

Вступивъ въ отпращиваніе должности адъютанта, я понималъ, что мнѣ нелегко будетъ служить съ бывшимъ въ то время начальникомъ гв. конной артиллеріи генераль-маіоромъ Шварцемъ, котораго не любили офицеры, не любили и батареинные командиры за его желчность и за его подчасъ несправедливость; но я рѣшился на его желчность отвѣчать хладнокровіемъ, а съ его несправедливостью бороться законными средствами; мнѣ казалось, что я не только долженъ быть посредникомъ между нимъ и офицерами, но и защитникомъ правъ и интересовъ этихъ послѣднихъ. Сознаюсъ, что при моемъ эжальтированномъ характерѣ, я. можетъ быть, преувеличивалъ значеніе адъютантской должности; но тѣмъ не менѣе, направляя мою дѣятельность согласно моихъ тогдашнихъ убѣжденій, я успѣлъ заслужить симпатію моихъ товарищей и вѣжливое, хотя и холодное отношеніе ко мнѣ Шварца. Я зналъ, что Шварцъ меня не любилъ; но въ теченіе всей моей службы адъютантомъ, письменная часть была въ полной несправности, что было неоднократно засвидѣтельствовано начальниками, производившими инспекторскіе смотры и что зналъ самъ Шварцъ, который не разъ приходилъ въ канцелярію и рылся въ журналахъ и бумагахъ, желая найти какую нибудь несправность, но найти ее не могъ.

Векорѣ по назначеніи меня адъютантомъ былъ случай, уяснившій мнѣ характеръ Шварца и заставившій меня въ своихъ служебныхъ отношеніяхъ съ нимъ руководствоваться крайнею осторожностью. Обѣзжая военное поле, генераль Шварцъ замѣтилъ, что, во время стрѣльбы боевыми зарядами, цѣль отъ пѣшей артилеріи ушла ранѣе ея смѣны цѣлью отъ конной артилеріи. Вознегодовавъ на такой безпорядокъ, онъ приказалъ мнѣ сообщить о немъ въ дежурство гвардейской артилеріи и просить, чтобы на будущее время пѣшая артилерія исполняла въ точности существующія правила. На эту записку полученъ былъ весьма рѣзкій отвѣтъ, въ которомъ указано было, что не пѣшая артилерія произвела безпорядокъ, а конная артилерія, которая выслала свою цѣль двумя часами позже, чѣмъ назначено было въ приказахъ; а потому начальникъ артилеріи предложилъ генералу Шварцу строго слѣдить, чтобы на будущее время подобныя безпорядки не повторялись. Прочитавъ этотъ отвѣтъ, Шварцъ потребовалъ черновую записку, которую я написалъ въ дежурство артилеріи. По прочтеніи этой записки, онъ мнѣ сказалъ, что я перенуталъ, что онъ мнѣ никогда не говорилъ писать то, что мной было написано. Хотя я былъ вполнѣ увѣренъ, что я почти дословно передалъ его слова, но, не имѣя никакихъ доказательствъ, такъ какъ онъ мнѣ говорилъ безъ свидѣтелей, я долженъ былъ молчать. Этотъ случай послужилъ мнѣ предостереженіемъ для будущаго, которое не замедлило представиться. Въ то время, о которомъ я говорю, образцовая конная батарея представляла ежегодно на смотръ Государя Императора команды нижнихъ чиновъ, отбывающихъ въ армію. Изъ командъ этихъ составлялся дивизионъ, то-есть четыре орудія, которыхъ Государь смотрѣлъ въ Царскомъ Селѣ въ манежѣ. Манежъ былъ такъ малъ, что маневрированіе въ немъ четырехъ орудій сопряжено было съ большими трудностями: всѣ построенія дѣлались на карьерѣ, причемъ помѣщеніе было такъ рассчитано, что еслибы ящичный ѣздовой, управлявшій тремя лошадьми, ошибся при заѣздахъ на одинъ вершокъ, то несчастіе съ людьми было бы неминуемо: требова-

лись также большая ловкость и снаровка отъ уносныхъ фейерверкеровъ. Вообще смотръ этотъ походилъ болѣе на представленіе въ циркѣ, чѣмъ на строевое ученіе; иностранцы, видившіе его, удивлялись той высокой степени, на которой у насъ стояло фронтовое образованіе нижнихъ чиновъ. Послѣ смотра Государь Императоръ назначалъ обыкновенно весьма щедро денежныя награды всѣмъ бывшимъ въ строю нижнимъ чинамъ; наибольшія награды получали фейерверкеры (отъ 7 до 10 рублей) и ѣздовые (отъ 4 до 6 рублей); какъ фейерверкеры, такъ и ѣздовые принадлежали къ кадру батареи. Послѣ смотра, бывшаго въ октябрѣ мѣсяцѣ 1847 года, была, по обыкновенію, представлена строевая записка въ штабъ гвардейскаго корпуса, на основаніи которой назначены награды. Генералъ Шварцъ, находя несправедливымъ, что награды получаютъ только бывшіе на смотрѣ фейерверкеры и ѣздовые, между тѣмъ какъ кадровые нижніе чины (не бывшіе на смотрѣ только потому, что въ строю находилось не 8 орудій, а 4, но не менѣе ихъ достойные) ничего не получаютъ, приказалъ мнѣ просить дежурство гвардейской артилеріи, по докладу начальнику артилеріи, разрѣшить выдать наградныя деньги всѣмъ кадровымъ нижнимъ чинамъ, предоставивъ батареѣному командиру раздѣлить ихъ по его усмотрѣнію. Должность начальника гвардейской артилеріи, за отсутствіемъ Сумарокова, исправлялъ въ то время командиръ 2-й гвардейской артилерійской бригады Мерхселевичъ, который не любилъ Шварца. Когда была ему доложена моя записка, онъ приказалъ отвѣчать, что, не считая себя въ правѣ измѣнять высочайшія повелѣнія, онъ удивляется, какъ генералъ Шварцъ не знаетъ, что воля Государя Императора должна быть исполняема въ точности и безпрекословно. Получивъ этотъ непріятный отвѣтъ и опасаясь, чтобы генералъ Шварцъ вновь не обвинилъ меня въ томъ, что написано было не такъ, какъ онъ приказалъ, я пошелъ къ нему и просилъ прочитатъ мою записку; прочитавъ ее и не измѣнивъ ни одного слова, онъ приказалъ ее тотчасъ же отправить въ дежурство артилеріи. Тогда я ему объявилъ, что она уже была въ дежурствѣ, и на нес

полученъ отвѣтъ, который я ему и показалъ. Покраснѣвъ до ушей, онъ язвительно улыбнулся и пробормоталъ себѣ подъ носъ что-то неслестное для Мерхелевича.

Наступилъ 1848 годъ. Хотя политикой никто изъ офицеровъ не занимался и газетъ не читалъ, да и газетъ-то частныхъ была только одна *Съверная Пчела*, но тѣмъ не менѣе революція, вспыхнувшая во Франціи и въ Италіи, а затѣмъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, невольно заинтересовала военное сословіе, обѣщая скорую войну. Къ тому же, все это взятое вмѣстѣ возбуждало много толковъ: говорили и о вѣншней войнѣ, и о внутреннихъ безпорядкахъ; а въ Москвѣ прошелъ даже слухъ, что родился Антихристъ и что скоро должно быть свѣтопреставленіе. Я лично продолжалъ читать моихъ философовъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ войны: для меня было безразлично, съ кѣмъ бы она ни была: я желалъ войны не ради какихъ-либо политическихъ цѣлей, а исключительно изъ желанія испытать новыя невѣдомыя мнѣ ощущенія. Наконецъ, война открылась за Австрію противъ Венгріи. Войны этой никто не ожидалъ, она была весьма не популярна вѣдствіе нерасположенія и непріязни Русской арміи къ Австрійской. Разсказывали, что когда окончилась война и когда предположено было выбить медаль съ надписью: „съ нами Богъ“, для раздачи Русскимъ войскамъ, возникъ вопросъ: какую сдѣлать надпись на медаляхъ, назначаемыхъ для раздачи Австрійской арміи? Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, славившійся своими остротами, совѣтовалъ написать: „Богъ съ вами“.

Зимой 1848 года въ Петербургѣ началась холера и продолжалась все лѣто. Приказомъ по гвардейскому корпусу приказано было всѣмъ полкамъ и артилерійскимъ бригадамъ немедленно доносить прямо Государю о каждомъ заболѣвшемъ холерой офицерѣ и нижнемъ чинѣ. Рапорты Государю, по устано-

вленной формѣ, должны были начинаться: „имѣю счастіе до-
нести“; такая форма была болѣе чѣмъ неудобна въ донесеніяхъ
о заболѣвшихъ холерой. Помню, что когда Государь пріѣхалъ
на пожаръ въ кавалергардскихъ казармахъ и когда дежурный
по полку офицеръ отапортовалъ ему по принятому порядку,
что дежурство состоитъ благополучно, Его Величество, ука-
завъ на огонь, назвалъ его дуракомъ. Въ родѣ того же могло
случиться, еслибы въ рапортѣ Шварца Государю было напи-
сано: *«имѣю счастіе донести, что такой-то заболѣлъ холерой»*.
Чтобы заблаговременно, до появленія холерныхъ больныхъ,
разъяснить это дѣло, я и нѣкоторые другіе полковые адъютан-
ты обратились къ бывшему въ то время начальнику штаба гвар-
дейскаго корпуса генераль-адъютанту Витовтову съ просьбой
дать намъ указанія, какъ должно въ этомъ случаѣ писать ра-
порты Государю. Витовтовъ не далъ намъ тотчасъ отвѣта, но
черезъ нѣсколько дней отданъ былъ приказъ, что въ донесе-
ніяхъ Государю о несчастныхъ случаяхъ слѣдуетъ писать: „Вес-
подданнѣйше доношу“, а великому князю Михаилу Павловичу:
„Веспреданнѣйше доношу“. Холерныхъ случаевъ въ гв. кон-
ной артилеріи зимой было очень мало, въ лагерѣ ихъ было
больше; но съ ужасной силой разразилась холера въ 1-й бата-
реѣ на другой день по выступленіи ея изъ лагеря: въ одну
ночь заболѣло около 30 человѣкъ, и нѣкоторые изъ нихъ въ
ту же ночь умерли. Докторъ Волховской, бывшій при батарее,
такъ струенлъ, что скрылся изъ батареи неизвѣстно куда; офи-
церы всю ночь не спали, подавая вмѣстѣ съ фельдшеромъ по-
мощь больнымъ; наибольшую энергію выказалъ Левинъ, кото-
рый за отсутствіемъ Кноринга командовалъ батареей.

Въ лагерѣ я жилъ въ Красномъ Селѣ близъ церкви и ви-
дѣлъ ежедневно до 20 похоронныхъ процессій, которыя про-
ходили мимо моихъ оконъ; видъ этихъ процессій не произво-
дилъ на меня никакого впечатлѣнія, такъ какъ холеры я не
боялся: въ саду моего хозяина было много малины и клубники,

которыхъ онъ самъ не ѣлъ, вслѣдствіе запрета докторовъ, а предоставилъ ихъ въ полное мое распоряженіе; я и пріѣзжавшіе ко мнѣ товарищи пользовались его позволеніемъ и ѣли фрукты болѣе чѣмъ когда-нибудь. Изъ офицеровъ нашихъ одинъ только, на лѣто прикомандированный къ конной артилеріи, Новиковъ такъ боялся холеры, что питался почти однимъ бульономъ, и у него одного была холера; всѣмъ же другимъ офицерамъ холера нисколько не мѣшала проводить время очень пріятно. Большинство изъ нихъ уѣзжали по праздникамъ въ Петербургъ, гдѣ холера была очень сильна: заболѣвало въ день до 1000 человекъ, изъ которыхъ выздоравливавшихъ бывало немного. Цѣна на дроги такъ возвысилась, что генераль-губернаторъ установилъ такеу по 3 рубля за каждыя похороны, но чтобы получить дроги по таксѣ, нужно было ждать нѣсколько дней; тѣ же лица, которыя не хотѣли долго держать покойника въ квартирѣ, вынуждены были платить вдвое и втрое дороже. Поѣхавъ въ Петербургъ во время самой сильной холеры, я былъ пораженъ унылымъ видомъ города: отъ Петергофской заставы до моей квартиры, въ казармахъ гв. конной артилеріи, близъ Преображенскаго плаца, я встрѣтилъ около 15 похоронъ и ни одной кареты. Но, отправившись вечеромъ на острова, я замѣтилъ тамъ то же движеніе и оживленіе, какъ всегда: вездѣ гремѣла музыка; на Крестовскомъ островѣ пѣли Цыгане и кутили молодые купчики, а на минеральныхъ водахъ въ Новой Деревнѣ была масса народа и шли обыкновенныя представленія разныхъ фокусниковъ и гимнастовъ; всѣ, какъ будто, снѣшныи веселиться до прихода непрощенной гостыи. Служба въ лагерѣ была весьма легкая, ученія продолжались недолго, большихъ маневровъ вовсе не было; нѣкоторые офицеры, не любившіе службы, говорили даже, что они были довольны холерой, такъ какъ она давала имъ возможность часто уѣзжать изъ лагеря на дачи.

Служа строевымъ офицеромъ въ 1-й батареѣ, я могъ коротко ознакомиться и сблизиться только съ товарищами, слу-

жившими въ одной со мной батарее; офицеровъ же другихъ батарей я видалъ рѣдко, а потому не могъ ихъ знать хорошо. Сдѣлавшись же адъютантомъ гв. конной артилеріи, я вступилъ невольпо въ сношенія съ офицерами всѣхъ батарей и имѣлъ возможность оцѣнить нравственные качества весьма многихъ изъ тѣхъ, которыхъ прежде почти не зналъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ я могу указать на Апостола Спиридоновича Костанду, который былъ очень любимъ Сумароковымъ, бывшимъ начальникомъ гв. артилеріи. Близость Костанды къ начальству, котораго я всегда сторонился, боясь, изъ неумѣтнаго самолюбія, быть заподозрѣннымъ въ угодливости, была причиною, что я рѣдко видался съ Костандой; но когда я его узналъ коротко и былъ свидѣтелемъ его благороднаго поступка въ исторіи Левина, то убѣдился, что если найдутся, можетъ быть, люди равные ему по благородству чувствъ, но людей лучше его нѣтъ. Затѣмъ я сдружился съ Рейнгольдомъ Петровичемъ Рейнталемъ, Николаемъ Семеновичемъ Корсаковымъ и Николаемъ Павловичемъ Эйлеромъ, душевные качества которыхъ внушили мнѣ глубокое къ нимъ уваженіе. Были и еще нѣкоторые изъ моихъ товарищей, съ которыми я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ; но объ этихъ послѣднихъ я умолчу, въ виду того, что дальнѣйшая ихъ дѣятельность показала мнѣ, что или они перемѣнились, или я въ нихъ ошибался.

Черта моего характера, претившая мнѣ сближеніе съ начальствомъ, была причиною одного курьезнаго тоста, предложеннаго генераломъ Милюковымъ на обѣдѣ, который ему давали офицеры конной артилеріи, по случаю его производства въ генераль-лейтенанты и оставленія имъ должности начальника гв. конной артилеріи. Это было въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ; я былъ въ то время полковникомъ и состоялъ по особымъ порученіямъ при Артилерійскомъ Департаментѣ. Послѣ нѣсколькихъ тостовъ и епичей, произнесенныхъ на этомъ обѣдѣ съ восхваленіями Милюкову, разговоры оживились, на-

чали придумывать разные тосты. Миллюковъ, въ свою очередь, всталъ и обратился къ присутствующимъ съ слѣдующей рѣчью: „Вы были такъ добры, господа, указали въ вашихъ спискахъ на многія мои качества и даже на такія, которыхъ я въ себѣ не подозрѣвалъ; но вы забыли одно изъ нихъ, о которомъ позволю себѣ вамъ напомнить: противъ меня сидитъ нашъ сослуживецъ Щербачевъ, который въ теченіе всей своей службы постоянно бранился съ начальствомъ, со мной же никогда!“ Всѣ разсмѣялись. Я ему отвѣчалъ, что съ хорошими начальниками я никогда не ссорился и въ примѣръ привелъ рядомъ съ нимъ сидѣвшаго вице-директора Артилерійскаго Департамента генераль-маіора Соловцова, бывшаго въ то время моимъ начальникомъ. Соловцовъ на это замѣтилъ, что ему трудно было со мной ссориться, такъ какъ онъ меня видитъ всего второй разъ, послѣ того какъ я поступилъ на службу въ Департаментъ.

Всю зиму съ 1848 года на 1849 г. я провелъ, сидя по утрамъ въ канцеляріи или въ кругу моихъ товарищей, заходившихъ ко мнѣ послѣ ученій, а по вечерамъ читая моихъ любимыхъ философовъ. Наконецъ, открылась Венгерская кампанія, и стали поговаривать, что двинуть гвардейскій корпусъ къ западнымъ предѣламъ Имперіи. Большинство офицеровъ радовалось предстоящему походу; но были и такіе, которые подумывали какъ бы уклониться отъ него; я былъ въ числѣ первыхъ и съ особеннымъ усердіемъ занимался всѣми приготовленіями къ походу. Великимъ постомъ была наконецъ объявлена мобилизація, то есть поручено было батареиннымъ командирамъ купить лошадей для обозовъ. Въ это время Левинъ былъ уже командиромъ 2-й легкой батареи; не зная толка въ лошадяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не желая подвергаться нареканіямъ, что онъ оставилъ у себя въ карманѣ часть отпущенной на покупку лошадей суммы, онъ просилъ Шварца поручить покупку лошадей для 2-й батареи офицеру образцовой конной батареи Цеймерну. Шварцъ исполнилъ его просьбу, и Левинъ не только не сдѣлалъ на ку-

пленныхъ лошадяхъ ни малѣйшей экономіи, какъ это сдѣлали другіе батарейные командиры, но къ отпущенной суммѣ приложилъ даже свои деньги. Шварцъ это зналъ, но не взлюбивъ Левина за его прямой и несдержанный характеръ, онъ сдѣлалъ, при осмотрѣ лошадей 2-й батареи, много замѣчаній и намекнулъ, что лошади не стоили тѣхъ денегъ, которыя были отпущены на ихъ покупку. Эта безтактная выходка послужила первымъ поводомъ къ возбужденію въ Левинѣ ненависти и вражды къ Шварцу; при самолюбивомъ же, горячемъ и въ высшей степени благородномъ характерѣ Левина, можно было съ увѣренностью сказать, что зароненная искра ненависти къ Шварцу въ сердцѣ Левина не только не потухнетъ, но разгорится и дастъ сильное пламя, что въ дѣйствительности и случилось.

Выступленіе гвардейскаго корпуса въ походъ началось еше-
лонами въ самомъ началѣ мая 1849 года. Ежедневно выступалъ ешелонъ, состоявшій изъ одного полка или изъ двухъ и трехъ батарей. Великій князь Михаилъ Павловичъ выѣзжалъ обыкновенно къ заставѣ и пропускалъ мимо себя выступавшіе ешелоны съ ихъ обозами; денщикамъ и лакеямъ офицеровъ приказано было идти въ двѣ шеренги позади обозовъ. Первый выступившій въ походъ Семеновскій полкъ Великій Князь сильно распекъ за то, что денщики и лакеи не только прошли не въ ногу мимо него, но нѣкоторые сняли фуражки и раскланялись съ нимъ. На другой же день по выступленіи этого полка, Шварцъ отдалъ приказъ, чтобы денщики и лакеи ежедневно по утрамъ собирались въ манежъ и обучались маршировкѣ. Распоряженіе это вызвало неудовольствіе многихъ офицеровъ, имѣвшихъ только одну прислугу: имъ приходилось оставаться по утру безъ чая и съ невыметенными полами, а подчасъ и съ невычищенными сапогами и платьемъ. Съ однимъ офицеромъ 2-й легкой батареи Рейнталемъ былъ такой случай. Назначенный идти квартирмейстеромъ, онъ спѣшилъ укладывать свои вещи и послать лакея Ивца купить въ лавочкѣ веревку. Лакей побѣжалъ и

забывши надѣль денщичью фуражку, между тѣмъ какъ платье его было штатское. Къ несчастію, въ то время какъ онъ вышелъ изъ подъѣзда, ѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ; увидавъ его, онъ остановился, подозвалъ къ себѣ и узналъ, что онъ лакей Рейнталя. Не прошло двухъ или трехъ часовъ послѣ этой встрѣчи, какъ я получилъ изъ штаба гвардейскаго корпуса конвертъ съ припечатаннымъ къ нему перомъ, что означало наипужбѣйшую бумагу, въ которомъ было объяснено, что Великій Князь встрѣтилъ лакея Рейнталя, одѣтаго не по формѣ, за что Его Высочество приказалъ немедленно посадить Рейнталя на одинъ день на гауптвахту, а съ лакея взыскать по усмотрѣнію генерала Шварца. Когда я доложилъ объ этомъ Шварцу, онъ приказалъ мнѣ тотчасъ же отвести Рейнталя подъ арестъ, а лакея велѣлъ выѣчь розгами на другой день поутру, въ присутствіи всѣхъ денщиковъ и офицерскихъ лакеевъ, которыхъ собрать для этого въ мажежѣ. Я объяснилъ Шварцу, что лакей Рейнталя—Нѣмецъ; на это онъ сказалъ: „тѣмъ лучше, пусть Нѣмецъ попробуетъ Русскихъ розогъ“. Нечего говорить, что Рейнталь былъ поставленъ въ весьма непріятное положеніе; уѣзжая изъ Петербурга на неопредѣленное время, онъ не имѣлъ возможности распорядиться своими дѣлами, такъ какъ прямо съ гауптвахты долженъ былъ на другой день выступить въ походъ съ квартирьерами.

Весь походъ, я и Барановъ (казначей гв. конной артилеріи) ѣхали съ Шварцемъ въ его коляскѣ; канцелярія же и наши вещи, а также и верховыя лошади шли въ бригадномъ обозѣ, которымъ завѣдывалъ берейторъ гв. конной артилеріи Михайловъ. По выступленіи изъ Петербурга Шварцъ находился при эшелонѣ, въ которомъ были гвардейскій конно-піонерный дивизионъ и 2-я легкая батарея подъ командой Левина. Квартирьеры 2-й батареи отводили намъ квартиры, и въ то время какъ батарея дѣлала переходъ верхомъ, мы съ Шварцемъ переѣзжали въ коляскѣ съ одной станціи на другую. Въ большихъ

же городахъ, какъ Дерптъ, Рига, Шварцъ останавливался на болѣе или менѣе продолжительное время, и затѣмъ мы догоняли нашъ ешелонъ на почтовыхъ лошадяхъ. Слѣдованіе Шварца при 2-й батарее было чрезвычайно непріятно Левину, что онъ и старался всячески ему выразить. Хотя я былъ очень друженъ съ Левинымъ, но по чувству справедливости я долженъ сказать, что нѣкоторыя выходки Левина относительно Шварца были болѣе чѣмъ неумѣстны; укажу на слѣдующія двѣ. Обозъ Шварца, въ которомъ были его верховыя и упряжныя лошади, шелъ съ обозомъ 2-й батареи; когда понадобилось ковать лошадей Шварца, Михайловъ, ими завѣдывавшій, послалъ за кузнецомъ 2-й батареи; кузнецъ лошадей подковалъ, но платы за ковку не получилъ. Когда Левинъ узналъ объ этомъ, онъ приказалъ ковать лошадей Шварца не иначе, какъ по полученіи платы за ковку впередъ. Берейторъ Михайловъ страшно боялся Шварца; когда кузнецъ объявилъ ему о распоряженіи Левина, онъ пришелъ ко мнѣ и умолялъ меня уладить это дѣло, говоря, что за двѣ подковы онъ отдалъ уже свои деньги, но Шварцу не смѣетъ объ этомъ доложить. По просьбѣ моей, Левинъ согласился отмѣнить данное имъ приказаніе, но не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы я сказалъ Шварцу, что онъ, наравнѣ съ другими офицерами, обязанъ платить батарейнымъ кузнецамъ за ковку его лошадей. Я обѣщалъ исполнить требованіе Левина; но вопросъ былъ такъ щекотливъ, что я не зналъ, какъ затронуть его, говоря съ Шварцемъ. Я рѣшился поступить такимъ образомъ: написавъ счетъ отъ имени кузнеца за ковку его лошадей и включивъ въ тотъ же счетъ и ковку моей лошади, я представилъ его Шварцу съ удостовѣреніемъ Михайлова, что счетъ вѣренъ и, сказавъ ему, что за ковку моей лошади я уже уплатилъ, просилъ указать, къ кому я долженъ препроводить счетъ для уплаты за ковку его лошадей? Онъ посмотрѣлъ на меня очень сердито и велѣлъ передать счетъ казначею, что я и сдѣлалъ, написавъ при этомъ форменную записку, что генералъ Шварцъ приказалъ уплатить слѣдующія по этому счету деньги.—Другая выходка Левина заключалась

въ томъ, что на одномъ изъ переходовъ было только двѣ офицерскія квартиры; одну квартиру, состоявшую изъ двухъ комнатъ, заняли Шварцъ и я съ Барановымъ, а другая квартира, состоявшая изъ одной комнаты, была отведена Левину и всѣмъ офицерамъ батареи. Такое тѣсное помѣщеніе чрезвычайно разсердило Левина; онъ явился къ Шварцу и, объяснивъ ему, что онъ отнимаетъ квартиру у батареи, горячо доказывалъ, что было бы лучше и для него, и для батареи, если бы онъ и штабъ его уѣхали куда-нибудь подальше. Шварцъ отвѣчалъ сдержанно, и черезъ два дня мы уѣхали въ Дерптъ, гдѣ прожили двѣ недѣли. Въ теченіе этого времени черезъ городъ прошла 2-я батарея, и одинъ изъ ея офицеровъ кн. В. былъ обокраденъ, какъ я уже говорилъ. Узнавъ эту исторію, Шварцъ, въ разговорѣ со мной, хотѣлъ сложить всю вину на кн. В. и на Левина; но будучи друженъ съ обоими этими офицерами и зная ихъ за благороднѣйшихъ людей, я далъ сильный отпоръ Шварцу, сказавъ, между прочимъ, что честь ихъ, въ безупречности которой я увѣренъ, мнѣ также дорога, какъ моя собственная и что я готовъ защищать ее также, какъ свою. Хотя Шварцъ зналъ и прежде, что я былъ друженъ съ Левинымъ и вѣдѣствіе этого ко мнѣ не благоволилъ, но разговоръ этотъ сдѣлалъ его окончательно моимъ врагомъ. Весь походъ, который продолжался около полугода, я и Барановъ постоянно обѣдали у Шварца, ѣхали въ одномъ экипажѣ съ нимъ и перѣдко по вечерамъ шли у него чай; но, не смотря на это, я не только не сблизился съ нимъ, но напротивъ отдалился отъ него.

Не зная, когда вернется гвардейскій корпусъ въ Петербургъ, большинство офицеровъ взяло съ собою довольно большія суммы денегъ, вѣдѣствіе чего, въ каждомъ городѣ, черезъ который проходили войска, были страшные кутежи. Говорили, что въ Ригѣ гвардейскіе офицеры выпили такое количество шампанскаго, какое прежде расходовалось въ теченіи цѣлаго года; немалый доходъ доставили офицеры и разнымъ увеселитель-

нымъ заведеніямъ. Хотя я и Барановъ были скромные люди, но и мы, живя въ Ригѣ, заразились общимъ стремленіемъ къ кутежамъ и возвращались иногда домой только утромъ, въ то время когда инсари ендѣли уже за работой, а Шварцъ пилъ утренній чай. Изъ Риги мы поѣхали съ Шварцемъ въ Вильну, гдѣ прожили около полутора мѣсяца, а затѣмъ Гѳрги едадеа, Венгерская кампанія окончилась, и гвардейскому корпусу было предписано двинуться обратно въ Петербургъ. На обратномъ пути кутежей было менѣе, такъ какъ денегъ у офицеровъ побавилось. Мы съ Шварцемъ ѣхали на почтовыхъ, остановились только въ Динабургѣ, гдѣ должно было почевать тѣло покойнаго великаго князя Михаила Павловича, скончавшагося во время похода и перевозимаго въ Петербургъ. Помню, что въ церемоніаль встрѣчи тѣла, составленномъ Динабургскимъ комендантомъ, сказано было, что въ теченіи ночи, которую тѣло проведетъ въ соборѣ, при немъ должны стоять на часахъ офицеры въ полной траурной формѣ, съ вынутыми саблями и въ каскахъ на головахъ. Первыми часовыми при тѣлѣ были я и одинъ конно-піонерный офицеръ; намъ показалось весьма страннымъ приказаніе коменданта быть въ церкви въ каскахъ и съ вынутыми саблями, и мы рѣшились послушаться его приказанія, за что не получили отъ него никакого замѣчанія. Панихиду въ соборѣ служили Уніатскіе священники, которые только передъ тѣмъ были присоединены къ Православію; провозглашая *вѣчную память*, одинъ изъ нихъ ошибся и вмѣсто *Михаила Павловича* помянулъ *Николая Павловича*. Надобно было видѣть, какъ поразила эта ошибка всѣхъ бывшихъ въ соборѣ, да и самъ священникъ едѣладеа блѣденъ какъ полотно и остановилъ службу; наконецъ оправившись, онъ исправилъ свою ошибку и окончилъ панихиду въ большомъ волненіи.

Пробывъ въ походѣ около шести мѣсяцевъ, я вернулся въ Петербургъ безъ особенной радости. Время, проведенное мной въ походѣ, показалось мнѣ пріятнымъ сновидѣніемъ; но желаніе мое испытать ощущенія боевой службы не исполнилось.

Въ Петербургѣ жизнь моя пошла по обычной колѣѣ: поутру канцелярскія занятія и докладъ Шварцу, вечеромъ чтеніе философовъ и изрѣдка—театръ. Отъ всѣхъ моихъ знакомыхъ я отсталъ, не бывши у нихъ около двухъ лѣтъ, за исключеніемъ Ольги С....., которую я иногда видалъ и которая, своимъ дружескимъ ко мнѣ расположеніемъ, умѣла поддержать во мнѣ надежду на лучшее будущее. Я сталъ уже забывать прошлое и ожидать возвращенія Левина изъ похода, чтобы устроить нашу жизнь съ нимъ, по возможности, веселѣе и разнообразнѣе, но увы! планамъ моимъ не суждено было исполниться: въ день возвращенія батареи Левина въ Петербургъ, онъ имѣлъ съ Шварцемъ исторію, вслѣдствіе которой долженъ былъ навсегда уѣхать изъ Петербурга. Исторія эта была слѣдующая.

Императоръ Николай Павловичъ встрѣчалъ ежедневно на Адмиралтейской площади полки и батареи, возвращавшіеся изъ похода. Изъ батарей конной-артилеріи первая вступившая была батарейная батарея; за ней, черезъ нѣсколько дней, должна была вступить 2-я легкая, которою командовалъ Левинъ. Батерейная батарея прошла мимо Государя справа въ одно орудіе, имѣя ящики и номера за орудіями; когда вступала 2-я легкая батарея. Левинъ обратился къ Шварцу съ вопросомъ, въ какомъ порядкѣ должна проходить батарея мимо Государя. Шварцъ отвѣчалъ: „во фланговомъ порядкѣ въ одно орудіе“; во фланговомъ же порядкѣ номера должны быть сомкнуты и ящики съ бока орудій. Когда батарея прошла въ этомъ видѣ, Государь обратилъ вниманіе на разницу въ строяхъ двухъ конныхъ батарей и указалъ на это Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу, бывшему въ то время главнокомандующимъ гвардейскими корпусами. Его Высочество спросилъ у Шварца, почему батареи прошли не въ одинаковомъ строю, и Шварцъ всю вину сложилъ на Левина. По окончаніи смотра, начальники частей приглашались обыкновенно во дворецъ, на тотъ случай, если бы Государю Императору угодно было сдѣлать

какія-либо замѣчанія; на этотъ разъ приглашенъ былъ и Левинъ во дворецъ. Войдя въ залу, онъ увидалъ Шварца, который говорилъ очень горячо съ Сумароковымъ и Мерхелевичемъ; подойдя ближе, онъ явственно услыхалъ, что Шварцъ называлъ его ослушникомъ его приказаній и человѣкомъ, который постоянно уминчаетъ. Будучи чрезвычайно вспыльчивъ, Левинъ въ одно мгновеніе очутился передъ Шварцемъ и, махая пальцемъ передъ его носомъ, назвалъ его подлецомъ, какъ онъ мнѣ самъ говорилъ (а другіе говорятъ, что онъ назвалъ его лжецомъ). Сумароковъ схватилъ Левина за руку и съ помощью Мерхелевича выпроводилъ его изъ дворца. Левинъ пріѣхалъ прямо ко мнѣ. Онъ былъ такъ взволнованъ, что едва могъ говорить; выпивъ нѣсколько стакановъ воды, онъ поѣхалъ отъ меня къ князю Ильѣ Андреевичу Долгорукову, бывшему въ то время начальникомъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, разсказалъ ему о случившемся и просилъ его заступничества. Князь Долгоруковъ, зная Левина съ хорошей стороны, общалъ ему свою защиту и предложилъ батарею на Кавказѣ. Левинъ конечно согласился, и черезъ нѣсколько дней онъ былъ назначенъ командиромъ 1-й батареи Кавказской гренадерской артилерійской бригады.

Левинъ былъ благороднѣйшій человѣкъ; все офицеры глубоко его уважали и рѣшили сдѣлать ему проводы, достойные той любви и уваженія, которыми онъ пользовался въ средѣ товарищей. Меня просили заказать серебряный кубокъ, который хотѣли поднести ему на обѣдѣ отъ всехъ офицеровъ гвардейской конной артилеріи; затѣмъ офицеры его батареи заказали для него Кавказскую шапку съ великолѣпнымъ клинкомъ. Наконецъ, рѣшено было въ день отъѣзда проводить его всемъ офицерамъ до Краснаго Кабачка; но явились такія препятствія, которыхъ никто не ожидалъ. Въ ночь того дня, въ который назначенъ былъ обѣдъ Левину, получено было приказаніе начальника артилеріи Сумарокова собраться всемъ офицерамъ

гвардейской конной артилеріи у него на квартирѣ къ 10 часамъ утра. Когда все собрались, Сумароковъ сказалъ весьма несвязную, но энергическую рѣчь, въ которой объяснилъ, что такъ какъ Левинъ провинился противъ начальства, то офицеры не должны давать ему обѣда, и что если кто-нибудь изъ офицеровъ будетъ въ этотъ день обѣдать вмѣстѣ съ Левинымъ, то онъ переведетъ его въ армію; при этомъ онъ очень выразительно постучалъ объ полъ палкой, съ которой всегда ходилъ вслѣдствіе болѣзни или раны въ ногу. Озадаченные такой рѣчью Сумарокова, офицеры не знали, что дѣлать; наконецъ, нѣкоторые рѣшили не обращать вниманія на слова Сумарокова и ѣхать обѣдать къ Жоржу, у котораго заказанъ былъ обѣдъ; но распорядитель обѣда объяснилъ, что, по неизвѣстнымъ ему причинамъ, Жоржъ извѣстилъ его, что не можетъ приготовить заказаннаго ему въ этотъ день обѣда. Тогда одинъ изъ офицеровъ, Игнатъевъ, предложилъ сдѣлать Левину не обѣдъ, а вечеръ съ ужиномъ въ его квартирѣ. Все согласились, и я извѣстилъ о томъ Левина. Вернувшись домой, я былъ очень доволенъ, что безтактный поступокъ Сумарокова не устрашилъ офицеровъ, а напротивъ далъ имъ возможность лучшимъ еще образомъ доказать Левину ихъ расположеніе и уваженіе: но едва я вошелъ къ себѣ въ комнату, какъ увидалъ одного офицера, съ которымъ я былъ друженъ и котораго зналъ за хорошаго человѣка и товарища; онъ мнѣ объявилъ, что хотя онъ вполнѣ уважаетъ Левина, но не хочетъ черезъ него портить себѣ служебную карьеру, а потому онъ просилъ меня не выставить на серебрянномъ кубкѣ его фамиліи и исключить его изъ числа тѣхъ, которые участвуютъ въ сегодняшнемъ вечерѣ. Заявление это меня ужасно разсердило и вызвало весьма рѣзкій отвѣтъ; но затѣмъ пришли еще два или три офицера съ тою же просьбой, и я успокоился тѣмъ, что нашлось немного такихъ офицеровъ. Дѣйствительно, на вечеръ были почти все офицеры гвардейской конной артилеріи, находившіеся въ Петербургѣ; изъ батареинныхъ командировъ былъ только Кнорингъ, а изъ старшихъ офицеровъ пріѣхалъ даже Костанда,

не смотря на то, что онъ былъ очень близкимъ лицомъ къ Сумарокову и стоялъ по спискамъ первымъ кандидатомъ на получение гвардейской батареи. Этотъ поступокъ А. С. Костанды офицеры оцѣнили очень высоко; въ немъ проявились благородное сердце и товарищеское чувство Апостола Спиридоновича; во мнѣ же онъ возбудилъ живѣйшую благодарность, такъ какъ я любилъ Левина и не могъ не сочувствовать всему, что дѣлалось для него.

Левинъ уѣхалъ на Кавказъ въ началѣ 1850 года. Мнѣ горько было съ нимъ разстаться, такъ какъ въ дружбѣ его я находилъ немало утѣшенія въ горькія минуты моей жизни; Ольга же С... была въ отчаяніи и не скрывала этого отчаянія отъ мужа, который въ припадкѣ негодованія позволилъ себѣ весьма грубо къ ней отнестись. Тогда она рѣшилась оставить мужа и уѣхать за-границу съ сыномъ, для котораго, какъ говорили врачи, Петербургскій климатъ былъ вреденъ. Такимъ образомъ, почти одновременно, я лишился двухъ лучшихъ моихъ друзей, влѣдствіе чего мнѣ было такъ непріятно видѣть каждый день человѣка, который вызвалъ исторію Левина, что я рѣшился отказать отъ адъютантской должности и, подавъ рапортъ объ отчисленіи меня въ строй, уѣхалъ въ отпускъ въ Москву. Меня назначили сначала въ 3-ю легкую батарею, а затѣмъ перевели въ 1-ю легкую, въ которой я служилъ до назначенія меня адъютантомъ. Въ это время Кнорингъ получилъ другое высшее назначеніе, а первой батареей командовалъ Овсянниковъ, съ которымъ я не поладилъ, какъ уже говорилъ.

Прослуживъ въ батарее не болѣе одного лагеря, я совершенно оставилъ строевую службу и получилъ мѣсто въ Артилерійскомъ отдѣленіи Военнаго Ученаго Комитета, съ оставленіемъ по гвардейской конной артилеріи. Въ новой моей службѣ, и начальство, и сослуживцы мои оказались прекрасными людьми.

ми; я почувствовалъ себя какъ бы въ раю послѣ тѣхъ тревоженій, которыя я испыталъ служа съ Шварцемъ. Но надобно сказать, что испытанныя мной тревоженія имѣли для меня и хорошую сторону: они мало-по-малу залѣчили раны моего сердца, успокоили мое воображеніе и охладили порывистость моихъ чувствъ; я сдѣлался человѣкомъ нормальнымъ.

До отъѣзда Ольги С... за-границу, я бывалъ у ней очень часто; послѣ же ея отъѣзда я возобновилъ нѣкоторые изъ старыхъ знакомствъ и сдѣлалъ новыя. Объ одномъ изъ этихъ послѣднихъ, заставившихъ снова заговорить мое сердце, я скажу нѣсколько словъ.

Товарищъ мой Владиміръ Павловъ предложилъ мнѣ однажды поѣхать вечеромъ къ его брату Николаю, котораго я зналъ когда онъ былъ на школьной скамьѣ и который пріѣхалъ съ семействомъ изъ Москвы, чтобъ провести зиму въ Петербургѣ. Я согласился; мы застали тамъ цѣлое общество. Хозяйка дома, какъ умная и пріятная женщина, умѣла занять всѣхъ. Меня она познакомила съ ея родетвенницей, которую я буду называть Sophie. Sophie была очень миловидная блондинка, съ темными сѣрыми глазами и самыми скромными манерами; проговоривъ съ ней цѣлый вечеръ, я былъ въ восторгѣ отъ нея. Передъ ужиномъ пріѣхалъ мужъ ея, съ которымъ она меня познакомила и который меня пригласилъ къ себѣ. Воспользовавшись черезъ нѣсколько дней его приглашеніемъ, я засталъ Sophie одну дома, и этотъ визитъ рѣшилъ судьбу моего сердца: я почувствовалъ, что оно вновь заговорило. Но на этотъ разъ я рѣшился быть осторожнѣе. Понимая, что во мнѣ только зародышъ любви къ Sophie, уничтожить который было бы нетрудно, если бы я рѣшился прекратить съ ней знакомство, я написалъ ей письмо, въ которомъ, объяснивъ мою любовь, просилъ сказать откровенно, могу ли я рассчитывать на взаим-

ность или нѣтъ: если нѣтъ, то я давалъ слово, что никогда болѣе ея не увижу; если же да, то я просилъ мнѣ написать въ отвѣтъ на мое письмо только одно слово: *venez*. Желаемое слово было написано, и жизнь моя получила для меня новую прелесть. Сначала Sophie конфузилась и какъ бы чуждалась меня, но мало-по-малу она убѣдилась въ моей горячей любви къ ней и вполне ввѣрилась мнѣ, умоляя только, чтобы я не требовалъ отъ нея измѣны ея супружескимъ обязанностямъ. Когда я далъ ей слово удерживать порывы моей страсти, она стала мнѣ назначать свиданія безъ свидѣтелей. Иногда, зная, что я приѣду, она оставалась дома подъ предлогомъ зубной боли, а мужъ уважалъ въ театръ; въ другой разъ она ѣздила въ книжный магазинъ для перемѣны книгъ, на которыя была абонирована, и я просиживалъ съ ней въ магазинъ два и три часа времени; я бывалъ вездѣ, гдѣ могъ ее встрѣтить: въ театрахъ, концертахъ, маскарадахъ, и вездѣ она устроивала такъ, что я могъ говорить съ ней наединѣ. Кромѣ нея я ни о комъ и ни о чемъ не думалъ; если я ся не видалъ нѣсколько дней, я считалъ себя несчастнымъ человѣкомъ и отправлялся къ ея теткѣ (съ которой познакомился), чтобы узнать, не больна ли она. Зима прошла незамѣтно; я былъ веселъ, счастливъ, доволенъ. Наконецъ, настало лѣто, Sophie должна была съ мужемъ ѣхать въ деревню. Прощаясь со мною, наканунѣ дня своего отъѣзда, она дала мнѣ свой портретъ и заплакала; слезы ея произвели на меня чарующее дѣйствіе; онѣ служили доказательствомъ ея любви; я былъ счастливъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было горько съ ней разстаться.

Но отъѣздъ Sophie я переѣхалъ на дачу въ Павловскъ, гдѣ жили многіе мои знакомые; въ числѣ ихъ была одна молодая и красивая вдова, которая обладала немалой дозою кокетства. Живя у желѣзныхъ воротъ близъ вокзала, она просила меня заходить за ней, каждый разъ какъ я буду идти въ вокзалъ на музыку. Сначала я заходилъ, но въ вокзалъ попадалъ съ ней

рѣдко: она увѣряла, что у ней болитъ голова, ложилась на кушетку въ граціозной позѣ и умоляла меня не оставлять ее одну больную. Я обыкновенно сидѣлъ, не зная что дѣлать и что говорить съ ней; наконецъ, чтобъ выйти изъ глупаго положенія, въ которое она меня ставила, я рѣшился ей сказать, что я былъ бы очень счастливъ, если бы могъ ее полюбить, но увы! не могу, потому что люблю другую женщину. Она очень удивилась моему признанію и хотѣла непременно знать, кто была эта женщина; я ей, конечно, не сказалъ и, идя въ вокзалъ, къ ней болѣе не заходилъ. Возвратившись однажды изъ Петербурга, гдѣ я пробылъ нѣсколько дней по службѣ, я нашелъ у себя записку вдовы, въ которой она просила меня зайти къ ней тотчасъ, какъ я вернусь въ Павловскъ, для переговоровъ по весьма важному дѣлу. Не понимая, какое могло быть это дѣло, я пошелъ къ ней и встрѣтилъ ее въ паркѣ; мы вошли въ гротъ и сѣли на скамейкѣ. „Вы очень любите ту женщину, о которой вы мнѣ говорили?“ спросила меня вдова. Я отвѣчалъ, что да, и посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. „Дѣйствительно, она очень мила, продолжала вдова; у нея хотя и сѣрые, но чудные глаза, а цвѣтъ ея волосъ имѣетъ такой прелестный оттѣнокъ, который я рѣдко видала у блондинокъ; что относится до ея ума, любезности и душевныхъ качествъ, то конечно вы знаете ихъ лучше меня, но“... „О комъ вы говорите?“ спросилъ я ее.—„О предметѣ вашей страсти, который увы! далеко теперь отъ васъ“. Пораженный сходствомъ съ Sophie описанія сдѣланнаго вдовой, я не могъ понять, откуда она могла узнать, что я люблю Sophie. „Вы такъ хорошо описали наружность женщины, которую я люблю, сказалъ я, что вамъ, нѣтъ сомнѣнія, должны быть извѣстны и ея душевныя качества“.—„Да, съ язвительной насмѣшкой, отвѣчала вдова: мнѣ извѣстно, что эта женщина васъ не любитъ, а любитъ другого, что она не стѣняясь обманывала своего мужа, а теперь еще менѣе стѣняется обманывать васъ“. При этомъ она подала мнѣ письмо, какъ доказательство того, что она говорила. Кровь бросилась мнѣ въ голову; я взялъ нерѣшительно письмо, и каково

же было мое удивленіе, когда я увидалъ почеркъ Ольги С... Прочитавъ его, я ровно ничего не понялъ; въ немъ Ольга С... описываетъ одной своей пріятельницѣ любовь ея къ Левину и между прочимъ намекаетъ на какого-то господина, который въ нее влюбленъ, но на котораго она не обращаетъ никакого вниманія. Недоумѣвая, что все это значить, я спросилъ вдову, откуда она взяла письмо, которое дала мнѣ прочесть. „Это не ваше дѣло, отвѣчала она; но увѣрены ли вы теперь въ томъ, что любимая вами женщина васъ обманываетъ, и съ кѣмъ же? Съ вашимъ другомъ, ради котораго вы готовы были пожертвовать своей карьерой? Мнѣ жаль васъ, продолжала она, но для лѣченія вашей болѣзни пужно было сильное средство; я его нашла и надѣюсь, что вы меня поблагодарите за него“. Слушая вдову, я сообразилъ, что она мнѣ описала Ольгу С..., которую, по случайному сходству съ Sophie, я принялъ за эту послѣднюю, и что она вдова и не подозрѣваетъ о существованіи Sophie, а воображаетъ, что я влюбленъ въ Ольгу С... Сообразивъ все это, я рѣшился оставить ее въ пріятномъ заблужденіи и при послѣднихъ ея словахъ, что я долженъ ее поблагодарить, въ избытокъ внутренняго удовольствія, самъ не знаю какъ случилось, поцѣловалъ ея руку. Она меня нѣжно обняла и отвѣтила поцѣлуемъ. Поцѣлуй ея меня такъ сказать отрезвилъ: я понялъ мое положеніе и быстро ушелъ изъ грота, оставивъ вдову одну. Многимъ покажется невозможнымъ, чтобы молодой человѣкъ могъ такъ испугаться объятій хорошенькой женщины, какъ я это сдѣлалъ, а между тѣмъ фактъ этотъ вѣренъ; онъ объясняетъ характеръ мой того времени. Любя женщину, я считалъ безчестнымъ быть ей невѣрнымъ не только дѣломъ или словомъ, но даже мыслью или желаніемъ; въ физическомъ увлеченіи я видѣлъ профанацію чувства и неуваженіе къ той, которую люблю. Вообще, не смотря на всѣ мои романическія неудачи, я продолжалъ смотрѣть на женщинъ глазами Жоржъ-Занда и былъ противникомъ мнѣнія о нихъ Бальзака.

На другой день послѣ моего свиданія со вдовой я уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ узнать, что меня назначили дѣлопроизводителемъ комиссiи, учрежденной для производства сравнительныхъ опытовъ надъ тонкостѣнными и толстостѣнными картечными гранатами. Опыты эти должны были рѣшить споръ, возникшій между начальникомъ штаба генераль-фельдцейхмейстера генераломъ Безакомъ и начальникомъ гв. артилерiи генераломъ Сумароковымъ, высказавшими два различныхъ мнѣнiя. Членами комиссiи назначены были нѣкоторые изъ гвардейскихъ артилерійскихъ командировъ частей и членъ Артилерійскаго отдѣленiя Военно-Ученаго Комитета генералъ Баранцевъ. Опыты должны были производиться на Волковомъ полѣ ежедневно, вслѣдствiе чего я долженъ былъ переѣхать изъ Павловска въ Петербургъ. Опыты продолжались около полугода и окончились торжествомъ мнѣнiя Безака.

Говоря объ этихъ опытахъ и о разногласiяхъ между артилерійскими генералами, я позволю себѣ привести здѣсь рассказъ одного офицера гв. конной артилерiи, въ которомъ онъ старался охарактеризовать главныхъ артилерійскихъ дѣятелей того времени. Рассказъ этотъ слѣдующій. Въ штабѣ генераль-фельдцейхмейстера возникъ вопросъ: дѣйствительно ли $2 \times 2 = 4$? Въ виду того, что вопросъ этотъ еще не обсуждался въ артилерійскомъ вѣдомствѣ и официально не рѣшенъ, во избѣжанiе недоразумѣнiй и разногласiя между начальниками артилерійскихъ частей, начальникъ штаба генераль-фельдцейхмейстера генералъ Безакъ обратился въ артилерійское отдѣленiе Военно-Ученаго Комитета, прося разсмотрѣть этотъ вопросъ всесторонне и сообщить о немъ свое заключенiе. Артилерійское отдѣленiе, исполнивъ порученiе начальника штаба, отвѣчало: что по вѣдѣмымъ даннымъ, имѣющимся въ отдѣленiи, $2 \times 2 = 4$; но для болыней убѣдительности, оно полагаетъ полезнымъ произвести нѣкоторыя практическiя изысканiя и опыты при штабѣ артилерiи дѣйствующей армiи и при гвардейской артилерiи, поручивъ начальнику

артилеріи дѣйствующей арміи генералу Геленимидту и начальнику гвардейской артилеріи генералу Сумарокову высказать ихъ мнѣнія. Начальникъ штаба согласился съ мнѣніемъ артиллерійскаго отдѣленія и по окончаніи предписанныхъ опытовъ получилъ отъ гг. Геленимидта и Сумарокова слѣдующіе отзывы. Первый сообщалъ, что отпускъ суммы денегъ на производство опытовъ при штабѣ артилеріи дѣйствующей арміи такъ малъ, что онъ не могъ въ обширныхъ размѣрахъ произвести порученные ему опыты и хотя онъ полагаетъ, что 2×2 дѣйствительно = 4, но для окончательнаго рѣшенія этого вопроса онъ считаетъ нужнымъ ходатайствовать объ отпускѣ ему новой суммы денегъ, показанной въ прилагаемой вѣдомости. Генералъ же Сумароковъ отвѣчалъ, что его практическая опытность и многолѣтняя служба привели его къ полному убѣжденію, что 2×2 никогда не равнялась 4, а всегда было = 5, о чемъ онъ и проситъ отдать въ приказахъ по артилеріи, чтобы никто въ этомъ не сомнѣвался. Вѣчно жаловавшійся на недостатокъ денегъ Геленимидтъ и упрямый Сумароковъ очерчены въ этомъ разсказѣ очень вѣрно.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ Sophie пріѣхала изъ деревни; наши свиданія съ ней возобновились, она была очень нужна со мной, и я былъ вполнѣ счастливъ; но, тяготясь видѣться съ ней при свидѣтеляхъ, мы условились, что по вечерамъ она будетъ ставить лампу на столикѣ у втораго окна, когда она будетъ дома одна, а если у ней будутъ гости, или мужъ ея будетъ дома, то лампа должна оставаться на ея мѣстѣ на столѣ передъ диваномъ. Сдѣлавъ эти условія, я сталъ каждый день около 8 часовъ вечера ѣздить на Садовую, гдѣ жила Sophie, чтобы наблюдать за лампою. Первое время она часто появлялась у окна, и я смѣлилъ войти къ Sophie и проводить съ ней цѣлый вечеръ; но мало-по-малу лампа стала все рѣже и рѣже перемѣщаться къ окну; я былъ въ отчаяніи и съ грустью на сердцѣ уѣзжалъ домой. Sophie объяснила мнѣ, что она не можетъ ча-

сто принимать меня, потому что одинъ родственникъ ея мужа влюбился въ нее и, подозрѣвая, что она любитъ меня, слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ. Хотя я его не терплю, прибавила Sophie, но боюсь, чтобъ онъ не наговорилъ чего нибудь на меня мужу, и тогда намъ пришлось бы совсѣмъ прекратить наши свиданія. Эти слова Sophie мнѣ очень не понравились; я ей отвѣчалъ, что какъ мнѣ ни тяжело разстаться съ ней, но если это нужно для ея семейнаго счастья, то я готовъ сейчасъ же на всегда съ ней проститься. „Нѣтъ, сказала она, я не могу жить безъ твоей любви; будемъ видаться по прежнему, я расскажу мужу о любви его родственника ко мнѣ и тѣмъ возбужу недовѣріе къ его словамъ, если бы онъ вздумалъ что нибудь говорить обо мнѣ“. Лампа стала снова появляться у окна также, какъ и прежде; просиживая у Sophie по нѣскольку часовъ, я видѣлъ ея любовь ко мнѣ въ каждомъ взглядѣ, словѣ, движеніи; счастье мое было полно, безгранично.

Въ срединѣ зимы я долженъ былъ поѣхать къ моей матери въ Москву, для чего взялъ отпускъ на 28 дней. Sophie общала мнѣ писать, и дѣйствительно въ Москвѣ я получилъ отъ нея письмо слѣдующаго содержанія: „*Tu as voulu, mon adoré ami, que je t'écrive; je le fais avec plaisir, toute heureuse de te donner cette petite preuve de mon amour. Ton départ, mon cher et mon bien aimé, m'a fait comprendre toute la violence de mon amour pour toi; en ton absence rien ne m'amuse, rien ne me distrait, je suis maussade, triste et parfois j'ai l'enfer dans l'âme. Les souffrances, que j'endure doivent te rejouir, méchant ami. Eh bien, rejouis toi, mais reviens plus vite, car j'ai hâte de te voir, de t'embrasser et de te dire de vive voix combien je t'aime...*“ *)

---

*) „Ты хотѣлъ, мой обожаемый другъ, чтобы и тебѣ писала; исполню это съ удовольствіемъ и чувствую себя счастливой, что могу тебѣ дать это маленькое доказательство моей любви. Твой отъѣздъ, мой милый и дорогой другъ, уяснилъ мнѣ всю силу моей любви къ тебѣ; безъ тебя ничто меня не радуетъ, не веселитъ, и скучаю, а иногда у меня адъ въ душѣ. Страданія, которыя я переношу, должны тебя радовать, мой злой другъ; радуйся же, но только призывай, чтобъ и могла скорѣе видѣть тебя, обнять и выговарать, какъ горячо я тебя люблю....“

Затѣмъ Sophie описала вечеръ, на которомъ она была и какъ ей было тамъ скучно.

По возвращеніи изъ Москвы я тотчасъ же отправился къ Sophie и нашелъ тамъ большое общество: былъ день рожденія ея мужа; въ числѣ гостей я замѣтилъ Леонида Т., офицера лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, который былъ какимъ-то родственникомъ Sophie и который, какъ она говорила, былъ влюбленъ въ ея кузину. Поговоривъ нѣсколько минутъ съ Sophie, я успѣлъ напомнить ей о лампѣ и обѣщалъ на другой же день пріѣхать къ ея окнамъ; но прошло много другихъ дней, а лампы у окна я болѣе не видалъ. Не зная, что думать, я рѣшился наконецъ видѣть Sophie, хотя бы она была и не одна дома, подошелъ къ ея крыльцу и только что взялъ за ручку колокольчика, чтобы позвонить, какъ дверь отворилась и вышла Sophie въ сопровожденіи Леонида Т. Увидавъ меня, она нѣсколько смутилась и сказала мнѣ, что у нея болитъ голова, что Леонидъ Т. обѣщалъ ее прокатить на его лошадяхъ и затѣмъ завезетъ къ теткѣ ея, гдѣ она намѣрена провести вечеръ. Не пріѣдете ли и вы туда? спросила она меня. Я сказалъ да, и черезъ пять минутъ стоялъ уже на подъѣздѣ дома, гдѣ жила ея тетка. Желая видѣть Sophie наединѣ, хотя бы нѣсколько минутъ, я рѣшился подождать ее на крыльцѣ и спрятался въ пинну, которая не была освѣщена. Черезъ нѣкоторое время пріѣхали Sophie и Леонидъ Т.; не видя меня, они обнялись, и я услыхалъ звукъ поцѣлуевъ. Сцена эта до такой степени меня поразила, что я пошатнулся и за что-то зацѣпилъ саблей. При стукѣ сабли, Леонидъ Т. въ одно мгновеніе очутился на подъѣздѣ, а Sophie побѣжала по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ жила ея тетка. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, я вошелъ влѣдъ за Sophie; лицо мое было такъ блѣдно, что тетка ея спросила меня, здоровъ ли я? Я сказалъ, что мнѣ дурно и тотчасъ уѣхалъ. Вернувшись домой, я не спалъ всю ночь, обдумывая, что мнѣ дѣлать.

Такимъ образомъ окончился мой третій романъ. Если въ грустныхъ результатахъ первыхъ двухъ романовъ я не могъ винить женщинъ мной любимыхъ, то въ этомъ последнемъ виновата была исключительно та, которой я отдалъ мое сердце. Я не понимаю, какимъ образомъ можно было согласить сцену на подъездѣ съ тѣмъ нѣжнымъ письмомъ, которое за мѣсяць передъ тѣмъ я получилъ отъ Sophie въ Москвѣ? Невольно вѣспоминалъ я слова Бальзака: „Le jésuite le plus jésuite est encore mille fois moins jésuite“ que la femme la moins jésuite“ *).

Но если въ любви женщины измѣнчивы, думалъ я, то въ дружбѣ, по крайней мѣрѣ, онѣ постоянны. Случай привелъ меня испытать и дружбу женщины: считаю небезинтереснымъ рассказать его.

Одинъ изъ моихъ товарищей, добрый и веселый малый, полюбившій покутить, нашелъ себѣ богатую невѣсту и сдѣлалъ ей предложеніе: ему отказали. Не долго думая, онъ предложилъ себя другой дѣвушкѣ: эта приняла и сдѣлалась княгиней... назову ее хоть Нина. Супруги жили въ полномъ согласіи всего нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ, мужъ, хотя оставаясь подъ одной кровлей съ женой, но иногда не видался съ ней по нѣсколько дней. Покинутая мужемъ, жена скучала и наконецъ составила себѣ кружокъ изъ молодыхъ людей, въ нее влюбленныхъ и смотрѣвшихъ на нее, какъ на божество. Будучи молода, умна, мила и обладая особеннымъ даромъ нравиться мужчинамъ, она проводила все свое время въ этомъ кружкѣ, стараясь относиться ко всѣмъ своимъ обожателямъ съ одинаковой любезностью. Въ это время, заѣхавъ случайно къ ей мужу, я познакомился съ ней и хотя Левинъ, бывший другомъ ея дѣтства, говорилъ много хорошаго о ней, но она произвела на меня не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе: узнавъ, что

*) Самый большой іезуитъ въ тысячу разъ меньше іезуитъ чѣмъ самая малая іезуитка.

и я ей не поправился, я рѣшился ограничить мое знакомство только однимъ визитомъ. После этого прошло болѣе двухъ лѣтъ: прѣхавъ однажды къ одной знакомой, я встрѣтилъ тамъ княгиню Пину. Она такъ мнѣ обрадовалась, какъ будто бы мы были старые и хорошіе знакомые. На вопросъ ей, отчего я у ней не бываю, я попросилъ позволенія быть откровеннымъ и отвѣчалъ ей, что у нея бывають только тѣ, которые влюблены въ нее, я же не могу быть въ нее влюбленъ, такъ какъ люблю другую женщину: къ тому же прибавилъ я, знаю, что я вамъ не поправился, когда я былъ у васъ въ первый разъ два года назадъ. Она стала увѣрять меня, что это неправда, что, напротивъ, зная меня за горячаго поклонника женщинъ, она очень мнѣ симпатизируетъ, и взяла съ меня слово, что я непременно къ ней прѣйду. Въ это время произошелъ мой разрывъ съ Sophie: ежучая страшно, я рѣшился поѣхать къ княгинѣ Пинѣ, думая сколько нибудь развлечься отъ гнетущей меня тоски. Увидавъ меня въ мрачномъ расположеніи духа, она спросила о причинѣ такого настроенія. Не видя надобности скрывать, я рассказалъ ей мою исторію съ Sophie и при этомъ показалъ ей письмо, которое я только-что получилъ отъ Левина и въ которомъ онъ, высказывая много лестнаго о моемъ характерѣ, совѣтовалъ смотрѣть на женщинъ съ менѣе идеальной точки зрѣнія, чѣмъ я это дѣлалъ. Княгиня Пина очень любила Левина какъ друга своего дѣтства, и просила оставить у нея письмо до слѣдующаго дня. На другой день поутру она прислала письмо, и при немъ была приложена ея записка: „La lecture de cette lettre me prouve ce dont j'étais sûre, que vous êtes l'homme le plus loyal et le plus noble, que j'ai jamais connu. Voulez vous mon amitié, mais une amitié à toutes épreuves, amitié comme je la comprends; vous êtes le premier homme, auquel je l'offre comme cela, mais soyez franc et ne craignez pas de m'offenser en la refusant, car tout cruel, que votre refus me sera, je le préfère à une demi-amitié. Si vous voulez de mon amitié, je vous dois l'entière confession de mon passé, car je ne veux pas surprendre votre affection, je veux la mériter.

Rèpondez moi et soyez persuadé, que rien au monde ne saura altérer le sentiment d'estime, que j'ai pour vous“ *). Записка эта меня чрезвычайно удивила, такъ какъ я видѣлъ княгиню Нишу не болѣе трехъ или четырехъ разъ въ моей жизни. Хотя мнѣ была очень пріятна дружба такой женщины, которая обворожала всѣхъ своимъ умомъ и граціей, но я посмотрѣлъ на ея предложеніе съ серіозной точки зрѣнія и объяснилъ ей въ моемъ отвѣтѣ, что съ довѣріе налагаетъ на меня священную обязанность быть съ нею откровеннымъ, что дружба, которую она предлагаетъ, возможна только между лицами, коротко знающими другъ друга; я же знаю ее очень мало, а потому я умоляю ее отсрочить мнѣ отвѣтъ на пѣкоторое время, чтобы я могъ ближе съ нею ознакомиться и чтобы мой отвѣтъ былъ вѣрнымъ отголоскомъ моего сердца. Моя откровенность, прибавилъ я, можетъ служить ей доказательствомъ моего высокаго къ ней уваженія. Послѣ этого письма я сталъ получать отъ нея почти каждый день записки, въ которыхъ она приглашала меня къ себѣ самымъ любезнымъ образомъ. Такъ въ одной изъ ея записокъ она пишетъ: „Je commence à remarquer, mon cher ami, que je suis toute aussi exigeante en amitié, qu'en amour et j'aime mieux vous confesser mon péché, que de le garder sur le cœur; grondez moi bien fort. Voici l'histoire: hier soir je vous attendais, je vous attendais et vous n'êtes pas venu; mon amitié n'a pas eu assez de raison pour s'en faire une et sur le coup de onze heures, j'étais furieuse contre vous. Grondez moi donc, grondez moi et venez le faire demain matin; car ce soir je vais au théâtre français et de là prendre le thé chez Nadine

---

*) „Чтеніе этого письма меня убѣдило, въ чемъ я была уже увѣрена, что вы честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, которыхъ я когда либо знала. Хотите ли мою дружбу, но дружбу не боящуюся никакихъ испытаній, дружбу какъ и ее понимаю? Вы—первый человѣкъ, которому и предлагаю такую дружбу; но будьте откровенны, не бойтесь меня оскорбить вашимъ отказомъ; какъ ни горекъ онъ мнѣ будетъ, но во всякомъ случаѣ я его предпочитаю *полудружбѣ*. Если вы хотите мою дружбу, и должна вамъ сдѣлать полную исповѣдь моего прошлаго, такъ какъ я не хочу *вырастить* ваше расположеніе, я хочу его заслужить. Отвѣчайте мнѣ и будьте увѣрены, что ничто на свѣтѣ не поколеблетъ чувства уваженія, которое я къ вамъ имѣю“.

M., mais demain je serai à la maison jusqu'à quatre heures" ¹⁾. Въ другой ея запискѣ была слѣдующая фраза: „J'ai peur de vous ennuyer cher ami, mais j'ai bien envie de vous voir ce soir; donnez moi un mot de réponse: pouvez vous venir!?" ²⁾. Наконецъ въ третьей запискѣ она мнѣ говорила, что она больна и просить ее навѣстить; къ этому прибавила, что болѣзнь ея не физическая только, но и моральная.

Когда я пріѣхалъ къ княгинѣ Шинѣ по полученіи первой ея записки, она меня очень благодарила за то, что я не отказываюсь отъ ея дружбы и выразила увѣренность, что она скоро вѣ заслужитъ мое расположеніе; при этомъ она объяснила, что отослала всѣхъ своихъ поклонниковъ, притворившись больной, чтобы провести этотъ вечеръ со мной наединѣ и откровенно разсказать мнѣ свое прошлое, какъ она общала это въ своемъ письмѣ. Выслушавъ ея разсказъ, который она называла исповѣдью, я поблагодарилъ ее и замѣтилъ, что мнѣ интересно было бы знать не одно прошлое ея, но и настоящее. Она улыбнулась и сказала мнѣ, что если меня интересуютъ ея обожатели, то она признаетъ ихъ за людей честныхъ, хорошихъ и душой къ ней расположенныхъ: но ни одинъ изъ нихъ не похожъ на тотъ идеалъ, который она создала въ своемъ воображеніи и которому могла бы отдать свое сердце. Одинъ изъ нихъ, не смотря на его умъ и образованіе, такъ ломаетъ ноги и руки, что напоминаетъ собой картоннаго *паяца*, котораго дергаютъ за веревку; другой при каждомъ словѣ смѣется и

---

¹⁾ „И начинаю думать, *любимый другъ*, что я также требовательна въ дружбѣ, какъ и въ любви. Хочу лучше признаться вамъ въ этомъ грѣхѣ, чѣмъ держать его въ сердцѣ по-браните же меня постарайтесь за это. Вотъ въ чемъ дѣло: я васъ ждала вчера вечеромъ, а вы не пріѣхали; хотя дружба моя не давала мнѣ никакого основанія на васъ сердиться, но когда пробило 11 часовъ и васъ не было, я чувствовала нѣчто въ родѣ бѣшенства противъ васъ. Браните же меня, браните и призжайте меня бранить завтра утромъ; сегодня вечеромъ я буду во Французскомъ театрѣ, а изъ театра поѣду пить чай къ Надеждѣ М.; завтра же я буду дома до четырехъ часовъ дня“.

²⁾ „И боюсь вамъ наскучить, но мнѣ очень бы хотѣлось видѣть васъ сегодня вечеромъ, отвѣчайте, можете ли вы пріѣхать?“

даже не могъ удержаться отъ смѣха, когда признавался въ любви къ ней: третій нѣветъ видѣ пивнаго боченка и заботится болѣе о служебной карьерѣ, чѣмъ о любви къ ней. Наконецъ, говоря о четвертомъ, она сказала, что любовь, по ея мнѣнію, всегда тѣсно связана съ поэзіей: но какая же можетъ быть поэзія въ дѣятельности врача, лѣчащаго ее отъ женской болѣзни? Такимъ образомъ она увѣрила меня, что ея сердце свободно и что единственное лицо, которое она могла бы полюбить, находится въ ссылкѣ, въ стѣнахъ Средней Азіи. Затѣмъ она заставила меня высказать и мое мнѣніе о ея обожателяхъ. Былъ уже второй часъ ночи, когда я взялъ фуражку. Прощаясь со мной, она сказала, что желаетъ меня видѣть какъ можно чаще и будетъ устроивать такъ, чтобы я бывалъ у нея одинъ, въ то время когда не будетъ ея обожателей; на другой день она просила меня пріѣхать поутру. Какъ ни пріятны были мои бесѣды съ княгиней Ниной, но излѣченіе моего сердца отъ любви къ Sophie шло весьма медленно, я все еще не могъ ее забыть.

Пріѣхавъ однажды вечеромъ къ княгинѣ по ея приглашенію, я засталъ ее одну въ весьма веселомъ расположеніи духа. „Представьте себѣ, сказала она, что сегодняшний вечеръ я осталась совершенно одна дома: лакей и горничная сейчасъ уходятъ въ гости къ сосѣдямъ, живущимъ наверху: но, прибавила она, мой другъ будетъ со мной, и мнѣ никого и ничего болѣе не нужно“. Помѣстившись рядомъ съ ней у камина, я сказалъ, что хочу обратиться къ ней за совѣтомъ. Пожавъ мнѣ руку въ знакъ благодарности, она спросила, въ чемъ дѣло? Тогда я ей разсказалъ, что одна моя родственница, пріѣхавшая изъ Москвы, предлагаетъ мнѣ жениться на одной очень хорошей молодой дѣвушкѣ. Хотя я этой дѣвушки не видалъ, но мысль жениться, съ досады, *par dépit*, какъ говорятъ Французы, мнѣ такъ правится, что я рѣшился спросить ея мнѣнія. Кончивъ мой разсказъ, я взглянулъ на княгиню и замѣтилъ, что она была очень блѣдна. „Такъ вы хотите жениться, ска-

зала она, съ особенной интонаціей: ну чтожъ, я вамъ не мѣшаю". Съ этими словами она преклонила съ своего мѣста, бросилась передо мной на колѣна, повторяя вѣдливымъ голосомъ: Костя, Костя, прости меня!... Что означалъ этотъ возгласъ — я не знаю; но знаю, что мужа ея звали Константиномъ; затѣмъ, придя въ какое то изступленіе, она схватила и поцѣловала мою руку, прежде чѣмъ я успѣлъ ее отдернуть. Не зная что мнѣ дѣлать, я бросился на верхъ за горничной и когда я ее привелъ, мы нашли княгиню Ницу лежащую на полу, обхватившую горло руками и хрипящую. Горничная просила меня помочь ей разжать ея руки, чтобы она не задушила себя; затѣмъ она разстегнула ей платье и корсетъ, и мы перенесли ее въ спальню на постель. Я хотѣлъ поѣхать за докторомъ; но горничная мнѣ сказала, что припадки, подобные тому, который я видѣлъ, бываютъ обыкновенно, когда она чѣмъ-нибудь разстроится, но что припадокъ уже прошелъ, а потому доктора не нужно.

Вернувшись домой и обдумывая сцену, которой я былъ свидѣтелемъ, я не зналъ, что думать о княгинѣ Ницѣ. Я не допускалъ мысли, чтобы она могла влюбиться въ меня, человека, который ее не любитъ; показывая же мнѣ такъ явно свою любовь, она должна была играть роль пустой кокетки. Но, съ другой стороны, я полагалъ, что женщина съ ея сердцемъ и умомъ не могла быть кокеткой; и такъ что же означала вчерашняя сцена? Недоумѣвая, я рѣшился спросить ее и написалъ ей письмо, которое началъ тѣмъ, что дружба ея ко мнѣ обязываетъ меня не скрывать отъ нея ни одной моей мысли, а потому обращаюсь къ ней съ вопросомъ, какъ я долженъ понимать вчерашнюю сцену, я повинуюсь моему долгу и прошу мнѣ простить, если она найдетъ мою откровенность неумѣстной. На это письмо я получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Mon cher Tscherbatscheff! Je vous prie d'oublier la scène d'hier, comme je l'ai fait. Non seulement je vous pardonne du fond de mon

cœur, mais je tâche de vous trouver des excuses et à moi des torts. De grâce, venez me voir comme par le passé; j'espère, que le temps vous prouvera, que je ne suis pas une coquette effrénée, mais bien une bonne patte de femme, capable de beaucoup d'amitié pour les personnes, qui même la calomnient. Je vous supplie encore de prendre mon billet comme il a été écrit, c'est à dire, dicté par l'indulgence et l'amitié, et non la coquetterie. Croyez à l'amitié de celle, qui met sa coquetterie à oublier les offenses et les pardonner sincèrement“ *).

Отвѣтъ этотъ ровно ничего не объяснилъ, онъ послужилъ только началомъ охлажденія нашихъ съ княгиней Ниной отношеній: она перестала меня приглашать проводить съ ней вечера наединѣ, а я сталъ ѣздить къ ней рѣже и рѣже. Впослѣдствіи, какъ я слышалъ она сошлась съ своимъ мужемъ, а три или четыре года тому назадъ, мнѣ говорилъ ея двоюродный братъ, что она лѣчится за границей отъ психическаго разстройства, которое врачи признаютъ неизлѣчимымъ.

Насталъ 1856-й годъ. Посольство князя Меншикова въ Константинополь потерпѣло фіаско, влѣдствіе чего наши войска вступили въ Дунайскія княжества Молдавію и Валахію, и затѣмъ вѣкорѣ началась война съ Турціей. Разочарованіе въ любви и въ дружбѣ женщинъ навѣяло на меня ужасную тоску, жизнь потеряла для меня прелесть, и во мнѣ явилось желаніе, какъ и въ 1848 году, испытать ощущенія боевой службы. Случай къ тому не замедлилъ представиться. Князь Меншиковъ, назначенный командовать войсками, расположенными въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, ожидая высадки непріятеля въ Крыму, про-

---

*) „Я прошу васъ забыть вчерашнюю сцену, какъ и это сдѣлала. Я не только васъ прощаю отъ чистаго сердца, но стараюсь найти вамъ оправданіе, а вину приписываю себѣ. Ради Бога, навѣщайте меня по прежнему; надѣюсь, что время вамъ докажетъ, что я не бѣшеная какая-нибудь кокетка, а женщина, способная дружески любить даже тѣхъ, которые на нее клеветаютъ. Я васъ умоляю читать мое письмо въ томъ смыслѣ, какъ оно написано, то-есть видѣть въ немъ спсеноженіе и дружбу, а не кокетство. Укрыте въ дружбу той, которой кокетство заключается въ томъ, чтобы прощать оскорбленія и ихъ забывать“.

силъ императора Николая Павловича прислать ему конгревовы ракеты для дѣйствія ими съ судовъ и офицера, который бы умѣлъ ими дѣйствовать. Я обратился къ начальству съ просьбой послать меня и вскорѣ получилъ предписаніе отправиться съ транспортомъ 600 боевыхъ ракетъ въ Севастополь и, по прибытіи на мѣсто, состоять въ распоряженіи князя Меншикова.

VII.

Севастополь — Высадка непріятеля около Евпаторіи. — Реконсцировка 7-го сентября. —
Алмивское сраженіе и его послѣдствія.

Непріязненное положеніе, принятое Австріей въ началѣ 1854 года, было главною причиною посѣбности, съ которою осада Силистріи была снята Русскими войсками и наша армія перешла за рѣку Прутъ, въ предѣлы Бессарабіи. Это обстоятельство, развязавъ руки союзникамъ, совершенно измѣнило ходъ войны на Дунаѣ: Турки стали высказывать свои предположенія о предстоящемъ расширеніи владѣній Порты, въ ущербъ Россіи. Англо-Французскія войска, непрерывно подвозимыя множествомъ транспортныхъ судовъ и пароходовъ, сосредоточивались въ Варшѣ, гдѣ ихъ главнокомандующіе дѣятельно подготавливали всѣ средства, необходимыя для высадки большого десантнаго корпуса, сохраняя въ тайнѣ свой планъ относительно мѣстности, избранной для осуществленія этого предпріятія. Хотя иностранные журналы давно уже писали, что главныя усилія союзниковъ будутъ направлены на Севастополь, для уничтоженія Черноморскаго флота, но высадка въ Крымъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, каковыхъ требовало это предпріятіе, казалась для многихъ невозможною; люди, спеціально знакомые съ военнымъ дѣломъ, думали, что всякое покушеніе непріятеля высадить свои войска на Таврическомъ полуостровѣ неминуемо повлечетъ за собою гибель десантнаго корпуса. Я помню, что генераль Сумароковъ писалъ къ своему зятю и мо-

ему товарищу князю Оболенскому, съ которымъ я жилъ, по отступленіи нашихъ войскъ къ Бахчисараю, въ одной палаткѣ, что, по мнѣнію его, Крымъ былъ совершенно безопасенъ отъ непріятельскихъ нападений, потому что высадка въ большихъ размѣрахъ казалась ему неисполнимой, а въ малыхъ размѣрахъ она противорѣчила стратегическимъ соображеніямъ непріятеля. Письмо это было получено моимъ товарищемъ въ то время, когда взятіе Севастополя, послѣ Альминскаго сраженія, не представлялось невозможнымъ. ▲

Выѣхавъ изъ Петербурга съ транспортомъ 600 боевыхъ ракетъ 3-го іюля 1854 года, я пріѣхалъ въ Симферополь только въ концѣ августа мѣсяца, по причинѣ несправности транспортныхъ ямщиковъ. Тутъ я узналъ, что нашъ пароходъ „Элбурсъ“ подходилъ къ Варнѣ, гдѣ замѣтилъ необыкновенную дѣятельность: огромное количество транспортныхъ судовъ стояло въ гавани, и нѣкоторыя изъ нихъ были уже нагружены разными принадлежностями десантнаго корпуса. Приготовленія, дѣлаемыя непріятелемъ, ясно выказывали намѣренія его произвести высадку на нашихъ берегахъ. Извѣстіе, привезенное пароходомъ „Элбурсъ“, привело въ восторгъ военное населеніе Симферополя: все видѣли съ особеннымъ удовольствіемъ приближеніе того времени, когда приходилось стать въ ряды защитниковъ отечества. На балѣ, данномъ офицерами Ингерманландскаго гусарскаго Саксенъ-Веймарскаго полка Симферопольскому обществу, на который я былъ приглашенъ, танцы продолжались до 2-хъ часовъ утра; когда же дамы разѣхались и офицеры остались одни, распорядитель бала провозгласилъ тостъ за здоровье будущихъ побѣдителей. Все были такъ увѣрены въ побѣдѣ, что выражали нетерпѣливое желаніе скорѣйшаго начала той драмы, въ счастливой развязкѣ которой никто не сомнѣвался.

1-го сентября я пріѣхалъ въ Севастополь. Здѣсь мнѣ повторили все слышанное мною въ Симферополѣ, и кромѣ того я

узналъ, что къ нашему береговому телеграфу подходилъ одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ, съ котораго объявлено было офицеру, находившемуся на телеграфѣ, на самомъ чистомъ Русскомъ языкѣ: „мы скоро къ вамъ будемъ“. — „Милости просимъ, мы давно васъ ждемъ“, было ему отвѣтомъ. Хотя подобную выходку непріятельскаго парохода нельзя было считать непремѣннымъ доказательствомъ намѣренія союзниковъ высадить къ намъ свои войска, но тѣмъ не менѣе она служила нѣкоторымъ подтвержденіемъ общаго слуха.

Въ день моего пріѣзда я явился къ князю Меншикову и доложилъ ему о моемъ порученіи. Въ это же время онъ получилъ извѣстіе о приближеніи непріятельской эскадры съ десантомъ къ берегамъ Крыма. Извѣстіе это произвело на всѣхъ, бывшихъ у его свѣтлости, самое пріятное впечатлѣніе; разговоры оживились, начались догадки о томъ, гдѣ непріятель высадится, составлялись различныя предположенія. Не зная численности нашихъ войскъ, готовыхъ встрѣтить непріятеля, я обратился къ штабъ-ротмистру Жолобову *), находившемуся при князѣ Меншиковѣ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, и спрашивалъ его мнѣнія о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Его твердые и положительные отвѣты дали мнѣ полную надежду на скорое и блестящее окончаніе открывшейся кампаніи; онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхъ нашего оружія, что въ разговорѣ со мной сталъ придумывать, кого могутъ послать съ донесеніемъ къ Государю объ одержанной побѣдѣ надъ непріятелемъ. Хотя я высказывалъ ему нѣкоторыя сомнѣнія въ томъ, чтобы непріятель могъ съ такой опрометчивостью начать свои военные дѣйствія, но увлеченный его доводами, я увѣровалъ въ вѣроятность нашихъ будущихъ побѣдъ; а потому, встрѣтивъ на другой день Тотлебена, съ которымъ я жилъ въ од-

---

*) Жолобову оторвало ногу въ сраженіи при Альмѣ; не согласившись на операцію, онъ умеръ нѣсколько дней спустя послѣ дѣла.

ной гостиницѣ. я сказалъ ему, что труды его, безъ сомнѣнія, будутъ напрасны, потому что непріятеля не допустятъ до Севастополя. Не помню, что мнѣ отвѣчалъ Тотлебенъ; но въ отвѣтъ его, кажется, было гораздо менѣе увѣренности, чѣмъ въ словахъ Жолобова.

Вечеромъ 1-го сентября я поѣхалъ въ театръ. Играли „Ревизора“. Артисты довольно удовлетворительно выполняли свои роли, но умы всѣхъ такъ были заняты открывавшеюся кампанией, что никто почти не обращалъ вниманія на даваемое представленіе. Въ антрактѣ между 3-мъ и 4-мъ дѣйствіями прискакалъ посланный отъ князя Меншикова къ военному губернатору Севастополя, адмиралу Станюковичу, находившемуся съ семействомъ въ ложѣ, и объявилъ, что непріятель сталъ на якорь и готовить суда для перевозки войскъ на берегъ. Слухъ объ этомъ извѣстіи пронесся по театру съ быстротой молніи; губернаторъ тотчасъ уѣхалъ, а офицеры, толпясь въ партерѣ, толковали о привезенной новости. Представленіе вскорѣ кончилось, театръ опустѣлъ: но Екатерининская улица, по которой я шелъ домой, представляла необыкновенное, въ этотъ часъ, зрѣлище: всѣ окна въ домахъ были освѣщены, народъ ходилъ взадъ и впередъ, и на каждомъ перекресткѣ я замѣчалъ группы офицеровъ, преимущественно моряковъ, разсуждавшихъ о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Стараясь вслушаться въ ихъ разговоры, я узналъ, между прочимъ, что предполагено было изъ двухъ флотскихъ экипажей сформировать два батальона въ пѣшемъ строю и отправить ихъ въ дѣйствующій отрядъ для усиленія пѣхоты.

Вся ночь съ 1-го на 2-е сентября прошла въ различныхъ приготовленіяхъ къ открывшейся кампаніи; на всѣхъ улицахъ замѣтна была необыкновенная дѣятельность, и конечно большая часть военного населенія города эту ночь не спала. Силь-

ныя впечатлѣнія дня отняли и у меня сонъ. На другой день, рано поутру, я былъ уже на ногахъ и отправился узнать, не получено ли новыхъ извѣстій о дѣйствіяхъ непріятеля. Миѣ сказали, что союзники заняли Евпаторію безъ всякаго сопротивленія съ нашей стороны и что они начали высаживать свои войска, близъ стараго укрѣпленія, недалеко отъ устья Альмы.

2-го сентября я явился къ коменданту генераль-лейтенанту Кизмеру и къ начальнику штаба Черноморскаго флота генераль-адъютанту Корнилову. Г. Корниловъ пригласилъ меня обѣдать. За обѣдомъ было нѣсколько моряковъ и инженерный полковникъ Тотлебенъ, пріѣхавшій за нѣсколько дней до меня изъ нашей Дунайской арміи. Корнилову предложили вопросъ, какъ великъ можетъ быть десантный корпусъ, начавшій высаживаться; его превосходительство отвѣчалъ, что точныхъ свѣдѣній у него нѣтъ, но, что, судя по тому, что весь Черноморскій флотъ едва былъ въ силахъ перевести одну нашу дивизію съ ея артилеріей на Кавказъ, онъ полагаетъ, что болѣе 40 тысячъ человѣкъ непріятель не можетъ высадить *). Затѣмъ, говоря со мной о привезенныхъ ракетахъ, онъ пожелалъ видѣть ихъ дѣйствіе и просилъ меня показать ему, какъ онѣ стрѣляютъ. Я ему объяснилъ, что ими можно дѣйствовать на разстоянія не болѣе 250 сажень и что онѣ стрѣляютъ гранатами въ два фунта. На другой день была поставлена барка въ 250 саженьяхъ отъ берега, и изъ 10 выгнущенныхъ ракетъ ни одна въ нее не попала. Увидавъ это, Корниловъ улыбнулся и приказалъ миѣ сдать ракеты на храненіе въ Николаевскую батарею.

Оставшись такимъ образомъ безъ всякаго дѣла, но не желая быть празднымъ зрителемъ совершающихся событій, я рѣшился просить о назначеніи меня въ дѣйствующій отрядъ, ко-

---

*) Впоследствии оказалось, что во всѣхъ трехъ контингентахъ, Французскомъ, Англійскомъ и Турецкомъ, всѣхъ родовъ высадившихся войскъ было около 70 тысячъ человѣкъ.

торый собирался на Альмъ близъ деревни Бурлюка. Трудно описать мою радость, когда я получилъ предписаніе князя Меншикова отправиться немедленно въ отрядъ и находиться тамъ въ распоряженіи отряднаго начальника артиллеріи генераль-маіора Кишинскаго. Предписаніе это я получилъ 4-го сентября, а 5-го въ 6 часовъ утра я былъ уже въ отрядъ, стоявшемъ въ 40 верстахъ отъ Севастополя.

Чтобы охарактеризовать качества привезенныхъ мной ракетъ, приведу здѣсь выдержки изъ статьи моей, помѣщенной въ № V-мъ Артилерійскаго Журнала за 1857 годъ. Поводы, побудившіе меня написать эту статью, были слѣдующіе. Генераль-маіоръ Константиновъ, завѣдуя ракетнымъ заведеніемъ, ввелъ нѣкоторыя улучшенія въ производствѣ ракетъ и, пользуясь своимъ авторитетомъ, сталъ увѣрять, что этотъ новый снарядъ, имъ приготовляемый, незамѣнимъ по той громадной пользѣ, которую онъ принесетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ военное время: приготовленіе же его онъ держалъ въ секретѣ. Артилерійское вѣдомство поддержало эту рекламу г. Константинова, признавъ хорошія дѣйствія ракетъ, между тѣмъ какъ, во время опытовъ на Волковомъ полѣ, при мнѣ были случаи, когда ракета, ударившись хвостомъ въ землю, летѣла не горизонтально, а подымаясь вверхъ, и при небольшомъ даже вѣтрѣ, ни одна ракета не попадала въ мишень. Прокричавъ о превосходномъ дѣйствіи ракетъ, Константиновъ желалъ конечно, чтобы славу ихъ подтвердили офицеры, дѣйствовавшіе ими на войнѣ, вѣдствіе чего онъ былъ очень доволенъ офицеромъ, посланнымъ на Кавказъ и доносившимъ ему, что ракеты отличны и крайне разсерженъ на меня за то, что я подобныхъ донесеній не дѣлалъ. По возвращеніи моемъ изъ Севастополя, онъ сталъ обвинять меня въ бездѣтельности и въ равнодушномъ отношеніи къ данному мнѣ порученію. Узнавъ объ этомъ, я счелъ наилучшимъ способомъ оправданія—уяснить печатно причины, по которымъ ракеты не могли быть употреблены въ дѣло въ Крыму. Содержаніе моей статьи было слѣдующее.

„Въ № III-мъ Артилерійскаго Журнала за пынѣшній (1857-й) годъ помѣщено начало статьи генераль-маіора Константинова: „О боевыхъ ракетахъ“. Свѣдѣнія, сообщенныя въ этой статьѣ о моей командировкѣ въ 1854 году съ ракетами въ Севастополь, изложены весьма кратко; а потому, желая пополнить этотъ незначительный пробѣлъ, я считаю целишимъ представить здѣсь подробный отчетъ о дѣйствіяхъ моихъ въ Крыму и о результатѣ возложеннаго на меня порученія по предмету употребленія ракетъ, присовокупивъ къ этому и соображенія мои относительно достоинства ракетъ, отправленныхъ со мной въ Севастополь“.

„Г. инспектору всей артилеріи угодно было въ 1854 году назначить меня для сопровожденія транспорта съ 600 боевыми 2-хъ дюймовыми ракетами, отправленнаго въ Севастополь по требованію князя Меншикова. Согласно сему мнѣ было предписано, по прибытіи транспорта на мѣсто, состоять въ распоряженіи его свѣтлости и ожидать приказаній для употребленія ракетъ въ дѣло противъ непріятеля“.

„Ракеты, со мной посланныя, заряжены были гранатами, имѣвшими вѣсъ около 2-хъ фунтовъ; дальность ихъ дѣйствительнаго выстрѣла не превышала 250 сажень. Для дѣйствія ими мнѣ дапо было 8 станковъ съ четырехгранными желобами, вѣсившими каждый (станокъ съ желобомъ) около 2-хъ пудовъ; кромѣ того, для приданія бѣльшей вѣрности полету ракетъ, я имѣлъ для каждаго станка по одной трубѣ, длиною 7 футовъ. Команда, назначенная для сопровожденія транспорта, состояла изъ одного фейерверкера и четырехъ рядовыхъ, взятыхъ изъ ракетной батареи“.

„Прибывъ въ Севастополь 1-го сентября и явившись къ князю Меншикову, я получилъ отъ него приказаніе сдать ракеты въ артилерійскій гарнизонъ и ожидать дальнѣйшихъ рас-

поражений. Въ тотъ самый день его свѣтлость получилъ извѣстіе съ приморскаго телеграфа, что сильная непріятельская эскадра съ десантомъ показалаcя въ виду Крымскихъ береговъ и идетъ по направленію къ Евпаторіи. Велѣдствіе этого, главная квартира командовавшаго войсками и штабъ его были тотчасъ же перенесены въ деревню Маманай. Я долженъ былъ остаться въ Севастополѣ, не получивъ никакого назначенія. Предполагая, что непріятель не будетъ имѣть возможности приблизиться къ городу и что вся открывшаяся кампанія ограничится только полевыми дѣйствіями, я обратился къ генералъ-адъютанту Корнилову съ просьбой дозволить мнѣ сдѣлать въ адмиралтействѣ, по моему указанію, нѣсколько полевыхъ станковъ, при помощи которыхъ я имѣлъ бы возможность дѣйствовать ракетами въ полѣ, причемъ я представилъ, что устройство этихъ станковъ не могло потребовать большаго числа рабочихъ рукъ и много времени; но генералъ Корниловъ, не вполне довѣряя хорошему дѣйствію привезенныхъ мной ракетъ, изъявилъ желаніе предварительно лично убѣдиться въ пользѣ, которую можно отъ нихъ ожидать и предложить мнѣ съ этой цѣлью произвести, въ его присутствіи, испытаніе. Такъ какъ назначеніемъ ракетъ, по желанію князя Меншикова, было преимущественно дѣйствовать противъ непріятельскихъ судовъ, то для производства опытовъ избрана была 8-я батарея на южной сторонѣ города, а мишенью служила старая барка, поставленная отъ берега на разстояніи 250 сажень. При производствѣ испытанія, чтобы не истощать запаса привезенныхъ мной ракетъ, а также и по недостатку времени, выпущено было только 10 ракетъ, изъ которыхъ ни одна не попала въ барку“.

„Такимъ образомъ, генералъ-адъютантъ Корниловъ, убѣдившись, что дальность ракетъ не превышаетъ 250 саж. и что даже на этомъ разстояніи дѣйствительность ихъ не велика, а равно имѣя въ виду, что адмиралтейство завалено самыми сѣшными работами, нашелъ невозможнымъ исполнить мою просьбу

и осудить ракеты на временное бездѣйствіе. Не желая оставаться празднымъ въ такое время, когда дѣятельность каждаго была направлена къ общей защитѣ, я обратился къ исправлявшему должность начальника штаба войскъ, расположенныхъ въ Крыму, полковнику Вуншу, съ просьбой доложить князю Меншикову о желаніи моемъ получить какое-либо назначеніе въ отрядъ, стоявшемъ на позиціи; на эту просьбу мою изъяснено было согласіе, и на другой же день я былъ назначенъ въ распоряженіе отряднаго начальника артиллеріи, генераль-маіора Кининескаго, при которомъ состоялъ отъ 4-го до 26-го сентября“.

„Въ промежутокъ этого времени отрядъ нашъ, послѣ Альминскаго дѣла, отступилъ въ Севастополь, гдѣ мы пробыли около двухъ дней *). Послѣ того войска наши двинулись къ Бахчисараю и, по совершеніи этого фланговаго движенія, были на короткое время отрѣзаны отъ Севастополя непріятельскою арміею, переходившею въ это время съ сѣверной стороны на южную. Сообщенія наши съ сѣверной стороною Севастополя и съ самимъ городомъ возстановлены были только черезъ нѣсколько дней: тогда отрядъ нашъ придвинулся къ Бельбеку, и я при первой возможности счелъ обязанностью отправиться въ Севастополь узнать, что случилось съ ракетами и не предвидится ли какой-либо возможности употребить ихъ съ пользою въ дѣло при оборонѣ крѣпости. Тутъ я узналъ, что генераль Корниловъ, по предложенію штабсъ-капитана Пестича, сформировалъ ракетную батарею, уложивъ 350 ракетъ и 5 станковъ въ телѣги, взятыхъ отъ полковъ 17-й пѣхотной дивизіи, и назначилъ къ нимъ прислугу, состоявшую изъ 5-ти человекъ, прибывшихъ со мной и изъ 15-ти матросовъ 29-го экипажа. Назначеніе этой

---

*) Въ сраженіи при Альмѣ подо мной была убита лошадь, которая при паденіи своемъ придавила мнѣ ногу. По прибытіи въ Севастополь, я не имѣлъ возможности въ продолженіе двухъ дней выйти изъ комнаты, а потому и не могъ собрать свѣдѣній о распоряженіяхъ, которые были сдѣланы относительно ракетъ.

батареи заключалось въ томъ, чтобы въ случаѣ штурма города она могла посѣввать на тѣ пункты, которые наиболѣе нуждались въ защитѣ. Имѣя въ виду, что союзныя войска сосредоточивали все свои усилія и вниманіе на осажденный городъ, я не просилъ разрѣшеніе начальства о дозволеніи мнѣ обратиться снова на тотъ родъ службы, который долженъ былъ въ Крыму составлять мою спеціальность. Поэтому 26-го сентября я былъ уже въ Севастополѣ и по приказанію генерала Корнилова тотчасъ же вступилъ въ командованіе сформированной имъ ракетной батареей“.

„Ракетная батарея находилась постоянно при полкахъ, составлявшихъ общій резервъ. Октября 5-го, въ день перваго бомбардированія, она была расположена съ Тарутинскимъ полкомъ на театральной площади. Генераль-адъютантъ Корниловъ, проѣзжая въ 11 часовъ утра того дня по площади и замѣтивъ, что непріятельскіе снаряды не только долетали, но и перелетали черезъ батарею, по справедливости заключилъ, что бомба, упавъ на ракетный ящикъ, могла нанести огромный вредъ войскамъ, составлявшимъ резервъ, а потому приказалъ сложить ракеты на Николаевской батарее, а телеги отправить для подвозки зарядовъ на бастіоны“.

„Послѣ страшной бомбардировки 5-го октября непріятель ограничивался во все слѣдующіе дни только слабымъ обстрѣливаніемъ города и, судя по землянымъ работамъ, которыя союзники производили, можно было заключить, что они и не думали о штурмѣ, вѣдѣтвіе чего ракетная батарея, въ видахъ сбереженія лошадей, болѣе не запрягалась. Октября 18-го послѣдовало ко мнѣ предписаніе генераль-лейтенанта Моллера, командовавшаго Севастопольскимъ гарнизономъ, о возвращеніи лошадей и телегъ обратно въ полки. Неполненіемъ этого приказанія окончилось существованіе ракетной батареи, не прини-

мавшей никакого дѣятельнаго участія въ оборонѣ въ теченіе того времени, когда я находился въ Крыму“.

„Я сказалъ выше, что ракетная батарея, сформированная генераль-адъютантомъ Корниловымъ, составлена была изъ 350 ракетъ и 8 станковъ; остальные ракеты и станки, изъ числа привезенныхъ мной изъ С.-Петербурга, находились на приморскихъ батареяхъ Александровской и Константиновской. Александровская батарея доставшихся на ея долю ракетъ въ дѣло не употребляла, а Константиновская выпустила 5-го октября около 10 ракетъ противъ непріятельскихъ кораблей. Это случилось слѣдующимъ образомъ. Союзный флотъ, замѣтивъ, что Константиновская батарея не вездѣ представляетъ одинаково сильную оборону, атаковалъ ея слабѣйшую сторону и открылъ противъ нея жесточайшій огонь; вскорѣ верхняя открытая батарея была сбита, а въ казематахъ взрывъ нѣсколькихъ зарядныхъ ящиковъ произвелъ такое замѣшательство между орудійной прислугой, что батарея на нѣкоторое время прекратила огонь. Въ эту-то критическую минуту командиръ батареи обратился къ ракетамъ и чтобъ прервать молчаніе крѣпостныхъ орудій выпустилъ около 10 боевыхъ ракетъ. Въ промежутокъ этого времени нѣкоторыя орудія приведены были въ возможность дѣйствовать и, когда изъ нихъ открыли огонь, дѣйствіе ракетами было прекращено. Само собою разумѣется, что ракеты въ этомъ случаѣ не могли нанести непріятелю никакого вреда, потому что ни одинъ союзный корабль не приближался къ батарее на ракетный выстрѣлъ. Можно однакожь думать, что влѣдетвіе этого распоряженія непріятель не замѣтилъ временнаго прекращенія огня нашихъ орудій“.

„Въ началѣ ноября мѣсяца того же 1851 года, когда непріятельскіе подступы къ 4-му бастиону подведены были на довольно близкое разстояніе, князь Меншиковъ желалъ употребить ракеты для дѣйствія по траншеямъ. Ракеты въ этомъ слу-

чаѣ могли бы принести дѣйствительную пользу: а потому, желая предварительно осмотрѣть мѣстность и выбрать удобный пунктъ для постановки спусковъ, я пошелъ на 4-й бастіонъ. Но не дойдя до него, былъ контуженъ въ голову осколкомъ бомбы, вслѣдствіе чего долженъ былъ отправиться въ госпиталь, откуда, спустя нѣкоторое время, уволенъ былъ въ отпускъ для излѣченія болѣзни. О послѣдующемъ употребленіи ракетъ при оборонѣ Севастополя мнѣ ничего неизвѣстно. По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я представилъ отчетъ обо всемъ моему ближайшему начальству“.

„Сдѣлавъ краткій очеркъ моихъ дѣйствій въ Крыму, позволю себѣ высказать, по поводу отправленныхъ со мной ракетъ, нѣкоторыя соображенія, которыя не считаю непогрѣшными, представляя ихъ на обсужденіе гг. артиллеристовъ“.

„1) Если вышеупомянутыя ракеты назначались для дѣйствія съ береговыхъ батарей противъ непріятельскихъ судовъ, что усматривается изъ статьи генераль-маіора Константинова, то 2-хъ дюймовый калибръ ракетъ не могъ соответствовать этому назначенію, потому что вредъ отъ гранатъ, вѣсомъ въ два фунта, слишкомъ незначителенъ, а еще болѣе потому, что трудно было предположить, чтобы суда подошли къ батареямъ на разстояніе 250 сажень; но если бы это и случилось, то, конечно, одинъ выстрѣлъ изъ крупнаго орудія нанесъ бы несравненно болѣе вреда непріятелю чѣмъ десятки ракетъ“.

„2) Если отъ ракетъ, о которыхъ идетъ рѣчь, потребовалось бы зажигательное дѣйствіе, какъ напр. для сожженія судовъ, выброшенныхъ на берегъ бурей 2-го ноября, то и тутъ ракеты не могли быть употреблены въ дѣло, потому что были заряжены не зажигательнымъ составомъ, а гранатами: производить же зажженіе своимъ собственнымъ горѣніемъ ракеты

могутъ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, въ которыхъ главную роль играетъ случайность“.

„3) Если разсмотрѣть, могли ли эти ракеты быть употреблены для дѣйствія въ полѣ, то нельзя не согласиться, что и этому назначенію онѣ не могли удовлетворить, потому что спуски, посланные вмѣстѣ съ ракетами, были тяжелы и неудобоподвижны, а легкихъ станковъ, какъ сказано мной выше, я не имѣлъ средствъ построить“.

Объяснивъ непригодность ракетъ, привезенныхъ мной въ Севастополь, буду продолжать мой разсказъ.

4-го сентября я получилъ предписаніе князя Меншикова явиться въ дѣйствующій отрядъ, стоявшій на позиціи близъ деревни Бурлюка, на рѣкѣ Альмѣ. Я тотчасъ же нанялъ лошадей и, взявъ съ собою сѣдло, небольшой выучный чемоданчикъ и подушку, выѣхалъ изъ Севастополя въ ту же ночь. По пріѣздѣ въ отрядъ, я помѣстился въ одной палаткѣ съ командиромъ 1-й легкой батареи 14-й артиллерійской бригады, капитаномъ Маевскимъ, съ которымъ былъ прежде знакомъ. Сначала положеніе мое было весьма непріятно; изъ первыхъ дней моего пребыванія между людьми, которыхъ видѣлъ въ первый разъ и между которыми былъ совершенно чужой, я вынесъ грустное воспоминаніе. Мой гвардейскій мундиръ внушалъ многимъ изъ армейскихъ артиллеристовъ какое-то недружелюбное чувство, которое не старался даже отъ меня скрывать. Во мнѣ никто не хотѣлъ видѣть товарища, готоваго дѣлать и горе и радость боевой жизни, некаваго хоть слабаго сочувствія въ тѣхъ, между которыми его бросила судьба: во мнѣ видѣли человека, пріѣхавшаго за наградами, съ намѣреніемъ предъявлять на нихъ бѣльшія права, чѣмъ тѣ, которые носили армейскій мундиръ. Однако, это первое невыгодное впечатлѣніе,

произведенное моимъ прїѣздомъ, изгладилось, и со многими изъ артилерійскихъ офицеровъ я былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, такъ что три мѣсяца послѣ этого, при отъѣздѣ моемъ изъ Крыма, меня провожали какъ сослуживца, съ которымъ разставался не безъ сожалѣнія. Положеніе мое въ отрядѣ было сначала затруднительно и тѣмъ, что я не имѣлъ верховой лошади; купить ее было негдѣ, а оставаться безъ лошади было невозможно, вѣдѣвше что я долженъ былъ взять пристяжную, предложенную мнѣ ямщикомъ, который привезъ меня изъ Севастополя, и хотъ она была совершенно разбита, тѣмъ не менѣе я заплатилъ за нее сто рублей. Недружелюбный прїемъ, оказанный мнѣ артилеристами, заставилъ меня отказаться отъ желанія служить въ строю одной изъ батарей. Генераль Кининскій оставилъ меня при себѣ въ качествѣ адъютанта.

Пользуясь моимъ новымъ положеніемъ, я объѣзжалъ нѣсколько разъ нашу позицію, разсматривалъ со вниманіемъ расположеніе каждой части нашихъ войскъ, старался выискнуть въ планѣ нашихъ будущихъ дѣйствій и по неопытности моей въ военномъ дѣлѣ, а также, по незнанію численности высадившихся непріятельскихъ войскъ, я полагалъ, что мы непременно удержимъ за собою занятую нами позицію. Объѣзжая наше бивачное расположеніе, я замѣтилъ, между прочимъ, что во многихъ полкахъ производилась ученія разсыпному строю. Недоумѣвая что это значитъ, я обратился къ одному офицеру Бородинскаго полка, который далъ мнѣ слѣдующее разъясненіе. Наша пѣхота, въ то время, раздѣлялась на тяжелую и егерей. Полки тяжелой пѣхоты вовсе не обучались разсыпному строю, а имѣли назначеніе дѣйствовать только въ сомкнутомъ порядкѣ; но въ виду того, что нѣкоторые полковые командиры признали необходимымъ, чтобы всѣ солдаты знали правила застрѣльничьей службы, они рѣшились воспользоваться свободнымъ временемъ и обучить ихъ застрѣльничьему строю.

Жизнь на бивакахъ была не совсѣмъ пріятна. Погода стояла ясная: но днемъ жара доходила до 20° и болѣе, а ночью было такъ холодно, что, не смотря, что я спалъ въ толстой солдатской шинелѣ, не раздѣваясь, меня къ утру пронимала дрожь отъ холода, какъ въ лихорадкѣ. Обѣдъ состоялъ изъ одного блюда: солдатскихъ щей; водки можно было пить сколько угодно, но она такъ отзывалась сивушнымъ масломъ, что пить ее я не могъ. Прошло два дня, непріятель отъ берега не двигался. Наконецъ, настало 7-е сентября. Въ этотъ день мы отобѣдали, по обыкновенію, въ первомъ часу дня. Не имѣя привычки спать послѣ обѣда, я, какъ нарочно, заснулъ въ этотъ день самымъ крѣпкимъ сномъ, послѣдствія котораго были для меня весьма непріятны. Непріятель выслалъ дивизію пѣхоты и свою кавалерію для рекогносцировки; съ нашей стороны послали также маленькій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Кирьякова, чтобы остановить наступленіе непріятеля. Съ этимъ отрядомъ поѣхалъ и начальникъ мой генералъ Кишинскій. Не зная ничего о сдѣланныхъ распоряженіяхъ, я проснулся лишь въ то время, когда раздались наши выстрѣлы. Въ одно мгновеніе я былъ на ногахъ, бросился въ палатку моего генерала и, узнавъ, что онъ уѣхалъ, поспекалъ къ нему на едва осѣдланной лошади: но дѣло (ограничившееся нѣсколькими выстрѣлами и не имѣвшее никакихъ послѣдствій) было уже кончено: я встрѣтилъ отрядъ на обратномъ пути. Трудно себѣ представить то горькое чувство, которое овладѣло мной при этомъ. Генералъ Кишинскій молча выслушалъ мои извиненія, и это было для меня мучительнѣе, невыносимѣе всякой пытки. Я чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ моемъ самолюбіи и понималъ, что самъ далъ поводъ сомнѣваться въ моей военной чести; мнѣ казалось, что я погибъ во мнѣніи всѣхъ и что мнѣ остается одно—искать смерти.

Рекогносцировка 7-го сентября ознаменовалась маленькимъ недоразумѣніемъ. Одинъ изъ дивизіоновъ Кіевского гусарскаго герцога Лейхтенбергскаго полка стоялъ въ этотъ день на аван-

постахъ и былъ одѣтъ въ кителя; другіе же дивизіоны этого полка, вышедшіе на встрѣчу непріятелю съ отрядомъ генерала Кирьякова, имѣли на себѣ доломаны. Въ концѣ дѣла, при отступленіи гусаръ на позицію, съ ними отступалъ и примкнувшій къ нимъ дивизіонъ въ кителяхъ. Между тѣмъ одна изъ пѣшихъ батарей поставлена была на удобномъ мѣстѣ и получила приказаніе, пропустивъ нашу кавалерію, немедленно открыть огонь по непріятельской, которая направлялась велѣдъ за нашей. Мѣстность, по которой проходили гусары, была нересѣчена возвышенностями, и надобно было, къ довершенію несчастія, чтобы дивизіонъ въ кителяхъ тогда только показался изъ за возвышенія, когда другіе дивизіоны уже открыли мѣсто для стрѣльбы. Не сомнѣваясь, что показавшаяся кавалерія была непріятельская, командиръ батареи тотчасъ открылъ по ней огонь и прежде, чѣмъ разъяснилось недоразумѣніе, успѣлъ сдѣлать три или четыре выстрѣла. Отъ этихъ выстрѣловъ, сколько мнѣ помнится, былъ раненъ рядовой и убито двѣ или три лошади. Въ тотъ же самый день 7-го сентября, былъ взятъ въ плѣнъ подполковникъ Французскаго генеральнаго штаба Де-Лагонди, ѣхавшій съ порученіемъ отъ лорда Раглана къ маршалу Сентъ-Арно. По близорукости своей, онъ самъ наѣхалъ на нашихъ гусаръ, которыми тотчасъ же былъ схваченъ. Попавшись въ плѣнъ, Де-Лагонди былъ въ отчаяніи. Ему предложили послать парламентера за его вещами; онъ было согласился на это предложеніе, но, подумавъ, просилъ не посылать за ними, говоря, что во Французскомъ лагерѣ могутъ невыгодно истолковать послѣднюю заботу его объ удобствахъ жизни въ плѣну, при чемъ у него вырвалось восклицаніе: „que diront de moi les journaux“ *)!

Послѣ рекогносцировки, сдѣланной непріятельской арміей, союзныя войска приблизились къ нашей позиціи и расположились верстахъ въ четырехъ отъ нашего лагеря; ясно было, что

---

*) Что скажутъ про меня газеты!

на другой день мы должны были ожидать рѣшительнаго боя. Вечеромъ, какъ у непріятеля, такъ и у насъ, зажжены были костры. Обходя наши биваки, я видѣлъ во многихъ полкахъ веселые хоры пѣсельниковъ, слышалъ шумные разговоры солдатъ, выражавшихъ полную увѣренность въ предстоящей побѣдѣ. Проходя мимо батальона, составленнаго изъ моряковъ, я услышалъ, что одинъ изъ матросовъ выражалъ горячее желаніе, чтобы во время сраженія не было дождя; я остановился и спросилъ, отъ чего онъ боится дождя? *«Я не боюсь, ваше благородіе, а ружья наши боятся: какъ поиде дождь, такъ и намъ нельзя»*, отвѣчалъ онъ. Оказалось, что у нихъ были ружья съ кремневыми замками. Близъ палатки князя Меншикова, я встрѣтилъ адъютанта его Сколкова, котораго зналъ въ Петербургѣ. „Что вы думаете о завтрашнемъ днѣ?“ спросилъ я его. Сначала онъ отвѣчалъ уклончиво, но потомъ объяснилъ, что по свѣдѣніямъ князя Меншикова высадилось около 70 тысячъ союзныхъ войскъ, у насъ же было всего около 30 тысячъ; слѣдовательно, хотя духъ нашихъ солдатъ превосходный, но ручаться за побѣду нельзя. Сколковъ былъ первый, отъ котораго я слышалъ сомнѣніе въ успѣхѣ нашего оружія; на другой день ему оторвало руку. На правомъ флангѣ нашей позиціи артилерійскіе офицеры собрались въ кружокъ и, толпясь около разложеннаго костра, горячо толковали о завтрашнемъ днѣ. Одинъ только командиръ 3 батареи 1-й артилерійской бригады, котораго фамиліи не припомню, отошелъ въ сторону и, не смотря на свой постоянно веселый характеръ, не принималъ участія въ общемъ разговорѣ. Онъ былъ убитъ на другой день пулею въ грудь и, замѣчательное дѣло, кромѣ него, въ батарее, имъ командуемой, не было ни одного убитаго, ни одного раненаго.

Наконецъ, мало-по-малу, костры погасли, шумный говоръ стихъ, всѣ отправились по своимъ палаткамъ... Мнѣ приказано было явиться на развѣстѣ въ главную квартиру за полученіемъ приказаній относительно артиллеріи. Хотя я прибылъ туда еще

до восхода солнца, однако князь Меншиковъ и весь штабъ его были уже на ногахъ. Флигель-адъютантъ полковникъ Исаковъ, исправлявшій должность начальника штаба 6-го корпуса, которымъ командовалъ князь П. Д. Горчаковъ (братъ главнокомандующаго Дунайской арміи), узнавъ о причинѣ моего пріѣзда, поручилъ мнѣ передать всеѣмъ батареямъ, чтобы онѣ немедленно снимали палатки, отправляли обозы и запрягали орудія. Передавъ это приказаніе, я возвратился около 8 часовъ утра, вмѣстѣ съ генераломъ Кишинскимъ, въ главную квартиру, гдѣ и находился до тѣхъ поръ, пока непріятель не двинулъ противъ насъ своихъ колонъ. Въ промежуткѣ этого времени я успѣлъ два раза съѣздить на разные пункты расположенія артилеріи съ приказаніями генерала Кишинскаго. Въ 12-мъ часу опъ послалъ меня въ третій разъ; но по возвращеніи, я не нашелъ въ главной квартире ни его, ни князя Меншикова: они уѣхали, какъ мнѣ сказали, на лѣвый флангъ, откуда я только что пріѣхалъ. Это было въ началѣ перваго часа по полудни; непріятельскія колоны подходили въ то время къ нашей позиціи. Поскакавъ отыскивать генерала Кишинскаго, я встрѣтилъ его на лѣвомъ флангѣ, разставлявшаго легкія № 4-й и 5-й батареи 17-й артиллерійской бригады противъ Французскихъ орудій, открывшихъ огонь; къ этимъ батареямъ вскорѣ присоединены были 12-я коная и 4-я Донская, взятая изъ резерва. Дѣйствіе всеѣхъ этихъ батарейъ было такъ успѣшно, что Французскія орудія должны были вскорѣ замолчать. Мы подвинулись нѣсколько впередъ и конечно, если бы пѣхота поддерживала наступленіе артилеріи, то непріятелю не легко было бы сбить насъ съ позиціи лѣваго фланга; но батальоны Московскаго полка, составлявшіе наше прикрытіе, стояли позади батарей и не получали никакого приказанія идти впередъ. Самое положеніе ихъ за батареями, а не на флангахъ, было причиною огромныхъ потерь, которыя они понесли въ этомъ дѣлѣ; кромѣ того, они не выслали застрѣльничьей цѣли и тѣмъ дали возможность непріятельскимъ стрѣлкамъ, покровительствуемымъ мѣстными неровностями, подходить къ орудіямъ на 300 шаговъ

и, ближе, и бить прислугу почти безнаказанно. Одно спасеніе противъ этихъ стрѣлковъ артилеристы видѣли въ картечи, и дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ штуцерный огонь непріятеля становился менѣе смертоносенъ.

Не могу при этомъ случаѣ не рассказать слѣдующій эпизодъ изъ дѣйствія 4-й легкой батареи 17-й артилерійской бригады. Генералъ Кишинскій, замѣтивъ позади нашихъ орудій выгодную мѣстность для дѣйствія артилеріи, приказалъ 4-й батарее, въ самомъ разгарѣ боя, занять эту мѣстность. Батальонъ Московскаго полка, стоявшій позади батареи, пропустилъ ее черезъ свои ряды, но потомъ сомкнулся и тѣмъ закрылъ ее огонь; хотя артилеристы требовали скорѣйшаго очищенія мѣста для стрѣльбы, но достигнуть того было не легко. Въ это самое время толпа непріятельскихъ всадниковъ, замѣтивъ происшедшее замѣшательство, кинулась батарею во флангъ, и такъ какъ нѣхота находилась въ самомъ неправильномъ строѣ и не могла оказать большого сопротивленія атакѣ, а артилерія и вовсе никакого не представляла въ рукопашномъ бою, то конечно кавалеристы могли бы нанести намъ огромный вредъ; къ счастью, командиръ 1-го взвода 4-й батареи прапорщикъ Чарторижскій, замѣтивъ во время намѣренія всадниковъ, повернулъ противъ нихъ фланговое орудіе и однимъ картечнымъ выстрѣломъ успѣлъ ихъ разсѣять. Находчивость этого офицера спасла насъ отъ большаго уропа.

Стойкость нашихъ войскъ на лѣвомъ флангѣ заставила непріятеля подкрѣпить свои колонны, противъ насъ дѣйствовавшія, дивизіею Капробера, при этомъ численный перевѣсъ оказался столь значителенъ на сторонѣ непріятеля, что отступленіе наше дѣлалось неизбежнымъ. При первыхъ отступательныхъ движеніяхъ подо мной убита была лошадь пулею въ лобъ; пуля эта была вѣроятно назначена мнѣ въ грудь, но въ моментъ вы-

стрѣла лошадь взмахнула головой вверхъ и тѣмъ спасла меня отъ смерти. Упавъ вмѣстѣ съ лошадыю, я едва могъ высвободить ногу изъ-подъ сѣдла и почувствовалъ въ ногѣ сильную боль. Кишинскій, съ которымъ я стоялъ рядомъ на 4-й батарее, увидавъ, что я упалъ, предположилъ, что я убитъ и ускорилъ къ другой батарее; я же, спѣшенный, отправился назадъ, но прошелъ около двухъ верстъ прежде, чѣмъ успѣлъ выйти изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Рядомъ со мной шелъ раненый солдатъ Московскаго полка; у него была оторвана рука: рана причиняла ему сильныя страданія, онъ ужасно стоналъ и вскорѣ упалъ; къ довершенію несчастья, сзади насъ разорвало гранату, осколокъ которой попалъ ему въ ногу. Хотя мнѣ жаль было бросить этого несчастнаго, но измученный усталостью и жарой, и къ тому же съ больной ногой, я рѣшительно не могъ тащить его на себѣ. Замѣтивъ, что по полю, въ разныхъ направленіяхъ, шли другіе раненые, я успѣлъ собрать нѣкоторыхъ, которыхъ раны были не такъ тяжелы, и съ помощью ихъ довелъ перваго до лазаретнаго полуфурка.

Сцены, которыхъ я былъ тутъ свидѣтелемъ, останутся мнѣ памятны на всю жизнь. Болѣе ста человекъ раненыхъ, плавая въ лужахъ крови, лежали около полуфурка, оглашая воздухъ самыми ужасными стопами; страданія нѣкоторыхъ были такъ велики, что они умоляли скорѣе ихъ приколоть; другіе, томясь жаждой, просили, какъ благодѣянія, дать имъ глотокъ воды, но воды не было. Фельдшеръ, при нихъ находившійся (врача же не было), не имѣлъ ни средствъ, ни времени всѣмъ подавать помощь; нерѣдко онъ подходилъ къ раненому въ то время, когда тотъ не пускалъ послѣдній вздохъ. Я позабылъ и о жаждѣ и о голодѣ, которые передъ тѣмъ чувствовалъ, позабылъ и объ усталости, и рѣшился отойти отъ зрѣлища раздирающаго сердца. Въ это время подъѣхалъ изъ Севастополя генералъ-адъютантъ Корниловъ и остановился около меня; я рассказалъ ему подробно все, чему былъ свидѣтелемъ; онъ съ

грустію выслушалъ меня, взялъ у казака лошадь и поскакалъ отыскивать князя Меншикова. Въ то же время показалась не вдалекѣ пѣшая батарея; я направился къ ней, сѣлъ на лафетъ одного изъ орудій и къ утру пріѣхалъ, вмѣстѣ съ батареей, на сѣверную сторону Севастополя. Батарея эта, въ которой въ иныхъ орудіяхъ осталось всего по двѣ лошади, была легкая № 5-й 17-й артилерійской бригады; командовалъ ею подполковникъ Хлопонинъ.

Альминское дѣло было съ нашей стороны дѣломъ артилерійскимъ. Артилерія паша принимала въ немъ самое дѣятельное участіе. Въ продолженіи трехъ часовъ она удерживала своимъ огнемъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля и, не смотря на огромныя потери въ людяхъ и лошадяхъ, оставила на полѣ сраженія только два орудія батарейной № 2-й батареи 16-й артилерійской бригады, которыя, послѣ потери всѣхъ лошадей, не могли быть взвезены на возвышенность, находившуюся позади батареи. Изъ батарей, дѣйствовавшихъ на лѣвомъ флангѣ, наиболѣе пострадали легкія № 4-й и № 5-й 17-й артилерійской бригады, во все время боя находившіяся подъ штуцернымъ огнемъ зуавовъ и Французскихъ стрѣлковъ. Въ нѣкоторыхъ орудіяхъ этихъ батарей осталось едва по двѣ лошади, а въ другихъ орудіяхъ одинъ померъ перѣдко исполнялъ обязанности двухъ и трехъ померовъ. Потеря наша отъ огня Французской артилеріи и судовъ, стоявшихъ у мыса Лукулла, была, сколько мнѣ извѣстно, не велика. Трудно опредѣлить число убитыхъ и раненыхъ этимъ огнемъ, но подбитыхъ лафетовъ и взорванныхъ ящиковъ оказалось немного. Потеря же непріятеля произошла преимущественно отъ нашихъ артилерійскихъ снарядовъ, потому что дѣйствіе нашей пѣхоты изъ гладкоствольныхъ ружей было ничтожно. Потеря эта, по донесеніямъ главнокомандующихъ союзными силами, состояла изъ 4301 человека убитыми и ранеными. Эта цифра лучше всего можетъ свидѣтельствовать о дѣйстви нашей артилеріи 8-го сентября. Князь.

Меншиковъ, оцѣняя заслуги артилеристовъ въ этомъ дѣлѣ, далъ сравнительно больше Георгіевскихъ крестовъ въ батареи, чѣмъ въ прочіе ряды войскъ.

Много было говорено и писано объ Альминскомъ сраженіи. Позволю себѣ, не вдаваясь въ разборъ его съ военной точки зрѣнія, сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи, въ которомъ находилась наша армія сравнительно съ непріятельской.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, наша армія подъ Альмой состояла изъ 42 батальоновъ, 15 эскадроновъ, 11 сотенъ казаковъ и 10 батарей 8-ми-орудійнаго состава, всего изъ 33 тысячъ человекъ. Въ непріятельской же арміи было 32 тысячи Французовъ, 26 тысячъ Англичанъ, 7 тысячъ Турокъ, всего 65 тысячъ; слѣдовательно союзники были почти вдвое сильнѣе насъ. Вооруженіе нашей пѣхоты состояло изъ гладкоствольныхъ ружей, которыми съ успѣхомъ можно было дѣйствовать не далѣе 200 шаговъ; непріятельская же пѣхота имѣла интцера, которые на разстояніи 500 шаговъ производили убійственный огонь; слѣдовательно наша пѣхота относительно непріятельской была въ положеніи человека съ палкой передъ человекомъ, который вооруженъ пистолетомъ. О сравнительномъ достоинствѣ нашихъ и непріятельскихъ ружей разсказывали въ то время слѣдующій анекдотъ. Всѣхъ раненыхъ въ Севастополѣ нижнихъ чиновъ, отправляемыхъ въ Петербургъ, представляли императору Николаю Павловичу. На одномъ изъ такихъ представленій Его Величество спросилъ одного солдата, какого онъ мнѣнія о непріятельскихъ ружьяхъ? Солдатъ отвѣчалъ, что ружья у непріятели не въ примѣръ лучше нашихъ, потому что у него ружья Англіійскія, а у насъ казенныя. Артилерійскія орудія и лафеты, какъ у Французовъ, такъ и у Англичанъ, были превосходные; въ нашей же артилеріи, въ большинствѣ батарей, орудія были старыя съ выбоинами въ кана-

лахъ, а лафеты дослуживавшіе свои сроки; въ одной же батарее лафеты были такъ плохи, что когда Кишинскій совѣтовалъ эту батарею назначить въ резервъ, то князь Меншиковъ сказалъ, что лучше было бы поставить ее въ первую линію, такъ какъ, если она будетъ оставлена въ резервъ и ее придется вызвать на позицію, то у ней разсыпятся лафеты прежде, чѣмъ она доѣдетъ. Если я выше сказалъ, что наша артилерія подъ Альмою дѣйствовала превосходно, то этимъ она обязана была энергіи и находчивости генерала Кишинскаго и прекрасному составу корпуса артилерійскихъ офицеровъ, которые, не щадя своей жизни, подѣзжали къ непріятелю на самыя близкія разстоянія и оставались на позиціи подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ; въ батарею № 4-й 17-й артилерійской бригады, которою командовалъ полковникъ Кондратьевъ, выбыло изъ строя 48 человекъ, то-есть половина батареи, и самъ онъ былъ рапелъ. Что же относится до матеріальной части нашей артилеріи, то нѣтъ сомнѣнія, что она была несравненно хуже непріятельской.

Въ чемъ мы имѣли перевѣсъ надъ непріятелемъ, такъ это въ кавалеріи; да и то перевѣсъ былъ только количественный, но не качественный. У насъ было подъ Альмою регулярной кавалеріи всего два гусарскихъ полка, которыми командовали генералы Халецкій и Бутовичъ. Вотъ что пишетъ о нихъ генералъ-адъютантъ Хрущовъ въ своей *Исторіи обороны Севастополя*: „25 сентября наша кавалерія дѣлала рекогносцировку за рѣкой Черпой. Находившійся при отрядѣ адъютантъ главнокомандующаго, полковникъ Виллебрантъ и генеральнаго штаба полковникъ Герсевановъ доложили князю Меншикову, что командиры гусарскихъ полковъ Халецкій и Бутовичъ труслили и ретировались безъ всякой причины“.

Перейду теперь къ разсмотрѣнію, каковы были генералы въ нашей арміи. Главнокомандующій ея князь Меншиковъ былъ

безспорно умный и образованный человекъ; но онъ никогда не командовалъ арміей и провелъ большую часть своей службы не въ сухопутныхъ войскахъ, а во флотѣ. Виѣшній видъ его былъ самый печальный, въ немъ не было ни малѣйшей молодцоватости; здоровался онъ такъ, что его не было слышно, говорить съ солдатами не умѣлъ; виѣшность же имѣеть большое значеніе, когда нужно возбудить въ солдатахъ энтузіазмъ и внушить довѣріе. Онъ не любилъ военной службы и военныхъ почестей. Разсказывали, что когда онъ жилъ въ Севастополѣ, то, выходя изъ своего дворца, онъ избѣгалъ проходить мимо гаунтвахты, чтобы не заставлялъ караулъ отдавать ему честь. Начальникомъ штаба у него былъ полковникъ Вуншъ, который имѣлъ, можетъ быть, много достоинствъ, какъ человекъ, но не имѣлъ военного образованія и не умѣлъ выбрать себѣ сколько нибудь способныхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Затѣмъ, князь Горчаковъ, командиръ 6-го корпуса и начальники дивизій Моллеръ, Квицинскій и Кирьяковъ, все были безъ всякихъ военныхъ способностей; а Кирьяковъ, хотя былъ рекомендованъ князю Мещикову изъ Петербурга, какъ *brave soldat et bon général* *), но оказался, какъ пишетъ генералъ-адъютантъ Хрущовъ въ Исторіи обороны Севастополя, и нераспорядительнымъ, и пьяницей, и хвастуномъ. Я могу съ своей стороны сказать, что, бывши во все время Альмупскаго боя на лѣвомъ флангѣ, которымъ командовалъ Кирьяковъ, я его не видалъ и, хотя искалъ, по приказанію Квицинскаго, чтобы просить его внести какой нибудь порядокъ въ дѣйствія пѣхоты, которая мѣшала стрѣлять артилеріи и не оказывала ей никакой защиты противъ непріятельскихъ стрѣлковъ, но пайти нигдѣ не могъ.

Не въ такомъ положеніи была союзная армія. Главнокомандующій Французами Сентъ-Арио былъ хотя больной старикъ, но даровитый и опытный генералъ; начальники дивизій:

---

*) Храбрый солдатъ и хорошій генералъ.

Капроберъ, Боске, Фаре и принцъ Наполеонъ успѣли уже составить себѣ имя въ военномъ дѣлѣ и пользовались полнымъ довѣріемъ командуемыхъ ими частей; наконецъ, самая войска были отборныя, имѣвшія онытностъ; а нѣкоторыя, какъ примѣръ зуавы, пріобрѣли вполнѣ заслуженную славу въ Африканской войнѣ. Пѣхота была вооружена ружьями Минье *), пули которыхъ попадали даже въ наши резервы; такъ одной изъ нихъ былъ убитъ, какъ я выше сказалъ, командиръ 3-й батареи 14-й артилерійской бригады. Какъ примѣръ храбрости и самоотверженія Англичанъ, я могу привести переходъ ихъ черезъ Альму подъ картечнымъ огнемъ нашей двухъ-ярусной батареи 16-й артилерійской бригады, заблаговременно поставленной и оконанной. Альма была запружена ихъ тѣлами, уронъ ихъ былъ громадный; но, не смотря на нашъ убійственный огонь, они не только перешли Альму, но и завладѣли нашими двумя орудіями, которыя мы не могли вывезть въ гору и оставили въ ихъ рукахъ.

Нѣкоторые военные писатели, указывая на ошибки нашихъ генераловъ, предполагаютъ, что если бы ошибокъ не было, то мы могли бы выиграть Альминское сраженіе. Съ этимъ согласиться нельзя. Изъ сравненія, сдѣланнаго мной нашей арміи съ непріятельскою видно, что перевѣсъ силъ на сторонѣ союзниковъ былъ такъ великъ во всѣхъ отношеніяхъ, что остановить наступленіе непріятеля мы не имѣли никакой возможности. Мы могли бы, можетъ быть, продлить только агонію нашего пораженія, то-есть отстунить не черезъ нѣсколько часовъ, а черезъ нѣсколько дней, но едва ли это послѣднее обстоятельство было бы лучше перваго: потерявъ большую часть нашей арміи, мы дали бы возможность непріятелю занять Севастополь почти безъ выстрѣла, такъ какъ, кромѣ моряковъ, въ Севастополѣ

---

*) Въ Петербургъ говорили, что Минье, по изобрѣтеніи имъ ружья съ чашечкой, предложилъ его Россіи; но наше Военное Министерство отказалось его принять, вѣдѣтвіе того, что ружьемъ этимъ было почему-то неудобно дѣлать ружейные приемы.

было только шесть резервныхъ батальоновъ, вооруженныхъ старыми ружьями, изъ которыхъ многія были испорчены и не стрѣляли; сохранивъ же нашу армію, черезъ быстрое отступленіе, мы заставили союзниковъ начать правильную осаду Севастополя, прославившую стойкость Русскаго солдата и, можетъ быть, содѣйствовавшую къ заключенію мира сравнительно на менѣе тягостныхъ условіяхъ.

VIII.

Флапговое движеніе къ Бахчисараю.—Севастополь послѣ Альминскаго сраженія.—Му-
шина Пушкина. — Первое бомбардированіе Севастополя 5-го октября. — Удачное дѣло
Апиранди подъ Балаклавой. — Похороны Корнилова. — Тотлебенъ. — Инкерманское
сраженіе.

9-го сентября рано утромъ 5-я батарея пришла на сѣвер-
ную сторону Севастополя, гдѣ была ея стоянка до высадки не-
пріятеля. Батарея пришла одна. Куда отступила вся наша ар-
мія, никто не зналъ. Отдохнувъ 2—3 часа и выпивъ стаканъ
чаю, я попросилъ у батарейнаго командира Хлопонина верхо-
вую лошадь и поѣхалъ отыскивать моего генерала. Сначала я
ѣхалъ по берегу моря и видѣлъ очень много непріятельскихъ
пароходовъ, сповавшихъ по разнымъ направленіямъ; затѣмъ я
сталъ встрѣчать нашихъ пѣхотныхъ солдатъ, шедшихъ куч-
ками и по одиночкѣ; у нѣкоторыхъ не было ружей. На мой
вопросъ, гдѣ ихъ полки, всѣ отвѣчали незнапіемъ; а когда я
поинтересовался знать, отчего они отдѣлились отъ своихъ пол-
ковъ, они объявляли, что отъ ихъ ротъ никого не осталось,
всѣ были перебиты и что вслѣдствіе темноты ночи они не могли
отыскать своихъ полковъ. Все это была ложь, какъ я впослед-
ствіи узналъ; это были отсталые мародеры. Замѣтивъ, что
одинъ пѣхотный солдатъ ѣхалъ на одной лошади верхомъ, а
другую держалъ въ поводу, и узнавъ, что онъ поймалъ этихъ
лошадей на полѣ сраженія, я предложилъ ему продать одну изъ
нихъ, на что онъ согласился и продалъ мнѣ за два золотыхъ;
купленная мной лошадь была гораздо лучше той, которую убили

подо мной. Отъѣхавъ около 10 верстъ отъ Севастополя, я увидалъ въ полѣ лежавшихъ въ разныхъ мѣстахъ раненыхъ, которые шли вѣроятно всю ночь съ поля сраженія и обезсильны упали; всѣ они были въ крови, а нѣкоторые обратились уже въ трупы. Около этихъ раненыхъ стояли элегантные экипажи съ дамами и двумя военными врачами, которые, переходя отъ одного раненаго къ другому, перевязывали раны, а дамы имъ давали водку и разные съѣстные припасы, какъ напимѣръ булочки бѣлаго хлѣба, бутерброды, пирожки, привезенные съ ними въ большихъ корзинахъ. Нѣкоторыхъ раненыхъ клали въ фуры, слѣдовавшія за экипажами; а другіе, подкрѣпившись, имѣли достаточно силъ, чтобы идти пѣшкомъ. Объѣхавъ все поле, я видѣлъ, что нѣкоторыя дамы выходили изъ экипажей и, стоя на колѣнахъ предъ ранеными, помогали докторамъ дѣлать перевязки. Въ особеннѣости я обратилъ вниманіе на одну молодую красивую особу, которая пріѣхала не въ элегантномъ экипажѣ, а на извозникѣ и, подавая доктору бинты и корнью, заливалась горькими слезами; докторъ мнѣ сказалъ, что это была жена одного моряка—Мусина-Пушкина, о которой я буду еще говорить. При видѣ съѣстныхъ припасовъ, меня странно разобралъ голодъ, такъ какъ наканунѣ, въ день сраженія, я ровно ничего не ѣлъ до вечера, а вечеромъ, когда мы начали отступать, одинъ изъ артилерійскихъ солдатъ предложилъ мнѣ выпить водки изъ его манерки, а другой подѣлился со мной нѣсколькими кнестями винограда, которыя онъ сорвалъ, проходя чрезъ виноградники; въ тотъ же день, который я описываю, я выпилъ всего одинъ стаканъ чаю, которымъ меня угостили офицеры 5-й батареи. Не принадлежа къ числу раненыхъ, мнѣ совѣстно было попросить у благотворительныхъ дамъ чего-нибудь поѣсть, и я рѣшился уѣхать отъ соблазна.

Когда я подѣхалъ къ почтовой станціи на Бельбекѣ, мнѣ представилась слѣдующая сцена. Какой-то Татаринъ стоялъ на колѣнахъ предъ пьянымъ фуштатскимъ солдатомъ, ругавшимъ

его и махавшимъ надъ его головой саблей. Увидя меня, Татаринъ умолялъ его защитить; я приказалъ солдату оставить Татари́на въ покоѣ, но тотъ продолжалъ махать саблей и, едва держась на ногахъ, повторялъ: „онъ, ваше благородіе, измѣнникъ, онъ—бусурманъ!“ Выйдя изъ терпѣнія, я вынулъ саблю и ударилъ ею плання по спинѣ солдата; онъ тотчасъ вытянулся предо мной, сколько могъ спьяна: я ему скомандовалъ, какъ въ строю: *сабли въ но — жны*, и онъ вложилъ саблю въ ножны, ничего не сказавъ, но съ трудомъ отыскавъ отверстіе ноженъ. Татаринъ, конечно, въ это время исчезъ. Это былъ единственный случай, когда, принимая участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Крыму, я вынулъ саблю и вынулъ ее не противъ непріятеля, а противъ своего солдата. Нѣсколько далѣе стоялъ разбитый кабакъ, около котораго валялись пьяные солдаты разныхъ полковъ. Случаи пьянства и безобразій, дѣлаемыхъ нашими солдатами, были и въ другихъ мѣстахъ. Генераль-адъютантъ Хрущовъ въ своей книгѣ „Исторія обороны Севастополя“ говоритъ: „Были уже сумерки (послѣ Альминскаго сраженія), когда я спустился въ долину рѣки Качи у деревни Кфендикіой, гдѣ былъ страшный безпорядокъ: войска и обозы перемѣшались, не зная куда идти; крики, даже ружейные выстрѣлы раздавались повсюду. Ночью солдаты разбрелись по селенію, зажгли его, разбили бочки съ виномъ и многіе перенились“. Генераль-адъютантъ Хрущовъ, какъ извѣстно, въ сраженіи при Альмѣ командовалъ Волинскимъ полкомъ, а затѣмъ, отличившись въ Крымской кампаніи своими военными дарованіями и геройскимъ духомъ, онъ въ концѣ своей жизни былъ генераль-губернаторомъ въ Сибири. Это былъ человекъ честный и недюжиннаго ума.

Проѣхавъ почтовую станцію и поднявшись на гору, я увидалъ скакавшаго казака и кричавшаго: „непріятель идетъ!“ Посмотрѣвъ въ даль, я дѣйствительно могъ отличить красные мундиры Англичанъ и, чтобы не попасть въ плѣнъ, рѣшился вер-

путься назадъ. Въ обратный путь я поѣхалъ не по берегу моря, а черезъ Инкерманъ, надѣясь кого нибудь встрѣтить, чтобы узнать, гдѣ находится главная квартира. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, я обогналъ какой-то пѣхотный полкъ, шедшій въ Севастополь, гдѣ, какъ мнѣ сказали офицеры, долженъ былъ находиться и князь Меншиковъ.

Слѣдуя за полкомъ, я, въ сумерки, пріѣхалъ на южную сторону Севастополя и отправился въ гостиницу „Золотой Якорь“, въ номеръ, который я тамъ занималъ. Въ номерѣ я нашелъ, къ немалому удовольствію, лакея моего, только что прибывшаго съ моими вещами, находившимися въ обозѣ. Снявъ платье, которое было на мнѣ день и ночь съ 4-го сентября, я съ особеннымъ наслажденіемъ усѣлся за чайный столъ, чтобы утолить голодъ и жажду; затѣмъ легъ спать. Утромъ у меня такъ распухла нога, которую мнѣ придавила лошадь, что я не могъ надѣть сапога и долженъ былъ цѣлый день просидѣть въ номерѣ. Вечеромъ, услыхавъ, что Тотлебенъ, котораго номеръ былъ рядомъ съ моимъ, вернулся съ работъ, я надѣлъ туфлю и пошелъ къ нему, чтобы узнать, что дѣлается? Онъ въ это время пилъ чай и свѣшилъ отправиться къ Корнилову. Отъ него я узналъ, что Меншиковъ и его штабъ находятся въ Севастополѣ, что нашей арміи приказано собраться на Куликовомъ полѣ, близъ Севастополя, что канцланъ Зоринъ, на бывшемъ военномъ совѣтѣ, предлагалъ заградить входъ въ бухту, затопивъ наши старые корабли, но Корниловъ этого не хочетъ и что, наконецъ, непріятель показалея на Бельбекѣ. Поблагодаривъ его за сообщенныя свѣдѣнія, я твердо рѣшился на другой день отправиться къ Кишиневскому. Вставъ рано утромъ и разрѣзавъ сапогъ въ подъемѣ, чтобы имѣть возможность его надѣть, я вышелъ изъ гостиницы и очень обрадовался, встрѣтивъ старшаго адъютанта штаба Кишиневского, котораго фамиліи не припомню; но онъ, увидавъ меня, чуть не отскочилъ, объяснивъ, что по приказанію Кишиневского онъ включилъ меня

въ списокъ убитыхъ и что Кишинскій рассказывалъ даже подробности, какъ я былъ убитъ. Когда я явился къ моему генералу, видъ мой произвелъ на него не менѣе сильное впечатлѣніе, какъ и на его адъютанта. Разспросивъ о всемъ, что мною было, онъ сказалъ: „Очень жаль, что у васъ нѣтъ лошади; князь Меншиковъ назначилъ сегодня вечеромъ смотръ войскамъ на Куликовомъ полѣ, и мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы вы были при мнѣ“. Я ему отвѣтилъ, что лошадь я уже купилъ и готовъ явиться къ нему тотчасъ, какъ онъ прикажетъ. Онъ назначилъ къ 5 часамъ быть у него. У меня не было сѣдла; но, узнавъ, что Жолобовъ уже умеръ вслѣдствіе того, что не согласился на ампутацію ноги, я взялъ его сѣдло (которое вполнѣдствіи купилъ) и въ назначенный часъ былъ у Кишинскаго. Полагая, что смотръ продолжится не долго, Кишинскій предложилъ мнѣ, послѣ смотра, пить у него чай и велѣлъ дежнику поставить самоваръ. Когда мы пріѣхали на смотръ, войска были уже построены. Унылый видъ солдатъ, ихъ небритыя бороды, печенные ремни амуниціи и испачканныя, а отчасти и изорванные шинели производили весьма грустное впечатлѣніе; нѣкоторые батальоны по численности похожи были на роты, такъ велики были ихъ потери. По пріѣздѣ князя Меншикова, заиграла музыка, но оживленія она не произвела: у всѣхъ были грустные лица, а князь Меншиковъ смотрѣлъ грустнѣе всѣхъ. Остановившись передъ войсками, онъ что-то сказалъ, но никто не разслышалъ, затѣмъ подѣхалъ поближе и еще что-то сказалъ: какой-то батальонъ отвѣтилъ: *рады стараться*, и тѣмъ смотръ окончился. Кишинскій хотѣлъ уже ѣхать домой, какъ барабаны ударили походъ, и первый полкъ двинулся по дорогѣ, идущей отъ Севастополя. Всѣ въ недоумѣніи спрашивали другъ друга: куда мы идемъ? Но отвѣта на этотъ вопросъ никто не могъ дать. Начало темнѣть, наконецъ стемнѣло, а мы уходили все дальше и дальше отъ Севастополя. Кишинскій вспомнилъ въ это время, что нашъ паркъ, безъ котораго артилерія не можетъ обойтись, остался въ Севастополѣ. Онъ просилъ меня отыскать князя Меншикова и доложить ему объ этомъ. Я по-

ѣхалъ рысью, желая обогнать колонну нашихъ войскъ; но было такъ темно, что только по бряцанью ружей и говору солдатъ я слышалъ, что ѣду близъ идущихъ войскъ, обогнать же ихъ было невозможно; не только пельзя было разсмотрѣть дорогу и мѣстность около дороги, но я не видѣлъ даже головы моей лошади. Вскорѣ войска остановились; сдѣланъ былъ привалъ. Проѣзжая мимо группы офицеровъ, курившихъ и говорившихъ объ Альминскомъ сраженіи, я остановился, слѣзъ съ лошади и, попросивъ огня, чтобы закурить папиросу, вмѣшался въ разговоръ. Одинъ изъ говорившихъ сказалъ, между прочимъ, что наши солдаты трусливы; я сталъ ему горячо возражать, объясняя, что виною нашего пораженія были не солдаты, а наши бездарные генералы и при этомъ разсказалъ дѣйствія Кирьякова на лѣвомъ флангѣ. Въ это время, кто-то подошелъ ко мнѣ и взглянулъ мнѣ въ лице такъ близко, что я невольно отскочилъ: это былъ князь Меншиковъ, который лежалъ гдѣ-то въ травѣ и, слыша мои горячія возраженія, пожелалъ вѣроятно знать кто я? Въ группѣ же говорившихъ были два адъютанта князя Меншикова и флигель-адъютантъ Альбединскій, который на другой же день уѣхалъ въ Петербургъ. Говорили, что первый посланный князя Меншикова съ донесеніемъ Государю Грейгъ сказалъ, что войска наши бѣжали; но Альбединскій доложилъ Его Величеству о всемъ имъ видѣнномъ, не подтвердивъ этого донесенія, чѣмъ много утѣшилъ Государа. Князь Меншиковъ узналъ меня; я ему доложилъ о причинѣ моего пріѣзда. Его свѣтлость приказалъ тотчасъ же послать одного изъ офицеровъ казачьей артилеріи съ приказаніемъ парку немедленно выступить изъ Севастополя и присоединиться къ войскамъ. Поѣхавъ исполнить приказаніе князя Меншикова, я натолкнулся на полковника Вуина, который узналъ меня по голосу и съ удивленіемъ спросилъ, какимъ образомъ случилось, что онъ видитъ меня живымъ, между тѣмъ какъ Кишиневскій сообщилъ штабу главнокомандующаго, что я убитъ. Я объяснилъ ему какъ было дѣло; онъ пожалъ мнѣ руку и выразилъ удовольствіе, что донесеніе Кишиневского оказалось невѣрнымъ. Вернувшись къ Ки-

шинскому, я передалъ ему приказаніе князя Меншикова; офицеръ былъ посланъ въ Севастополь, паркъ выступилъ, но въ то время, какъ онъ шелъ къ Бахчисараю для присоединенія къ нашему отряду, то есть съ запада на востокъ, союзная армія переходила съ сѣверной стороны на южную и встрѣтилась съ паркомъ. Командиръ парка полковникъ Хамратъ говорилъ, что, не подозрѣвая близости непріятеля, онъ шелъ безъ прикрытія и безъ всякихъ военныхъ предосторожностей; каково же было его удивленіе, когда онъ паткнулся на непріятельскую цѣпь, и раздались выстрѣлы. Повозки его поскакали по разнымъ направленіямъ, люди разбѣжались; а онъ, не желая попасть въ плѣнъ, уѣхалъ въ сторону, противоположную движенію союзниковъ, оставивъ въ рукахъ непріятеля весь парковый обозъ, всѣ свои вещи и деньги, лежавшія въ денежномъ ящикѣ. Онъ былъ въ отчаяніи. Нѣкоторыя повозки и много людей успѣли скрыться отъ непріятеля и присоединились къ нашему отряду, но большая часть парка была взята въ плѣнъ. На одной изъ повозокъ ѣхалъ артилерійскій капитанъ (фамилія его, сколько помню была Кузовлевъ), который, не пріѣхавъ почему-то на смотръ князя Меншикова на Куликовомъ полѣ, воспользовался тѣмъ, что паркъ выступилъ изъ Севастополя для соединенія съ нашимъ отрядомъ, легъ на одну изъ повозокъ и крѣпко заснулъ; соннымъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Впоследствии его промѣняли на Французскаго плѣннаго де-Лагонди. Я стоялъ на берегу моря въ то время, когда нашъ пароходъ подъ бѣлымъ флагомъ повезъ де-Лагонди къ ближайшему Англійскому кораблю, на которомъ находился Кузовлевъ. Когда пароходъ подошелъ и Кузовлевъ сходилъ съ Англійскаго корабля, его провозжали Англійскіе офицеры, съ которыми онъ разцѣловался. Вернувшись въ свою батарею, онъ разсказывалъ, что въ плѣну ему было очень хорошо, что офицеры постоянно угощали его отличнымъ коньякомъ и что со многими изъ нихъ онъ очень сдружился, хотя не зналъ Англійскаго языка, но научился объясняться пантомимами.

13-го сентября, утромъ, мы пришли къ Бахчисараю и расположились на бивакахъ въ 3 или 4 верстахъ отъ города. Полковые обозы, которымъ было велѣно двинуться за своими полками, пришли нѣсколько позже, къ нимъ присоединился и обозъ Кишинскаго; но мой лакей, не получившій отъ меня никакихъ приказаній, остался съ вещами въ Севассополь; такимъ образомъ, не имѣя при себѣ ни бѣлья, ни подушки, я былъ бы поставленъ въ весьма печальное положеніе, если бы меня не выручилъ мой товарищъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Оболенскій, который, состоя при Хомутовѣ, былъ имъ присланъ съ двумя Допскими казачьими батареями для подкрѣпленія нашего отряда. Встрѣтившись съ нимъ въ Бахчисараѣ, я чрезвычайно обрадовался; это былъ первый человѣкъ въ Крыму, въ расположеніи и дружбѣ котораго я былъ увѣренъ. Онъ предложилъ мнѣ помѣститься въ одной съ нимъ палаткѣ и далъ изъ своихъ вещей все, что мнѣ было нужно.

Первые дни нашей бивачной жизни мы были отрѣзаны отъ Севастополя непріателемъ, переходившимъ съ сѣверной стороны на южную; только 15-го сентября капитанъ-лейтенантъ Стуценко, знавшій хорошо мѣстность, пробрался пѣшкомъ въ Севастополь и извѣстилъ Корнилова о мѣстѣ нахожденія нашего отряда. Затѣмъ, когда непріатель взялъ Балаклаву и очистилъ намъ сообщеніе съ Севастополемъ, князь Меншиковъ послалъ нѣсколько полковъ на сѣверную сторону, а свою главную квартиру перенесъ на Бальбекъ. Стоя на бивакахъ, мы знали все, что дѣлается въ Севастополѣ отъ прѣзжавшихъ отъ туда артилерійскихъ офицеровъ; такъ мы знали, что умеръ Сентъ-Арно и что Канроберъ вступилъ въ командованіе Французской арміей; мы знали, что наше фланговое движеніе къ Бахчисараю произвело на жителей Севастополя самое удручающее впечатлѣніе: узнавъ, что армія ушла неизвѣстно куда, оставивъ городъ беззащитнымъ, многимъ пришла въ голову нелѣпая мысль объ измѣнѣ князя Меншикова, и городомъ овла-

дѣлъ паническій страхъ. Если возникнуть въ положеніе, въ которомъ остался Севастополь, по уходѣ арміи, то нельзя не сказать, что страхъ, овладѣвшій жителями, былъ не безоснователенъ. Хотя Тотлебенъ успѣлъ уже обнести городъ бастіонами, но многіе изъ бастіоновъ не были еще вооружены орудіями, а тамъ, гдѣ стояли орудія, не было еще зарядовъ. Гарнизонъ же Севастополя, состоявшій, кромѣ матросовъ, всего изъ 6-ти резервныхъ и одного сапернаго батальоновъ, былъ такъ слабъ, что не могъ оказать сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія союзнымъ войскамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы непріятель рѣшился атаковать городъ тотчасъ по переходѣ его на южную сторону, то онъ могъ бы вступитъ въ него почти что церемоніальнымъ маршемъ; не сдѣлалъ же онъ этого потому что, съ одной стороны, у него не было никакихъ свѣдѣній о печальномъ положеніи Севастополя, а съ другой, вслѣдствіе перехода нашей арміи къ Бахчисараю, откуда, получивъ значительныя подкрѣпленія, она могла ударить ему въ тылъ. Союзные главнокомандующіе, сочтя штурмъ дѣломъ рискованнымъ, рѣшились, прежде всего, укрѣпить свои позиціи, чтобы обезпечить себя отъ нападенія; а въ то время, какъ они укрѣплялись, Корниловъ и Тотлебенъ, дѣйствуя съ неизмѣрною энергіей, успѣли привести городъ въ такое оборонительное положеніе, при которомъ штурмъ не могъ быть страшенъ для насъ. Мы знали также отъ пріѣзжавшихъ на бивакъ офицеровъ, что жители города провели одну ночь безъ сна, вслѣдствіе тревоги, возбужденной въ нихъ сильный страхъ. Причина тревоги была слѣдующая. Въ Севастополь гнали гурты скота, которые вслѣдствіе ночной темноты остались почевать на возвышенностяхъ, окружавшихъ городъ; погонщики гуртовъ зажгли костры, которые и произвели тревогу; при слабомъ освѣщеніи костровъ, скотъ приняли за многочисленнаго непріятеля, и въ ожиданіи почнаго нападенія, всѣ жители провели ночь на улицахъ; рассказывали, что жена одного генерала отъ страха выкинула. До Альминскаго сраженія не только никто не выѣхалъ изъ Севастополя, но были даже семейства,

которыя пріѣхали изъ Симферополя и Бахчисарая; считая Севастополь самымъ безопаснымъ мѣстомъ въ Крыму; никому не приходило въ голову, чтобы непріятели не разбили, прежде чѣмъ онъ дойдетъ до Севастополя, но послѣ ночи, проведенной безъ сна, выселеніе изъ города началось въ громаднѣхъ размѣрахъ.

Стоя на бивакахъ, я не разъ ѣздилъ въ разныя батареи съ приказаніями Кишинскаго. Одинъ разъ я развозилъ Георгіевскіе кресты, данныя нижнимъ чинамъ за Альминское сраженіе и помню, что въ 4-й батареѣ подполковникъ Кондратьевъ предложилъ солдатамъ выбрать самымъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которыхъ они считаютъ наиболѣе достойными получить Георгія. Солдаты, между прочими, выбрали единогласно юнкера Колемина, который, оставшись при своемъ орудіи одинъ цѣль и невредимъ, исполнялъ обязанности всѣхъ номеровъ и продолжалъ стрѣлять. Другой разъ, я ѣздилъ къ князю Горчакову, который былъ начальникомъ отряда, просить его о перемѣщеніи одной батареи ближе къ водопою. Подѣхавъ къ его налаткѣ въ то время, какъ онъ обѣдалъ, я объяснилъ ему причину моего пріѣзда; но онъ такъ разсердился за то, что я прервалъ его обѣдъ, что, раскричавшись на меня, не сдѣлалъ никакого распоряженія. Возвращаясь отъ него, я заѣхалъ на бивакъ Пингерманландскаго гусарскаго Принца Веймарскаго полка, съ офицерами котораго я былъ знакомъ по балу въ Симферополь. Подѣхавъ къ полку, всѣ меня окружили, а одинъ офицеръ, увидавъ лошадь, на которой я сидѣлъ и которую, какъ я уже говорилъ, купилъ за два золотыхъ, призналъ ее за свою, пропавшую у него въ день Альминскаго сраженія; онъ убѣдительно просилъ возвратить ее, предлагая отдать два золотыхъ, которые она мнѣ стоила. Положеніе мое было весьма щекотливое: съ одной стороны я признавалъ право офицера требовать возврата украденной у него лошади; но съ другой, я не могъ рѣшиться остаться безъ лошади, а потому, обратившись къ

офицерамъ, я просилъ ихъ указать мнѣ, какъ я долженъ поступить. Офицеры вошли въ мое положеніе и кончилось тѣмъ, что хозяинъ лошади взялъ ее, а мнѣ далъ, на мѣсто ея, другую лошадь, конечно старую и разбитую на поги, но я доволенъ былъ и тѣмъ, что могъ уѣхать изъ полка верхомъ, а не уйти пѣшкомъ. Въ то время какъ я говорилъ съ офицерами, полкъ получилъ приказъ немедленно двинуться къ Черной рѣчкѣ; простившись съ офицерами, я поѣхалъ къ Кишиневу и на другой день узналъ, что наши гусары осрамились, отступивъ передъ однимъ эскадрономъ Англійской кавалеріи. Говорили, что за это дѣло смѣнять полковаго командира Бутовича, но слухъ не оправдался. Ѣздилъ я также съ бивака въ Бахчисарай для покупки разныхъ фруктовъ, которые продавались на базарѣ почти въ такихъ же количествахъ, какъ и въ мирное время, только стоили гораздо дороже. Хотя Бахчисарай былъ въ сферѣ военныхъ дѣйствій, но жизнь въ немъ текла обыкновеннымъ порядкомъ: на крышахъ домовъ и на улицахъ можно было видѣть, какъ сапожники шьютъ сапоги, какъ булочники пекутъ хлѣбы, какъ цирюльники брѣютъ бороды и даже женщины Татарки не стѣснялись гулять по городу, по только съ закрытыми лицами, въ длинныхъ бѣлыхъ покрывалахъ. Нерѣдко встрѣчались пьяные солдаты, но буйствъ не было; за этимъ строго слѣдили начальники частей.

Обѣдалъ я обыкновенно съ княземъ Оболенскимъ; послѣ обѣда пріѣзжалъ съ почты писарь и привозилъ ему письма, въ которыхъ описывалось все, что о насъ думаютъ и говорятъ въ Петербургѣ, и страшное дѣло, всѣ предположенія Петербургскихъ жителей о нашихъ дѣйствіяхъ оказывались невѣрными съ дѣйствительностью: вѣроятно тамъ вовсе не знали положенія, въ которомъ мы находились.

Праздная жизнь, которую я велъ на бивакѣ, мнѣ такъ наскучила, наконецъ, что я рѣшился переѣхать въ Севастополь.

Предупредивъ Кишинскаго, я явился къ Корнилову и по его предложенію вступилъ въ завѣдываніе ракетной батареей, сформированной штабсъ-капитаномъ морской артилеріи Пестичемъ. Переѣхавъ въ Севастополь, я помѣстился въ одной квартирѣ съ капитаномъ Маевскимъ, въ домѣ купчихи Закревекой. Батарея, въ командованіе которой я вступилъ, была въ престранномъ положеніи. Въ ней было 25 нижнихъ чиновъ и 15 лошадей, запряженныхъ въ 5 телѣгъ, на которыхъ лежали ракеты и станки: для прокормленія же людей и лошадей мнѣ не было дано ни денегъ, ни провіанта, ни фуража. Людей я успѣлъ прикомандировать къ батарее Маевского, который согласился кормить ихъ при своей батарее, по фуражъ я вынужденъ былъ покупать два или три дня на свои деньги, платя за пудъ сѣна около 2-хъ рублей; наконецъ, Корниловъ приказалъ мнѣ брать фуражъ, подъ квитанцію, отъ какого-то Грека, поставщика фуража для арміи, который отпускалъ мнѣ только одно сѣно до 5-го октября; 5-го же октября домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ разрушенъ бомбой, и онъ неизвѣстно куда скрылся; въ этотъ день убитъ былъ и Корниловъ. Оставшись такимъ образомъ безъ всякихъ средствъ къ прокормленію лошадей, я вынужденъ былъ упрашивать знакомыхъ мнѣ батарейныхъ командировъ ссужать меня нѣсколькими пудами сѣна, чтобы не дать лошадямъ околотъ съ голода. Фурштатскіе солдаты, бывшіе при лошадяхъ, просили меня позволить имъ отправиться въ Татарскія деревни для фуражировки. Дозволить грабежъ своихъ подданныхъ и въ своей странѣ было бы дѣломъ въ высшей степени безчестнымъ; я имъ конечно отказалъ и подалъ рапортъ начальнику Севастопольскаго гарнизона Моллеру, что если мнѣ не будетъ отпущенъ фуражъ, то лошади околютъ, и я слагаю съ себя въ томъ отвѣтственность. Въ отвѣтъ на рапортъ я получилъ предписаніе возвратить людей и лошадей въ тѣ части, изъ которыхъ они были взяты. Я исполнилъ предписаніе; но дошли ли лошади и телѣги до ихъ полковъ, не знаю. Черезъ два года послѣ войны я получилъ запросы изъ двухъ полковъ: куда дѣвались лошади, телѣги и

фурштатскіе рядовые, находившіеся при оборонѣ Севастополя въ моемъ вѣдѣніи? Я отвѣчалъ неспашіемъ. Вообще безпорядокъ по хозяйственной части при князѣ Меншиковѣ былъ ужасный. Весь штабъ его состоялъ изъ начальника штаба полковника Вуина и нѣсколькихъ писарей; при арміи не было ни генералъ-квартирмейстера, ни интенданта, ни директора госпиталей. По письменной части въ штабъ былъ такой хаосъ, что не знали иногда, гдѣ какой полкъ находится; такъ одинъ вновь произведенный офицеръ пріѣхалъ въ Севастополь и прожилъ около 10 дней, прежде чѣмъ ему могли указать, гдѣ стоитъ его полкъ. Я считался состоящимъ при штабѣ князя Меншикова, но во все время моего нахожденія въ Крыму не получилъ ни копѣйки жалованья и даже передъ отъѣздомъ изъ Крыма я едва могъ добиться выдачи мнѣ свидѣтельства о томъ, что жалованье мнѣ не было выдано. При такихъ безпорядкахъ могли быть, конечно и злоупотребленія: ходили слухи, что при помощи одного писаря можно было получить за деньги и отпускъ, и награду, и даже переводъ изъ одного полка въ другой. Но что особенно всѣхъ возмущало, это — безпорядки по госпитальной части: въ день Инкерманскаго сраженія, не сотни, а тысячи раненыхъ лежали въ грязи подъ дождемъ, около госпиталя, оглашая воздухъ раздражающими душу столами; имъ не было мѣста въ госпиталь и не было людей, которые бы могли оказать имъ какую-нибудь помощь: большая часть этихъ несчастныхъ обратилась къ утру въ трупы. Корпіи у насъ вовсе не было; когда я лежалъ въ госпиталь, мнѣ принесли, вмѣсто корпіи, какія-то толстыя нитки; солдатамъ же клали на раны, какъ говорили въ то время, дерганыя изъ роговъ мочалы.

По переѣздѣ моемъ въ Севастополь, я занялся, прежде всего, обученіемъ матросовъ дѣйствио ракетамъ, затѣмъ я объѣзжалъ бастіоны, на которыхъ кипѣла работа: возили заряды къ орудіямъ, которые были поставлены, устраивали траверзы, дѣлали землянки и блиндажи; непрітель же въ это время оказывался

и возводилъ батареи. Чтобы мѣшать его работамъ, приказано было производить противъ нихъ постоянную стрѣльбу, и кромѣ того дѣлалось ежедневно распоряженіе, чтобы въ извѣстномъ часу всѣ бастіоны открывали частый огонь противъ укрѣпленій, который продолжался обыкновенно около часа. Такая безумная трата пороха замедлила конечно на нѣсколько дней устройство непріятельскихъ батарей, но, истощивъ пороховые запасы, вынудила насъ въ послѣдствіи на 10 непріятельскихъ выстрѣловъ отвѣчать однимъ. Говорили, что въ сентябрѣ и октябрѣ 1854 года истратили въ Севастополѣ болѣе пороха, чѣмъ во всю кампанію 1812 года.

Ежедневная капопада наша оставалась безъ отвѣта со стороны непріятеля; мы такъ привыкли къ его молчанію, что когда онъ открылъ огонь своихъ батарей 5-го октября, то мы были поражены дальностью его выстрѣловъ. Мѣстность, въ которой я жилъ съ Маевскимъ, была осыпана снарядами. Однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ разрушенъ былъ сосѣдній домъ; а затѣмъ, когда я уѣхалъ къ командуемой мной ракетной батарее, стоявшей на театральной площади, бомба упала въ нашъ домъ, пробила два этажа и разорвалась въ подвалѣ, въ который спрятались хозяйка дома Закревская, ея дочь и кухарка; всѣ онѣ были разорваны на части. Находясь въ то время на театральной площади съ Тарутинскимъ полкомъ, составлявшимъ резервъ, я сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія на случай итурма: приказалъ развязать ракеты, приготовить станки и зажечь пальники. Сначала непріятельскіе снаряды до насъ не долетали; но вскорѣ бомба упала въ театръ, гдѣ я курилъ съ офицерами Тарутинскаго полка, и если никто изъ насъ не былъ убитъ, то только потому, что бомбу не разорвало. Затѣмъ другая бомба перелетѣла черезъ театръ и разорвалась близъ батареи, которая была сдѣлана женщинами, взятыми изъ домовъ терпимости, имя которыхъ она и носила. Сознавая опасность, грозившую Тарутинскому полку, въ томъ случаѣ, если бомба упа-

детъ въ ящики съ ракетами, офицеры просили полковаго командира доложить объ этомъ Кирьякову, командовавшему резервомъ; но Кирьяковъ, выслушавъ объясненія полковаго командира, посмотрѣлъ на него какими-то дикими глазами, ударилъ лошадь нагайкой и, ничего не сказавъ, поѣхалъ по Екатерининской улицѣ. Тогда офицеры обратились ко мнѣ съ просьбой увезти ракетную батарею куда нибудь подальше отъ ихъ полка; но я не могъ исполнить ихъ желанія безъ приказанія начальства. Къ счастью, въ это время показался Коршиловъ, ѣхавшій на Малаховъ курганъ, гдѣ онъ былъ убитъ; увидавъ меня, онъ подѣхалъ и спросилъ, не долетаютъ ли непріятельскіе снаряды до театральной площади; на мой утвердительный отвѣтъ и вѣдѣствіе просьбы командира Тарутинскаго полка, онъ велѣлъ мнѣ немедленно увезти ракеты, сложить ихъ на Николаевской батарее, а телѣги съ лошадьми отправить для возки зарядовъ на бастіоны. Исполнивъ это приказаніе, я пошелъ къ офицерамъ двухъ пѣшихъ батарей, которыя стояли на площади у Графской пристани. Стрѣльба производилась безостановочно; подчасъ мы слышали долетавшіе до насъ съ бастіоновъ крики: ура, означавшіе, что взорванъ непріятельскій пороховой погребъ или зарядный ящикъ. Ура! подхватывалось и стоящими на площади артиллеристами. Наконецъ, около 2-хъ часовъ дни, мы замѣтили движеніе непріятельскаго флота къ нашимъ приморскимъ батареямъ; медленно подвигались его громадныя корабли, нѣкоторые шли на буксирѣ пароходовъ. На Николаевской батарее ударили тревогу, и вскоре открылся огонь съ обѣихъ сторонъ. Около 2000 орудій огромныхъ размѣровъ громили Севастополь до тѣхъ поръ, пока стемнѣло, земля буквально дрожала подъ ногами, какъ во время землетрясенія, дымъ такъ сгустился, что ничего не было видно въ пяти шагахъ, а солнце черезъ дымъ казалось краснымъ пятномъ, какъ въ закоптѣлое стекло. Непріятельскіе корабли, медленно двигались одинъ за другимъ по фронту нашихъ батарей, стрѣляли бортами; болѣе всѣхъ пострадала наша каменная Константиновская батарея, которая, будучи оваль-

ной формы, имѣла такое устройство, что, при извѣстномъ положеніи непріятельскаго корабля, могла въ него дѣйствовать только изъ одного орудія, между тѣмъ какъ съ корабля ее осыпали ядрами и бомбами. По приблизительному разсчету, непріятелемъ было брошено въ Севастополь съ суши и съ моря до 100 тысячъ разныхъ снарядовъ; казалось бы, что городъ, какъ центръ огромнаго кольца, составленнаго изъ непріятельскихъ орудій, долженъ быть уничтоженъ, а между тѣмъ ни одна наша батарея не замолчала, и на другой день, по исправленіи ночью всѣхъ поврежденій, сила обороны несколько не уменьшилась. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что наша потеря состояла всего изъ 1000 человекъ, изъ которыхъ около 100 человекъ мы потеряли отъ разрыва нашихъ собственныхъ орудій, сдѣланныхъ изъ плохаго чугуна и не выдержавшихъ частой стрѣльбы. По окончаніи бомбардированія, я поѣхалъ на Константиновскую батарею, чтобы узнать, что стало съ ракетами, которыхъ тамъ было нѣсколько десятковъ. Положеніе батареи было ужасно: въ казематахъ лежали вывороченные огромные камни; орудія и лафеты были разбиты и перевернуты, вездѣ видѣлась кровь; въ нижнемъ этажѣ и въ верхней открытой батарее валялись изуродованные трупы, которыхъ не успѣли еще убрать. Батареинный командиръ (помните, капитанъ Козловскій) говорилъ мнѣ, что если бомбардировка возобновится на другой день, то батарея не въ состояніи будетъ держаться, такъ какъ большая часть орудій подбита; но во всякомъ случаѣ, онъ надѣялся, что съ прикрытіемъ, находившимся при батарее, онъ не допуститъ непріятеля занять ее.

Приказавъ мнѣ увезти ракеты съ театральной площади, Корниловъ поѣхалъ на Малаховъ курганъ и въ то время, когда онъ говорилъ съ солдатами, стараясь ихъ воодушевить, ядро попало ему въ ногу и оторвало ее почти у самого бедра. Его положили на носилки и унесли къ нему въ домъ, гдѣ онъ умеръ черезъ три или четыре часа. Потеря Корнилова привела въ

отчаяніе весь Севастопольскій гарнизонъ: это былъ единственный человѣкъ, который пользовался общимъ довѣріемъ и на котораго возлагались самыя радужныя надежды. По службѣ онъ былъ моложе многихъ генераловъ, занимая постъ не болѣе какъ начальника штаба Черноморскаго флота, не дававшего ему права вмѣшиваться въ распоряженія сухопутными войсками; но начальникъ Севастопольскаго гарнизона Моллеръ назначилъ его начальникомъ штаба морскихъ и сухопутныхъ силъ Севастополя и, давъ ему неограниченное право дѣйствовать его именемъ, тѣмъ поставилъ его въ положеніе полновластнаго распорядителя обороной; правой его рукой былъ Тотлебенъ. Этимъ двумъ лицамъ Севастополь обязанъ былъ тѣмъ, что, будучи совершенно открытымъ городомъ съ сухопутной стороны, онъ, въ теченіе самаго непродолжительнаго времени, сдѣлался крѣпостью, которую четыре союзныя арміи могли взять только послѣ 11-ти-мѣсячной осады. Въ энергіи и преданности своему дѣлу Корниловъ и Тотлебенъ могли соперничать, но въ военныхъ способностяхъ и знаніи Русскаго солдата перевѣсъ былъ конечно на сторонѣ Корнилова. Тотлебенъ былъ только хорошій инженеръ, но не геніальный, какъ нѣкоторые думаютъ; онъ удивлялъ всѣхъ своею дѣятельностью, заставлявшею его вѣздить день и ночь по сдѣланнымъ имъ укрѣпленіямъ и создавать новыя, не заботясь о томъ ужасномъ трудѣ, которому онъ подвергалъ войска гарнизона; но нѣкоторыя изъ его укрѣпленій, въ настоящее время, подвергаются критикѣ людей компетентныхъ, какъ напр. генераль-адъютанта Хруцова, описавшаго совершенно безпристрастно оборону Севастополя. Я, съ своей стороны, изъ моего знакомства съ Тотлебеномъ, могу привести слѣдующій случай. Въ концѣ октября мѣсяца по городу разнесся тревожный слухъ, что непріятель ведетъ мины, которыми думаетъ взорвать на воздухъ бастіоны и городъ. Я и два артилерійскихъ офицера нѣней артилеріи, стоявшей въ Севастополѣ, рѣшились отправиться къ Тотлебену, чтобъ узнать, на сколько можно довѣрять этому слуху. Тотлебенъ, выслушавъ насъ, объявилъ съ полной увѣренностью, что при каменномъ

грунтѣ, на которомъ стоитъ Севастополь и его окрестности, минныя работы невозможны; а потому онъ просилъ насъ слуху не вѣрить. Слова Тотлебена, какъ извѣстно, не оправдались; впоследствии мы вели съ непріятелемъ самую упорную минную войну, героемъ которой былъ инженеръ Мельниковъ, прозванный *кромомъ*. Не знаю, какъ объяснить увѣренность Тотлебена въ невозможности минныхъ работъ; если это была ошибка съ его стороны, то едва ли ее сдѣлалъ бы гениальный инженеръ.

6-го октября рано утромъ я отправился на квартиру Корнилова, чтобы поклониться покойнику и узнать, когда будутъ похороны; тамъ я увидалъ нѣсколько морскихъ офицеровъ и одного изъ адъютантовъ князя Меншикова, выражавшихъ нескрепное сожалѣніе о понесенной потерѣ не только Севастополемъ, но и всей Россіей. Похороны были назначены въ седьмомъ часу вечера того же дня. Гробъ несли по Екатерининской улицѣ въ строившуюся въ то время на горѣ церковь св. Владимира, гдѣ похороненъ былъ Лазаревъ и гдѣ приготовили могилу и для Корнилова. Помню, что когда несли гробъ, ручка, за которую я держалъ его, сломалась и осталась у меня въ рукахъ; долго я хранилъ ее въ знакъ воспоминанія. Въ продолженіе всего времени, когда похоронная процессія шла въ храмъ св. Владимира, непріятель пускалъ бомбы, которыя хотя не долетали до насъ, но своимъ разрывомъ пугали духовенство, шедшее впереди процессіи. Когда гробъ стали опускать въ могилу, батальонъ матросовъ, провожавшій тѣло, сдѣлалъ залпъ изъ ружей согласно военному уставу. Нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ и пѣвчіе, не ожидая залпа, такъ перепугались, что остановили служеніе и выразили готовность бѣжать, но вскорѣ оправдались, и служба продолжалась. Можно на вѣрно сказать, что у всѣхъ присутствовавшихъ на похоронахъ была въ головѣ мысль, что вмѣстѣ съ Корниловымъ хоронятъ и Севастополь. На похоронахъ было довольно много женщинъ, болѣею частью женъ матросовъ, которыя плакали навзрыдъ; въ числѣ

женщинъ я замѣтилъ и Мусину-Пушкину, которую видѣлъ на другой день Альминскаго сраженія подававшую помощь раненымъ и плакавшую при видѣ ихъ страданій. Моряки, товарищи ея мужа, мнѣ разсказывали, что хотя жены всѣхъ служащихъ уѣхали изъ Севастополя, но Мусина-Пушкина такъ любила своего мужа, что ни за что не хотѣла съ нимъ разстаться и осталась въ городѣ, считая себя счастливой, что мужъ приходилъ къ ней иногда по вечерамъ на нѣсколько минутъ съ четвертаго бастиона, на которомъ онъ служилъ. Сначала она жила въ Екатерининскомъ дворцѣ, потомъ перешла на какую-то шкуну, стоявшую въ бухтѣ и наконецъ, чтобы быть ближе къ мужу, поселилась въ землянкѣ позади 4-го бастиона. Это послѣднее помещеніе находилось подъ непріятельскими выстрѣлами, было очень опасно выходить изъ него днемъ; горничная ея, ставившая самоваръ внѣ землянки, была контужена въ спину осколкомъ бомбы. Познакомившись съ Мусиною-Пушкиной, я бывалъ у нея, когда она жила на шкунѣ и всегда встрѣчалъ кого-нибудь изъ моряковъ; не рѣдко тамъ бывалъ Поповъ, извѣстный изобрѣтатель *поповокъ*. Обращеніе ея со всѣми было скромное, непринужденное, но неполное достоинства; страдая за мужа, который подвергался ежеминутно опасностямъ, она старалась скрыть свои страданія и подчасъ улыбалась въ то время, когда ей, вѣроятно, хотѣлось плакать. Не смотря на ея молодость и красивую наружность, видно было, что эта женщина имѣла твердую волю и сильный характеръ. Бывши у нея одинъ разъ въ то время, когда пріѣхалъ ея мужъ, я былъ пораженъ видѣть ту восторженную любовь, съ которой она его встрѣтила и которая просвѣчивала въ каждомъ ея движеніи. Это идеаль женщины, думалъ я, и сталъ себя упрекать въ томъ, что, послѣ неслыханныхъ мною разочарованій, я нѣсколько измѣнилъ мое хорошее мнѣніе о женщинахъ. Оказалось, какъ я узналъ впослѣдствіи, что исторія съ Мусиною-Пушкиной окончилась вовсе не идеально, а самымъ обыкновеннымъ образомъ. Мужъ ея не былъ ни убитъ, ни раненъ, а умеръ отъ тифа; черезъ три мѣсяца послѣ его смерти, она вышла замужъ за од-

ного инженера, котораго я у нея видалъ и который купилъ у меня тараптасъ, вѣроятно для того, чтобы увезти ее изъ Севастополя.

Послѣ похоронъ Корнилова, офицеры 14-й батареи, которою командовалъ Маевскій, просили меня зайти къ нимъ пить чай въ палатку, поставленную ими на Николаевской площади. Разказавъ имъ обо всемъ, что я видѣлъ и слышалъ на похоронахъ, мы стали обсуживать наши предположенія о томъ, что намъ предстоитъ въ будущемъ; въ это время, къ удивленію нашему, поднялась пола палатки, и передъ нами явился монахъ, никому не знакомый. Офицеры предложили ему стаканъ чаю съ ромомъ; онъ охотно согласился и сѣлъ къ столу, объяснивъ намъ, что онъ—Грекъ, былъ священникомъ на одномъ изъ кораблей, а въ настоящее время живетъ въ Севастополѣ безъ всякихъ занятій. Затѣмъ, выпивъ два стакана пушну, онъ ожилъ и перешелъ къ разказамъ о частной жизни нѣкоторыхъ адмираловъ; мы слушали его и смѣялись. Въ это время за палаткой раздался женскій голосъ, звавшій монаха скорѣе идти домой. Офицеры встали съ своихъ мѣстъ, а одинъ изъ нихъ взялъ полу палатки, чтобы открыть ее и посмотреть женщину, которой принадлежалъ слышанный голосъ; но монахъ схватилъ его за руку и, обратившись къ офицерамъ, просилъ ихъ дать слово, что они не тронутъ его красавицы. Всѣ обѣщали. Въ палатку вошла дѣйствительно красавица: черные выразительные глаза, смуглое лицо и порывистыя манеры изобличали въ ней женщину бывалую и не-русскаго происхожденія; то была, какъ оказалось, Итальянка. Обратившись къ монаху, на коверканномъ Русскомъ языкѣ, съ упрекомъ, что онъ заставилъ ее ждать подъ дождемъ болѣе получаса, между тѣмъ какъ обѣщаль выйти изъ палатки черезъ пять минутъ, она пригрозила сдѣлать ему на голову такое украшеніе, на которое нельзя будетъ надѣть клобукъ. Монахъ разсмѣялся этой выходкѣ и увѣрялъ ее, что онъ не боится никакихъ украшеній, такъ какъ клобукъ его легко растягивается, но что для нея невыгодно

мѣнять монаха на офицера: офицера могутъ убить ежеминутно, а монахъ всегда останется при пей. Офицеры предложили ей стаканъ чаю; она поблагодарила, повеселѣла, шутила надъ монахомъ, говорила двусмысленности, на которыя офицеры отвѣчали ей тѣмъ же. Время шло очень весело; наконецъ она рѣшилась даже спѣть какой-то романсъ, но при первыхъ звукахъ ея голоса раздались на бастіонахъ выстрѣлы, за которыми послѣдовала частая ружейная стрѣльба. Монахъ схватилъ свою красавицу и поспѣшно вышелъ изъ палатки. Кто былъ этотъ монахъ, осталось неизвѣстнымъ. Миѣ показалось страннымъ, что у него были короткіе волосы. Не былъ ли это переряженный въ монашеское платье?

Пальба продолжалась довольно долго; мы полагали, что непріятель подготавливаетъ ночное нападеніе, но выстрѣлы мало-по-малу прекратились, и все умолкло. Причиною тревоги, какъ оказалось, былъ Французскій капитанъ, который, провѣряя свою цѣль, наткнулся въ темнотѣ на нашъ секретъ; солдатъ, бывшій въ секретѣ, выстрѣлилъ, а за нимъ открыли огонь цѣль и орудія на бастіонахъ; непріятель съ своей стороны сталъ стрѣлять, думая, что готовится вылазка. Прошло немало времени, покуда обѣ стороны убѣдились въ своей ошибкѣ и прекратили стрѣльбу. Тревоги, подобныя этой, бывали перѣдко въ первое время осады. Французскій капитанъ, въ котораго выстрѣлилъ нашъ секретъ, былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ, подъ конвоемъ, на гаунтвахту, находившуюся на Николаевской батарее. Я спросилъ его, скоро ли мы можемъ ожидать штурма; онъ мнѣ отвѣчалъ, что при главнокомандующемъ Капроберѣ штурма вѣроятно не будетъ, такъ какъ онъ считаетъ правильную осаду наилучшимъ средствомъ взять городъ, но что вѣроятно императоръ Наполеонъ III его смѣнитъ и назначитъ Пелисье, который извѣстенъ въ арміи энергіей и рѣшимостью. Плѣннаго капитана на другой день уехали изъ Севастополя въ центральныя губерніи Россіи.

Я сказалъ, что домъ, въ которомъ мы жили съ Масевскимъ, былъ разрушенъ бомбой. Начальникъ артилерійскаго гарнизона полковникъ Карповъ пригласилъ насъ поселиться съ нимъ въ одномъ изъ казематовъ Николаевской батареи; мы, конечно, съ благодарностью приняли его приглашеніе. Николаевская батарея, которой теперь въ Севастополѣ нѣтъ (на мѣстѣ, гдѣ она стояла, разбитъ садъ) составляла, въ то время, двухъэтажное каменное длинное зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго жили солдаты и находились всѣ хозяйственные помѣщенія, а верхній этажъ состоялъ изъ большихъ комнатъ или казематовъ, въ которыхъ стояли крѣпостныя орудія. Въ стѣнѣ казематовъ, обращенной къ морю, прорѣзаны были амбразуры или отверстія, въ которыя смотрѣли дула орудій, а по стѣнѣ противоположной морю, выходящей на Николаевскую площадь, шла галерея, въ которую выходили окна казематовъ. Изъ сказаннаго видно, что въ казематахъ было не совсѣмъ свѣтло, такъ какъ окна были сдѣланы не внаружу, а въ галерею; было сыро вълѣдствіе того, что лучи солнца туда не проникали; наконецъ, было холодно въ зимнее время отъ наружнаго воздуха, свободно входившаго въ амбразуры. Но, помѣстившись въ одномъ изъ такихъ казематовъ, я былъ очень доволенъ моимъ помѣщеніемъ, сравнивая его съ палаткой, въ которой жилъ на бивакахъ; болѣе же всего я былъ доволенъ тѣмъ, что жилъ не одинъ, а съ Масевскимъ и Карповымъ, которые оба были весьма хорошіе и обязательные люди.

Бомбардированіе съ моря послѣ 5-го октября не повторялось: непріятель посылалъ, что обстрѣливаніе флотомъ нашихъ морскихъ батарей было безцѣльно, такъ какъ ни одна наша батарея, кромѣ Константиновской, не пострадала, между тѣмъ какъ на нѣкоторыхъ непріятельскихъ судахъ наши орудія сдѣлали существенныя поврежденія. Стрѣльба съ суши продолжалась, но первые дни послѣ 5-го Октября была весьма слаба: слышались днемъ изрѣдка выстрѣлы, на которые мы отвѣчали,

вечеромъ же воцарялась полная тишина; почъ служила намъ и непріятелю для исправленія сдѣланныхъ днемъ поврежденій и возведенія новыхъ укрѣпленій. Вскорѣ непріятель открылъ вторую паралель. Чтобы препятствовать его работамъ, производились вылазки, изъ которыхъ нѣкоторыя, въ особенности противъ Англичанъ, были всегда удачны; вылазки же противъ Французовъ встрѣчали большею частію сильный отпоръ, причинявшій намъ большія потери. Разсуждая, въ настоящее время, хладнокровно о нашихъ дѣйствіяхъ при оборонѣ Севастополя, нельзя не сказать, что вылазки не приносили намъ никакой пользы; онѣ послужили только къ уничтоженію двухъ или трехъ тысячъ человѣческихъ жизней и дали Георгіевскіе и другіе кресты лицамъ, въ нихъ участвовавшимъ. Начальникъ одного изъ отдѣленій Севастопольской обороны, адмиралъ Истоминъ, понимая безполезность вылазокъ, не допускалъ ихъ въ своемъ отдѣленіи. На вылазкахъ въ особенности прославился извѣстный матросъ *Конка* и отличился молодой лейтенантъ Бирюлевъ, который получилъ Георгія и сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ; но недешево обошлась ему сдѣланная имъ военная карьера: онъ умеръ, далеко не доживъ до старости, отъ психическаго разстройства.

Живя на Николаевской батарее въ совершенномъ бездѣйствіи, я немовѣрно скучалъ. Поутру я писалъ письма къ лицамъ, съ которыми былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Эти лица были большею частію женщины; въ числѣ ихъ были и Ольга С..., и Гурьева, и Хлюстица, и даже княгиня Пина, которая передъ моимъ отъѣздомъ въ Севастополь дала мнѣ образокъ. Всѣ онѣ сами писали мнѣ нерѣдко, и я находилъ особенное удовольствіе перечитывать ихъ письма: такъ много въ нихъ было горячаго ко мнѣ участія. Затѣмъ, не думая о томъ, что я нахожусь въ живыхъ при томъ безвыходномъ положеніи, въ которомъ мы находились, я написалъ неувѣдь моего прошлаго и, въ случаѣ моей смерти, просилъ передать ее моей сестрѣ,

въ дружбѣ которой я былъ увѣренъ. Вечеромъ я отправился на Графскую пристань, куда привозили тѣла всѣхъ убитыхъ въ этотъ день; у пристани стоялъ пароходъ, на которомъ ихъ перевозили на сѣверную сторону и тамъ хоронили безъ гробовъ въ одной общей могилѣ. На Графской пристани собиралось обыкновенно много офицеровъ, которые сообщали другъ другу новости дня; въ нѣкоторыхъ разсказахъ, несмотря на драматическую обстановку, была и комическая сторона. Такъ одинъ морякъ разсказывалъ, что на 4-мъ бастіонѣ какому-то матросу оторвало ядромъ голову; когда туловище перевезли въ помещеніе для покойниковъ, двѣ жены матросовъ, принявъ его каждая за своего мужа, стали спорить, кому изъ нихъ голосить; споръ дошелъ бы до драки, если бы священникъ не началъ служить панихиду. Съ Графской пристани я возвращался домой и сѣдился пить чай съ Карновымъ и Маевскимъ. Въ это время къ Карнову пріѣзжалъ обыкновенно морской офицеръ Хитрово, который завѣдывалъ снабженіемъ батарей и бастіоновъ зарядами. Онъ сообщалъ сколько выпущено было въ этотъ день снарядовъ и сколько ихъ слѣдуетъ доставить на слѣдующій день. Карновъ, какъ начальникъ артиллерійскаго гарнизона, дѣлалъ распоряженія, а затѣмъ мы обсуживали трудное положеніе, въ которомъ находились. Мы очень хорошо понимали, съ одной стороны, что непріятель не могъ отказаться отъ намѣренія взять Севастополь и что, имѣя громадныя денежныя средства и прекрасно вооруженную армію, онъ будетъ настойчиво стремиться къ этой цѣли; но съ другой стороны, мы знали отвагу и доблесть нашего солдата, и заключенія, къ которымъ мы приходили, заставляли насъ сильно призадумываться надъ тѣмъ, что насъ ожидаетъ въ будущемъ. Хитрово говорилъ, что солдаты и матросы желаютъ съ нетерпѣніемъ штурма; но непріятель, окруживъ насъ желѣзнымъ кольцомъ, медлитъ, и эта медлительность приводила всѣхъ въ отчаяніе.

Чтобы ободрить войска Севастопольскаго гарнизона и возвысить ихъ духъ, князь Меншиковъ прислалъ въ Севастополь

реляцію объ удачномъ дѣлѣ 13-го Октября подъ Балаклавой, въ которомъ Липранди взяли три непріятельскіе редута и удержали ихъ, несмотря на всѣ усилія непріятели отнять ихъ. Реляція эта читалась съ особеннымъ удовольствіемъ и дѣйстви-тельно произвела на всѣхъ самое ободряющее дѣйствіе; но на другой день, то-есть 14-го Октября, случилось событіе, немало отравившее благотворное дѣйствіе реляціи. Князь Меншиковъ извѣстилъ запиской начальника Севастопольскаго гарнизона Моллера, что Англійскія батареи имѣютъ слабое прикрытіе. Моллеръ долго обдумывалъ значеніе этой записки и наконецъ рѣшивъ, что противъ Англійскихъ батарей должна быть сдѣлана вылазка, послалъ Бутырскій полкъ съ 4-мя полевыми орудіями, въ одинацатомъ часу утра, для атаки ихъ съ фронта. Результатъ можно было предвидѣть: едва полкъ подошелъ на выстрѣлъ крѣпостнаго орудія, какъ непріятель открылъ огонь и положилъ на мѣстѣ почти половину полка; другая же половина вернулась, не сдѣлавъ непріятелю ни малѣйшаго вреда. И нѣкоторые артилерійскіе офицеры стояли въ это время на крышѣ Николаевской батареи и слѣдили за движеніемъ полка; горько намъ было видѣть, какъ сотни человѣческихъ жизней приносились въ жертву неспособности нашихъ генераловъ.

Вскорѣ послѣ дѣла Липранди, по городу разнесся слухъ, что къ намъ идутъ сильныя подкрѣпленія съ Дуная; всѣ оживи духомъ, въ надеждѣ, что вновь пришедшія войска атакуютъ непріятели и заставятъ его снять осаду Севастополя. Дѣйстви-тельно, въ 20-хъ числахъ Октября пришли 10-я и 11-ая пѣхотныя дивизіи подъ командою генераловъ Соймонова и Павлова. По прибытіи ихъ князь Меншиковъ рѣшилъ атаковать непріятели 24-го Октября двумя колонами, одной со 2-го бастиона, а другою отъ Инкерманскаго моста, отчего сраженіе было названо Инкерманскимъ. Мы, какъ извѣстно, проиграли это сраженіе и понесли потерю болѣе 10 тысячъ человѣкъ, исключительно вълѣдствіе безпорядковъ, бывшихъ въ нашей арміи и вълѣд-

ствіе неспособности нашихъ генераловъ. Никто изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей не зналъ плана сраженія; каждый полкъ шелъ въ атаку и уходилъ съ поля сраженія безъ всякой связи съ дѣйствіями другихъ полковъ. Былъ случай, когда одинъ полкъ стрѣлялъ въ другой нашъ полкъ, принявъ его за непріятеля, влѣдствіе бывшихъ на немъ особой формы шапокъ, данныхъ ему Хомутовымъ. Князь Меншиковъ обвинялъ въ неудачѣ генерала Даненберга, которому онъ поручилъ командованіе войсками, бывшими въ бою; но, какъ кажется, болѣе всего виноватъ былъ самъ князь, у котораго не было ни порядочнаго начальника штаба, ни сколько нибудь дѣльныхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Войска, только что пришедшія съ Дуная, не знали мѣстности и, не имѣя колоновожатыхъ, блуждали по полю, атаковали и преслѣдовали непріятеля безъ всякаго приказанія, а затѣмъ, попавъ подъ сильный огонь непріятельскихъ орудій, расходились въ разныя стороны, не зная кто былъ ихъ начальникъ и гдѣ онъ находится. Несмотря однакожь на все эти безпорядки, Англичане были совершенно разбиты, и сраженіе могло бы быть выиграно, если бы князь Горчаковъ атаковалъ Боске, стоявшаго противъ него у Сапунъ-горы; но, оставаясь въ бездѣйствіи, онъ далъ возможность Французской дивизіи уйти на помощь Англичанамъ и разбить наши полки, преслѣдовавшіе Англичанъ. При этомъ надобно замѣтить, что у Французовъ все войска были введены въ дѣло, у насъ же нѣкоторые полки вовсе не были въ дѣлѣ. При отступленіи, которое совершалось въ полномъ безпорядкѣ, былъ такой случай: десять артилерійскихъ батарей сошлись въ одной балкѣ и, утоная въ грязи, едва двигались по направленіи къ Севастополю. Замѣтивъ это, Французскіе стрѣлки залегли по сторонамъ балки и открыли противъ нихъ огонь. Положеніе нашей артилеріи было ужасное; непріятель, перебивъ прислугу, могъ бы взять все орудія; но спасителемъ явился Тотлебенъ: онъ откуда-то привелъ саперъ и баталіонъ пѣхоты; пѣхота отѣснила стрѣлковъ, а саперы исправили дорогу и помогли вывести орудія изъ грязи. Нельзя не сказать, что

если бы у насъ былъ не одинъ Тотлебенъ, а нѣсколько такихъ генераловъ, то непріятель дорого бы заплатился за дерзость, съ которой онъ внесъ войну въ наши предѣлы. Генераль-адъютантъ Хруцовъ, описывая Инкерманское сраженіе, говоритъ: „Во время дѣла допущенъ былъ большой безпорядокъ; солдаты толпами уходили съ поля битвы подъ предлогомъ уноса раненныхъ и не возвращались къ своимъ частямъ. Полки водились въ атаку безъ опредѣленныхъ указаній, батальоны за батальономъ, а будучи отброшены непріателемъ, исчезали съ поля сраженія. Никто не заботился собрать разстроенныя части и снова ввести въ дѣло. Хотя иностранцы писали, что мы отступали въ порядкѣ, но они не могли видѣть, что у насъ дѣлалось на отлогостяхъ горъ, а Англичане были такъ разстроены, что не мыслили о пастойчивомъ преслѣдованіи. Большая часть войска отступала не командами, а въ разбродъ: отъ одного и того же полка нѣкоторые шли въ городъ, а другіе на Инкерманскій мостъ“.

IX.

Контузія въ голову.—Жизнь въ госпиталѣ.—Мои впечатлѣнія.—Отъѣздъ въ Москву.—
Кончина Императора Николая Павловича.

Наканунѣ Инкерманскаго сраженія пріѣхали въ Севастополь Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ. Во все время боя они находились при войскахъ и своимъ присутствіемъ немало содѣйствовали къ ихъ воодушевленію. Князь Меньшиковъ едва могъ удержать стремленіе Ихъ Высочествъ быть въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ боя. Живя въ Севастополѣ, Великіе Князья постоянно посѣщали госпиталь, утѣшая раненыхъ, помогали нуждающимся и своимъ ласковымъ и гуманнымъ обращеніемъ успѣли внушить къ себѣ общую любовь и уваженіе.

Послѣ Инкерманскаго сраженія, успѣхъ овладѣло городомъ; исчезла надежда на скорое снятіе осады Севастополя. Но моряки стали утѣшать себя мыслью, что бури, которыя бываютъ обыкновенно на Черномъ морѣ въ осеннее время, разсѣютъ союзный флотъ. Одна изъ такихъ бурь разразилась 2-го ноября; сила вѣтра была такъ велика, что я съ большимъ трудомъ могъ перейти черезъ Николаевскую площадь. Въ это время я видѣлъ, какъ какой-то отставной солдатъ опрокинутъ былъ вѣтромъ и катился по площади почти до самой Графской пристани, не имѣя силы встать; со многихъ домовъ сорваны были крыши, на улицахъ лежали обломки разрушенныхъ строе-

ній. Несмотря на такую ужасную бурю, ни одинъ союзный военный корабль не былъ сорванъ съ якоря; выброшено было на берегъ только около 15-ти транспортныхъ судовъ, что, конечно, не могло оказать никакого вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій.

Въ началѣ Ноября непріятель направилъ свои осадныя работы преимущественно на 4-й бастионъ. Подступы свои онъ довелъ до 80 сажень отъ бастиона и устроилъ траншеи п рвы, изъ которыхъ стрѣлки поражали нашу орудійскую прислугу почти безъ промаха; бывали ночи, когда на 4-й бастионъ ложилось до 700 бомбъ. Ежедневная потеря людей была огромная. Въ это время, кому-то изъ начальства пришла въ голову мысль послать на бастионъ ракеты для дѣйствія ими противъ стрѣлковъ. Я тотчасъ же вынулъ ихъ изъ ящиковъ, осмотрѣлъ станки, собралъ обученныхъ мной матросовъ и ждалъ ежеминутно приказа отправиться на бастионъ; но прошло нѣсколько дней, и приказа я не получалъ. Сознаюсь, что эти нѣсколько дней, я провелъ въ немаломъ волненіи, такъ какъ, въ то время, считалось невозможнымъ вернуться съ 4-го бастиона, иначе какъ убитымъ или раненымъ. Не за долго передъ тѣмъ, я получилъ письмо отъ моей хорошей знакомой Титовой, въ которомъ она просила узнать, что стало съ ея племянникомъ морскимъ офицеромъ Быковымъ, отъ котораго мать его давно не получала писемъ. Узнавъ, что онъ находится на 5-мъ бастионѣ, я рѣшился повидаться съ нимъ до полученія приказа, а такъ какъ дорога на 5-й бастионъ шла очень близко отъ 4-го, то, выбравъ обѣденный часъ, когда стрѣльба производилась рѣдко, я отправился прежде на 4-й бастионъ, чтобы ознакомиться съ мѣстностью и найти удобное мѣсто для дѣйствія ракетами; но, не доходя до этого бастиона, надъ моей головой пролетѣла бомба, которую разорвало позади меня, и я упалъ безъ чувствъ. Не знаю, долго ли я лежалъ; но очувшись, я увидалъ себя окруженнымъ пѣхотными солдатами,

изъ которыхъ у одного въ рукахъ были носилки. Чувствуя небольшую боль въ головѣ, но не видя никакой раны, я быстро всталъ и пошелъ на перевязочный пунктъ, устроенный въ Дворянскомъ Собраніи, чтобы просить доктора меня осмотрѣть и сказать, что со мной случилось. На перевязочномъ пунктѣ я нашелъ очень много раненыхъ, которымъ нѣсколько врачей подавали помощь. Не желая отвлекать ихъ отъ занятій, я сказалъ дежурному плацъ-адъютанту о причинѣ моего прихода и хотѣлъ уйти, но плацъ-адъютантъ просилъ меня остаться и позвалъ какого-то доктора изъ другой комнаты. Когда я рассказалъ ему подробно все, что со мною было, онъ сталъ щупать голову и, дотронувшись до шишки, которая вскочила на затылкѣ и которой я не замѣтилъ, сдѣлалъ мнѣ такую боль, что я вскрикнулъ. Объяснивъ мнѣ, что я контуженъ въ голову, онъ приказалъ немедленно обрить затылокъ и поставить иппоневскую мушку. Я отказался исполнить его приказаніе, рассчитывая, что шишка пройдетъ и безъ лѣченія и ушелъ домой; но черезъ три дня, проснувшись утромъ, я, къ ужасу моему, замѣтилъ, что плохо вижу. Перспектива потерять зрѣніе такъ меня испугала, что я тотчасъ отправился къ старшему врачу госпиталя и просилъ его дать мнѣ совѣтъ. Онъ потребовалъ, чтобъ я остался въ госпиталѣ и предложилъ мнѣ помѣститься въ одной комнатѣ съ раненымъ 24-го Октября командиромъ Колыванскаго полка полковникомъ Пересвѣтовымъ. По переездѣ моемъ въ госпиталь я не могъ читать: такъ плохо было мое зрѣніе. Мнѣ тотчасъ обрили часть головы, положили три иппоневскіе мушки на затылокъ одну подлѣ другой и поставили восемь банокъ на шею и между плечъ. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, узнавъ отъ моего товарища, состоявшаго при немъ поручика Савицкаго, что я контуженъ, прислалъ ко мнѣ своего доктора осмотрѣть меня и спросить, не имѣю ли я къ нему какой-либо просьбы. Я выразилъ мою глубокую благодарность и просилъ передать Его Высочеству, что мое единственное желаніе заключается въ томъ, чтобы уѣхать въ отпускъ и серьезно полѣчиться у специалистовъ по глазнымъ

болѣзнями; въ госпиталѣ же нѣтъ окулистовъ, да къ тому же помещеніе такъ сыро, что, по словамъ старшаго врача, оно можетъ имѣть вліяніе на мое общее здоровье. Одновременно съ этимъ я подалъ прошеніе князю Меншикову объ увольненіи меня въ отпускъ и приложилъ свидѣтельство врачей госпиталя, удостоверяющее, что отпускъ мнѣ необходимъ. Вскорѣ его свѣтлость разрѣшилъ мнѣ четырехъ-мѣсячный отпускъ; но я долженъ былъ остаться въ госпиталѣ около трехъ недѣль, чтобы имѣть возможность, по состоянію моего здоровья, отправиться въ путь.

Жизнь моя въ госпиталѣ имѣла для меня интересъ, вслѣдствіе знакомства, которое я сдѣлалъ съ нѣкоторыми ранеными. Первый изъ нихъ былъ мой товарищъ по комнатѣ Пересвѣтовъ. Будучи очень разговорчивъ, онъ рассказывалъ мнѣ постоянно разные эпизоды изъ его служебной практики, причемъ отзывался очень рѣзко обо всемъ и обо всѣхъ. Мнѣніе его о Русскомъ солдатѣ извѣстно уже читателямъ моихъ замѣтокъ; объ офицерахъ онъ отзывался весьма нелѣстно, увѣряя, что въ 10-й дивизіи офицеры такъ малограмотны, что полковые командиры съ трудомъ могутъ выбрать полковыхъ адъютантовъ; о неспособностяхъ нѣкоторыхъ генераловъ онъ рассказывалъ весьма забавные анекдоты. Хвалилъ онъ только своего бывшаго начальника дивизіи Соймонова, убитаго въ сраженіи подъ Иккерманомъ, и начальника инженеровъ на Дунаѣ Шильдера. Особенно хорошаго мнѣнія онъ былъ о капитанѣ Апостолѣ Спиридоновичѣ Костандѣ, котораго зналъ на Дунаѣ и которому пророчилъ блестящую военную карьеру.

Другой раненый, жившій въ комнатѣ рядомъ со мной, былъ командиръ Томекаго полка полковникъ П—въ. Это былъ человекъ 65 л., здоровой комплекціи, прослужившій въ военной службѣ болѣе 40 лѣтъ. По словамъ Пересвѣтова, когда онъ (П—въ) поступилъ на службу, то не имѣлъ никакого состоя-

нія, а прокомандовавъ полкомъ около 15 лѣтъ, успѣлъ съэкономить себѣ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, которые лежали у него въ полковомъ ящикѣ; семейства онъ не имѣлъ, хотя былъ женатъ, но жена съ нимъ не жила. Будучи раненъ въ Цинкерманскомъ сраженіи шестой разъ, онъ подалъ въ отставку и имѣлъ право быть причисленъ къ раненымъ перваго разряда. Выслуживъ такимъ образомъ все, что можно было и вполнѣ обезпечивъ себя подъ старость, П—въ находилъ безразсудствомъ продолжать службу и хлопоталъ о скорѣйшемъ полученіи отставки. По пріѣхалъ его навѣститъ командующій Томскимъ полкомъ какой-то маіоръ и сообщилъ ему, что князь Меншиковъ утвердилъ очень высокія справочныя цѣны, такъ что, по сдѣланному ими обоими расчету, ежемѣсячный доходъ съ полка долженъ былъ составлять не менѣе восьми тысячъ рублей. По отъѣздѣ маіора, П—въ призадумался и на другой день написалъ письмо къ князю Меншикову, въ которомъ изложилъ, что рана его заживаетъ и что онъ чувствуетъ себя въ силахъ продолжать службу, а потому проситъ отставку его возвратить; при этомъ въ письмѣ была, конечно, ссыла на патріотизмъ, и выражено было желаніе служить царю и отечеству до послѣдней капли крови. Отвѣтъ на это письмо, какъ можно было ожидать, былъ самый теплый, и все незнакоміе истиннаго мотива письма отнесли къ старому ветерану съ сочувствіемъ и благодарностью.

О ПОСЛѢДНЕЙШИХЪ ЛѢТАХЪ

Въ одной комнатѣ съ П—мъ жилъ маіоръ, у котораго отняли ногу; онъ постоянно жаловался, что у него чешутся пальцы ноги, которая отнята и что онъ испытываетъ такіа непріятныя ощущенія, которыя заставляютъ его страдать болѣе, чѣмъ во время операціи.

Пересѣтовъ, получившій подъ Цинкерманомъ двѣ раны, подалъ также въ отставку и, не соблазнившись справочными цѣнами, собирался уѣхать на свою родину, въ Смоленскую гу-

бернію; но я уѣхалъ изъ Севастополя прежде него и что стало съ нимъ и съ П—мъ послѣ моего отъѣзда, не знаю.

10-го Декабря 1854 года я послалъ за перекладной, уложилъ въ нее самыя пужныя мои вещи и, вмѣстѣ съ моимъ лакеемъ, мы тронулись въ путь, сопровождаемые наилучшими пожеланіями моихъ новыхъ знакомыхъ по госпиталю. Многія мои вещи, которыя я привезъ изъ Петербурга въ тарантаѣ и въ числѣ которыхъ былъ большой сундукъ съ книгами, я долженъ былъ оставить на Николаевской батарее, по пеимѣнію для нихъ мѣста въ телѣгѣ. Кому достались эти вещи, я не знаю; но помню, что, бывши черезъ годъ послѣ Севастопольской войны во Франціи, я познакомился въ *Luc sur Mer* съ однимъ Нормандскимъ помѣщикомъ, который рассказывалъ, что его знакомый офицеръ показывалъ ему сочиненія Спипозы, привезенныя имъ изъ Севастополя. Эти книги не изъ моего ли сундука?

Прежде чѣмъ говорить о моемъ путешествіи въ Москву, подведу итоги впечатлѣніямъ и всему, что я испыталъ и переживалъ въ Севастополѣ. Я сказалъ уже въ моихъ замѣткахъ, что не честолюбіе заставило меня искать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, а исключительно желаніе испытать ощущенія, вызываемыя боевой службой. Разочаровавшись въ моихъ идеалахъ, я хотѣлъ создать новыя цѣли, чтобы наполнить ими пустоту жизни. Я полагалъ, что опасности жизни, грозящія людямъ и возбуждающія въ нихъ борьбу чувства долга съ чувствомъ самосохраненія, нравственно улучшаютъ ихъ, заставляя забывать матеріальные разсчеты эгоизма; я думалъ найти въ боевыхъ товарищахъ и сочувствіе, и примѣръ безкорыстнаго служенія своему долгу. Но я жестоко ошибся: нигдѣ и никогда я не видѣлъ болѣе зависти, интригъ и пустого тщеславія, какъ тамъ, гдѣ каждый могъ жить только настоящимъ, не будучи увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Меня поражало, до чего

доходила жажда къ наградамъ. Для примѣра разскажу слѣдующій случай. Въ день Инкерманскаго сраженія, генералу Тимофѣеву поручено было съ Минскимъ полкомъ и батареей № 4-й, которою командовалъ Маевскій, атаковать Французскія батареи. Порученіе это было исполнено блестящимъ образомъ: батареи были взяты, орудія заклепаны; но при общемъ отступленіи нашихъ войскъ долженъ былъ отступить и отрядъ Тимофѣева. Будучи въ наилучшихъ отношеніяхъ съ офицерами 4-й батареи и увидавъ издали, что она возвращается въ Севастополь, я поспѣшилъ ей на встрѣчу, чтобы узнать, не раненъ ли или не убитъ ли кто изъ офицеровъ. На вопросъ мой объ этомъ офицеру, который ѣхалъ впереди батареи, онъ, съ лицомъ сіяющимъ отъ радости, не выслушавъ моего вопроса, сказалъ мнѣ: „Представьте, Тимофѣевъ обѣщалъ представить меня и всѣхъ офицеровъ къ наградамъ!“ Это чувство особеннаго удовольствія, вызванное въ офицерѣ надеждою на награду и заставившее его забыть и наше пораженіе, и наши громадныя потери людей, показалось мнѣ возмутительнымъ. Возмущался я не разъ и дѣйствіями нѣкоторыхъ честолюбцевъ, которые, ради полученія крестика, жертвовали сотнями людей, и дѣйствіями тѣхъ интригановъ, которые умѣли достигать своихъ честолюбивыхъ цѣлей не личными заслугами, а искательствомъ, угожденіемъ и пользуясь самоотверженіемъ другихъ. Когда я пріѣхалъ въ Севастополь, мнѣ говорили, что Корниловъ и Нахимовъ не ладили между собой, и каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ почитателей и своихъ близкихъ людей. Была въ Севастополѣ одна личность весьма сомнительной нравственности, которая умѣла снискать къ себѣ расположеніе Корнилова, у Нахимова же никогда не бывала; но умеръ Корниловъ, и эта самая личность въ самое короткое время сдѣлалась необходимымъ человекомъ у Нахимова. Я не назову этого лица, но увѣренъ, что каждый морякъ времени Севастопольской войны его легко угадаетъ.

Если мнѣ грустно было видѣть, какъ торжествуетъ нахальство и какъ остается въ тѣни истинное достоинство, то смот-

рѣть на страданія людей, эту закулисную сторону войны, и чувствовать свое безсиліе помочь имъ, было болѣе, чѣмъ грустно, было почти невыносимо. Думаю, что если бы дипломатовъ, отъ которыхъ зависятъ война и миръ, заставить сморѣть на несчастныхъ, плавающихъ въ крови и просящихъ, какъ милости приколоть ихъ, то едва ли они рѣшились бы произнести слово: война. Я былъ, между прочимъ, свидѣтелемъ одной сцены, которая меня довела чуть не до дурноты. Когда я пришелъ на перевязочный пунктъ, чтобы поговорить съ врачами о контузій, съ № 4-го бастиона привезли раненыхъ, въ числѣ которыхъ былъ Французъ, совершенно голый (его раздѣли, вѣроятно, наши солдаты), получившій три раны штыкомъ въ грудь; онъ ужасно стоналъ и дрожалъ отъ холода. Солдаты вынули его изъ фуры, принесли въ лазаретъ и такъ небрежно бросили на полъ, что дежурный плацъ-адъютантъ распекъ ихъ за ихъ безчеловѣчье. Видя страдальческое лицо Француза, я подошелъ къ нему и спросилъ, не желаетъ ли онъ чего? Французъ полуоткрылъ глаза и сказалъ мнѣ: „Je vous remercie, monsieur“, и затѣмъ слабымъ голосомъ произнесъ: adieu! и умеръ. Къ кому относилось его adieu, я не знаю; но мнѣ представилось, что онъ прощался съ людьми ему близкими, вдали отъ которыхъ судьбѣ угодно было послать ему смерть. Долго страдальческое лицо умирающаго Француза носилось въ моемъ воображеніи.

Результатомъ всего сказаннаго было то, что я не разъ раскаивался, что сдѣлался добровольно участникомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. У другихъ честолюбіе брало верхъ надъ состраданіемъ; я же, будучи совершенно равнодушенъ къ наградамъ, хотя и получилъ крестикъ, уѣхалъ изъ Севастополя съ разбитыми нервами.

Перевозъ мой изъ Севастополя въ Москву продолжался около трехъ недѣль. Ыхалъ я такъ долго, вѣдѣтвіе недостатка въ

почтовыхъ лошадахъ на станціяхъ, равно и вслѣдствіе головныхъ болей, которыя заставляли меня останавливаться въ нѣкоторыхъ городахъ на два и три дня для отдыха. Наконецъ, я выѣхалъ съ послѣдней почтовой станціи, показались золотые куполы Московскихъ церквей. Трудно описать то сладкое чувство, которое наполнило мое сердце при видѣ города, гдѣ жили всѣ близкіе мнѣ люди: слеза радости навернулася на глазахъ, и я крикнулъ ямщику, чтобы онъ ѣхалъ скорѣе.... Вотъ и застава.... часовой приглашаетъ меня на гауптвахту росписаться въ книгѣ, кто я и откуда пріѣхалъ. Я иду и от волненія ставлю не буквы, а какія-то каракули. Еще полчаса, и я дома, въ объятіяхъ матери и сестры. Всѣ въ восторгѣ отъ моего пріѣзда, но удивляются моему повязкѣ на головѣ, которая прикрываетъ мой выбритый и не советамъ зажившій затылокъ; я рассказываю, что былъ контуженъ въ голову. Съ моей матерью чуть не сдѣлалось дурцо, но часы восторга проходятъ, какъ и все на землѣ, и жизнь вступаетъ въ свою ежедневную колею.

Въ Москвѣ я пробылъ около двухъ мѣсяцевъ; меня всюду приглашали, на меня смотрѣли, какъ на героя, спрашивали о Севастополѣ, о Меншиковѣ; въ маскарадахъ же маски не давали мнѣ покою. Все это было, конечно, очень пріятно; но настало 18 Февраля 1855 года, и жизнь веселья и шумныхъ удовольствій остановилась. Москва какъ будто замерла: въ этотъ день скончался императоръ Николай Павловичъ. Всѣ имѣли такую вѣру въ глубокій умъ и сильную волю Императора, что въ кончинѣ его видѣли предвѣстіе гибели Россіи; но воцарился императоръ Александръ Николаевичъ, который не только возвеличилъ Россію, но и облагодѣтельствовалъ миліоны своихъ подданныхъ, даровавъ имъ человѣческія права.

Съ окончаніемъ царствованія императора Николая Павловича, оканчиваю и я мои замѣтки. Новое царствованіе потре-

бовало новыхъ людей; все старое оказалось несостоятельнымъ. Ищѣлить и заживить раны Россіи могли только новые порядки, новые идеалы. Я это понялъ и, простившись со всѣмъ, что наполняло мою жизнь въ прошломъ царствованіи, сдѣлался усерднымъ поклонникомъ требованій и идей новаго царствованія. Во имя ихъ я принялъ горячее участіе во всѣхъ реформахъ 60-хъ годовъ; но говорить о нихъ подожду до болѣе благопріятнаго времени.

К О Н Е Ц Ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. Служба въ Гвардейской Конной Артилеріи.—Кадетскіе корпуса прежняго времени.—Маскарадъ въ Новгородъ.—Старая Русса.—Первая любовь . . .	5
II. Лагерь подъ Краснымъ селомъ.—Практическая стрѣльба.—Экзамены Артилерійскихъ офицеровъ.—Официальный обманъ.—Товарищеское чувство. . . .	33
III. Левинъ.—Ольга С.—Тревога.—Маневры	46
IV. Травяное довольствіе.—Дуэли.—Дисциплина.—Полковникъ Овсянниковъ, Генералъ Шварцъ	55
V. Петербургскіе маскарады.—Анна С.—Назначеніе бригаднымъ адъютантомъ .	70
VI. 1847-й годъ.—Холера въ Петербургъ.—Выступленіе Гвардейскаго корпуса изъ Петербурга въ маѣ 1849 года.—Возвращеніе—Исторія Левина съ Шварцемъ.—Sophie.—Княгиня Нина.—Мое назначеніе въ Севастополь въ распоряженіе Князя Меншикова.	79
VII. Севастополь.—Высадка непріятеля около Евпаторіи.—Реконгносцировка 7-го сентября.—Альминское сраженіе и его послѣдствія	112
VIII. Фланговое движеніе къ Бакчисараю.—Севастополь послѣ Альминскаго сраженія.—Мусина-Пушкина.—Первое бомбандированіе Севастополя 5-го октября.—Удачное дѣло Липранди подъ Балаклавой.—Похороны Корнилова.—Тотлебенъ.—Инкерманское сраженіе.	138
IX. Контузія въ голову.—Жизнь въ госпиталѣ.—Мои впечатлѣнія.—Отъѣздъ въ Москву.—Кончина Императора Николая Павловича.	165

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ Г. Д. ЩЕРБАЧЕВА

находится въ Москвѣ, Хлѣбный переулокъ Арбатской части, домъ
№ 15, квартира автора № 1.

Въ складѣ имѣются слѣдующія сочиненія автора:

Двѣнадцать лѣтъ молодости, воспоминанія изъ временъ царствованія Императора Николая I, цѣна 1 руб.

Любовь и сила воли, біографическій очеркъ, цѣна 50 коп.

Очерки моей дѣятельности въ царствованіе Императора Александра II, цѣна 75 коп.

Краткій очеркъ теоріи и практики сельскаго хозяйства, цѣна 1 руб. 50 коп.

Земледѣльческій кризисъ и средства для борьбы съ нимъ, цѣна 20 коп.

Бесѣды о воспитаніи и преподаваніи, цѣна 30 коп.

Земскія пожарныя товарищества, цѣна 5 коп.

Воспоминаніе объ И. П. Кулибинѣ, статья автора прочитанная 17 марта 1868 года, цѣна 5 коп.

Иногородные выписывающіи изъ склада на сумму болѣе 30 коп. за пересылку ничего не платятъ.

